

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Под общей редакцией
В.В. Михеева

Москва
ИМЭМО РАН
2023

УДК 327+339(5)
ББК 66.4+65.5(5)
Н72

Рекомендовано к опубликованию НИС
Ученого совета ИМЭМО РАН

Серия «Библиотека Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова»

Рецензенты:

Б.А. Хейфец, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Центра постсоветских исследований ИЭ РАН

И.Я. Кобринская, кандидат исторических наук, руководитель Центра ситуационного
анализа ИМЭМО РАН

Общая редакция: академик РАН В.В. Михеев

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук, профессор РАН А.В. Ломанов,
кандидат экономических наук В.Г. Швыдко

Авторский коллектив:

И.В. Вахрушин, Л.А. Гамза, С.Н. Головин, О.В. Давыдов, Е.А. Канаев, А.В. Куприянов,
А.В. Ломанов, С.А. Луконин, Г.Г. Макаревич, Е.М. Митрохин, В.В. Михеев, М.А. Потапов,
М.Д. Савищева, В.В. Сумский, М.А. Терских, А.Н. Федоровский, В.Г. Швыдко

Н72

Новая реальность индо-тихоокеанского пространства / под общей ред. В.В. Михеева ;
отв. ред. А.В. Ломанов, В.Г. Швыдко. – Москва : ИМЭМО РАН, 2023. – 155 с.

ISBN 978-5-9535-0567-3

DOI 10.20542/978-5-9535-0567-3

Монография посвящена анализу реалий и тенденций, обозначившихся в последние годы в системе международных отношений и политике ключевых стран геополитического и геоэкономического пространства, охватывающего бассейны Тихого и Индийского океанов. Наряду с освещением важнейших событий и процессов, работа содержит авторские оценки и выводы, касающиеся мотивов решений и действий ведущих политических акторов, а также возможных направлений будущей эволюции индо-тихоокеанского макрорегиона.

New Reality in Indo-Pacific / Mikheev V., Lomanov A., Shvydko V. (eds.).

The monograph analyses recent developments and trends in international relations and policies of key nations of Indo-Pacific region viewed as geopolitical and geoeconomic entity. The book gives an overview of major political processes in the region mirrored in news and facts and presents individual assessments by the authors concerning motives behind the performance of the region's key political actors, as well as their possible future evolution.

УДК 327+339(5)

ББК 66.4+65.5(5)

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0567-3

© ИМЭМО РАН, 2023

Оглавление

Предисловие.....	5
Глава 1. Региональные институты на индо-тихоокеанском пространстве в контексте соперничества глобальных лидеров (<i>А.Н. Федоровский</i>).....	7
Регионализм против глобализации?	7
Достаточно ли странам-лидерам одной региональной структуры?.....	8
Многовариантность – новая региональная экономическая стратегия США.....	10
Соперничество лидеров за потенциал других региональных организаций.....	15
Глава 2. Адаптация Китая к новой реальности (<i>А.В. Ломанов</i>).....	17
Глобальная перспектива.....	17
Безопасность и развитие.....	24
Экономическая стратегия.....	28
Глава 3. Замедление экономического роста Китая как «новая нормальность» (<i>С.А. Луконин</i>).....	31
Долгосрочное торможение экономики Китая	31
«Медленный Китай» как новая нормальность.....	32
Трудности провинциальных бюджетов.....	33
Проблемы конечного потребления домохозяйств.....	35
Поддержка среднего класса.....	38
Текущие показатели экономической динамики: неоднозначность тенденций как поле для различных интерпретаций.....	40
Глава 4. Китай – США: формирование конфронтационной модели как основы «новой нормальности» двусторонних отношений (<i>И.В. Вахрушин</i>).....	44
Текущие подходы Вашингтона к Пекину на политико-дипломатическом треке	45
Санкции США в отношении китайских телекоммуникационных компаний.....	46
Американские санкции против полупроводниковой отрасли КНР.....	48
Ограничения в отношении китайских компаний на рынке ценных бумаг США.....	50
Санкции США в отношении военно-промышленных компаний Китая.....	51
Глава 5. Китайская стратегия в отношении экономической интеграции в Восточной Азии (<i>М.А. Потапов</i>).....	53
Общие подходы КНР к интеграционным процессам в регионе.....	53
Политика КНР в отношении Соглашения о всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП).....	56
Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП).....	57
Глава 6. Индия в поисках новой региональной идентичности: «благожелательный гегемон» и ответственный игрок (<i>А.В. Куприянов</i>).....	60
Причины экспансии: объективные и субъективные.....	60
Концептуальное оформление.....	61
КНР как потенциальный противник.....	62
Внутренние факторы.....	62
Новая холодная война: шанс для Индии.....	63
Индия и многосторонние проекты в Индо-Тихоокеанском регионе.....	64
Глава 7. Японский политический класс: меняющееся видение места страны в международном контексте (<i>В.Г. Швыдко</i>).....	68
История вопроса и современный этап.....	68
Эволюция взглядов на развитие и глобальный экономический порядок.....	72
Япония в региональном и глобальном политическом контексте: новые акценты.....	78
Глава 8. Корейский полуостров в условиях новой реальности (<i>О.В. Давыдов</i>).....	81
Ядерная проблема КНДР и ее влияние на региональную ситуацию.....	81

Внешнеполитические приоритеты Республики Корея в регионе.....	89
Глава 9. АСЕАН в контексте «индо-тихоокеанской инициативы» США (<i>В.В. Сумский, М.А. Терских, Е.А. Канаев, С.Н. Головин, Е.М. Митрохин</i>).....	95
Вводные замечания.....	95
АСЕАН в конце первой четверти XXI века: риски и угрозы.....	98
Геоэкономические пожелания АСЕАН и реалии геополитики.....	100
Дееспособность АСЕАН и внутренние проблемы ее членов.....	103
Заключение: от ответов на одни вопросы – к постановке других.....	106
Глава 10. Южная Азия и инициатива «Пояс и путь»: от конфронтации к кооперации и обратно (<i>Г.Г. Макаревич, М.Д. Савищева</i>).....	108
Предпосылки и реализация китайской инициативы в Пакистане и Бангладеш.....	108
«Секьюритизация» проектов ИПП в Южной Азии.....	111
Две траектории трансформации восприятия ИПП в Южной Азии.....	113
Выводы.....	115
Глава 11. Индо-тихоокеанская стратегия США и перспективы региональной безопасности (<i>Л.А. Гамза</i>).....	117
Анализ целей и приоритетов американской региональной стратегии в новых условиях.....	117
Отношения с КНР и диалог по вопросам безопасности.....	120
Роль двустороннего военно-политического сотрудничества с союзниками (региональный аспект).....	123
Участие США в многосторонних военно-политических структурах и блоках.....	131
Отношение США к участию европейских союзников в обеспечении региональной безопасности.....	136
Вместо заключения (<i>В.В. Михеев</i>).....	142
Список литературы.....	148
Abstract.....	152
Об авторах	153

Предисловие

Сегодня в глобальной сфере международных отношений, на наш взгляд, формируется ряд новых стратегических тенденций. К ним, в частности, можно отнести:

- создание новых и модернизацию существующих глобальных и региональных межстрановых форматов, а также появление новых «разделительных линий»;
- усиление роли государственных акторов, не признающих идеологию рыночной демократии и классифицируемых западными политиками как «авторитарные».
- концептуальной основой упрочения позиций этих акторов является ослабление монополии идей рыночной демократии. Параллельно происходит расширение поля идеологии «национально-культурной (суверенной) демократии», базирующейся на следующих постулатах: 1) у каждого народа свой культурно-исторический путь развития и свой вариант демократии; 2) никто не может навязывать другим странам свою модель демократии, 3) международное право на основе западных представлений не может носить универсальный, наднациональный характер.

Становление новых форматов многосторонней дипломатии происходит двояким образом. С одной стороны, это расширение действующих структур «китайского полюса», за счет принятия в них новых членов придающего двум мировым и региональным игрокам – БРИКС и ШОС – более широкий и даже глобальный охват. С другой стороны – это создание Соединенными Штатами новых компактных форматов в Азии: трехсторонний альянс США–Япония–Южная Корея», AUKUS и др.

Два этих тренда будут конструировать новые глобальные водоразделы, которые в ближайшей перспективе не будут жесткими или бесповоротными. Фактором, сдерживающим разделительные веяния, будет оставаться глобализация как объективная тенденция усиления мировой взаимозависимости, развивающаяся по экономическому, технологическому, экологическому и иным направлениям.

На этом концептуальном фоне наш исследовательский интерес фокусируется на индо-тихоокеанской динамике.

Сегодня на индо-тихоокеанском пространстве сформировались противоположные тенденции – разъединения и объединения, противоборства и взаимодействия. В основе этих процессов лежат стратегическая мощь и интересы лидеров, а также идеология и базовые ценности, на которых строится общественное развитие стран. Последнее впервые на современном этапе развития истории после коллапса мировой системы социализма стало одной из важнейших основ противостояния региональных лидеров, которые одновременно являются и глобальными.

Разъединительные тенденции выстраиваются вокруг соперничества Китая и США за мировое политическое влияние и контроль над мировыми высокотехнологическими рынками. Объединительные вырастают из стремления США и Китая создать вокруг себя формальные или неформальные объединения и группы поддержки. Со стороны США, это созданные на основе идеологии «демократических ценностей» и противостояния «авторитарному» Китаю военно-политическое объединение AUKUS (Австралия, Великобритания, США), экономико-политическое Quad (США, Индия, Австралия, Япония), высокотехнологичное CHIP-4 (США, Япония, Южная Корея, Тайвань), военно-политическое НАТО+AP-4 (Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия), разведывательное “Five EYES” (США, Канада, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия, при предполагаемом подключении Японии). А также совсем новое, 2022-го года образования, экономическое «Индо-тихоокеанское экономическое рамочное соглашение» (Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity, IPEF) в составе четырнадцати государств, включая США и Индию.

С китайской стороны, это взаимодействие со странами «Глобального Юга» в формате «Шелкового пути» на принципах «у каждого своя демократия» и «своя история, культура и

свои ценности»; интеграционные устремления в отношении стран ЮВА в рамках ВРЭП; китайско-российское «партнерство без границ», а также ШОС, БРИКС, «Китай плюс Центральная Азия–5» и другие объединения, не предусматривающие формальных взаимных обязательств.

Действие двух данных тенденций не является однозначно конфронтационным. На практике происходит их переплетение (и «дружба», и «недружба»), взаимное наложение в форматах Форума АТЭС (с участием и Китая, и США), формата Транстихоокеанского партнерства ТТП-11 (ТТП-12 после запланированного присоединения Великобритании) без участия США, но при лидерстве Японии и стремлении присоединиться к нему Китая; мало обсуждаемого, но не забытого проекта «экономического треугольника» Китай–Япония–Южная Корея, подталкиваемого Пекином к реанимации.

Фактором усложняющейся региональной мозаики является естественное и традиционное стран с меньшей стратегической мощью стремление сыграть на противоречиях лидеров – Китая и США – и получить выгоду от сотрудничества и с США, и с Китаем.

Данные тенденции формируют «новую реальность» в рассматриваемом регионе. Попытка выявить ее значимые черты и заглянуть в будущее – цель данной коллективной монографии, подготовленную в Центре азиатско-тихоокеанских исследований при сотрудничестве с Центром Индоокеанского региона ИМЭМО РАН. Авторский коллектив этой работы составили: В.В. Михеев (предисловие, заключение и общая редакция), А.Н. Федоровский (гл. 1), А.В. Ломанов (гл. 2), С.А. Луконин (гл. 3), И.В. Вахрушин (гл. 4), М.А. Потапов (гл. 5), А.В. Куприянов (гл. 6), В.Г. Швыдко (гл. 7), О.В. Давыдов (гл. 8), В.В. Сумский, М.А. Терских, Е.А. Канаев, С.Н. Головин, Е.М. Митрохин (гл. 9), Г.Г. Макаревич, М.Д. Савищева (гл. 10), Л.А. Гамза (гл. 11).

В монографии анализируются следующие проблемы:

- влияние военно-политической конфронтации между крупными державами на интеграционные процессы в АТР;
- меняющаяся роль региональных объединений в сферах безопасности и экономики;
- проблемы и перспективы азиатских форматов сотрудничества;
- роль крупных держав (Китай, Япония, Индия) и их стратегий в сфере безопасности и экономического сотрудничества;
- проблема экономических санкций и технологических барьеров, разрывы технологических цепочек. Оценка средне- и долгосрочного влияния этих факторов на региональные процессы и т.д.

В завершение, как это традиционно принято в Центре азиатско-тихоокеанских исследований, приводятся результаты совместного обсуждения авторами той или иной ключевой проблемы – своего рода «пост-исследовательское» послевкусие. Сегодня это – ближайшее и среднесрочное будущее ИТР.

Академик РАН В.В. Михеев

Глава 1. Региональные институты на индо-тихоокеанском пространстве в контексте соперничества глобальных лидеров

На протяжении первой четверти XXI века в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) происходит переформатирование региональных институтов, отражающее изменение соотношения экономического и политического влияния присутствующих здесь государств, прежде всего в связи с последствиями развития Китая. Между тем модифицируется конфигурация самого региона, который все чаще определяется более широко как Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), что, в свою очередь, связано с последствиями динамичного роста Индии, ее неуклонно усиливающейся международной ролью.

Другим значимым явлением стало проявление двух прямо противоположных тенденций – в большей или меньшей степени отмечающихся экспертами и политиками признаков деглобализации и накопления потенциала выхода процесса глобализации на новый этап развития.

В 20-е годы XXI века все в большей степени усиливалась тенденция системного противостояния КНР и США, что существенно повлияло на содержание политических и экономических процессов в ИТР. В той или иной степени в этот процесс оказались вовлечены влиятельные государства как из числа стран региона, так и вне его. Содержание, динамика и напористость китайской политики встретили неоднозначное отношение внешних партнеров, сопровождаясь как позитивной реакцией ряда соседей по региону, так и обострением противостояний с ведущими державами, включая США, Индию и Японию. Между тем в китайско-американских отношениях заметно и проявление обратной тенденции, выражающейся в заинтересованности в сохранении широкой гаммы экономических отношений, а также готовности двух стран к поиску взаимных политических договоренностей. Все это существенно повысило значение Индо-Пацифики в современных международных отношениях и в мировой экономике.

Борьба за лидерство между КНР и США по мере роста могущества Китая вышла за рамки экономики и охватила также военно-политическую сферу, в результате чего экономические и оборонные противоречия стали тесно взаимосвязанными. При этом Китай, опираясь на динамичное укрепление экономического, военного и политического потенциала, демонстрирует стремление отстаивать свои стратегические интересы на глобальном и региональном уровнях, в том числе укрепляя позиции в морях Тихого и Индийского океанов. Это вызывает неоднозначную реакцию ряда стран региона, а также таких держав, как США и Япония. Соединенные Штаты, в свою очередь, инициируют создание новых институтов, способных если не нивелировать, то хотя бы скорректировать наметившуюся тенденцию изменения регионального баланса сил в пользу КНР. Анализ ситуации в Индо-Тихоокеанском регионе осложняют нестабильность и сохраняющаяся неопределенность вышедших в 2020-е годы на первый план глобальных экономических и политических процессов. Тем не менее, складывающиеся здесь тенденции позволяют наметить контуры взаимодействия ключевых региональных держав и ведущих экономических акторов как на уровне двусторонних отношений, так и в рамках региональных организаций.

Регионализм против глобализации?

Анализируя международные экономические и политические процессы, эксперты отмечают проявление на протяжении как минимум последних пяти-семи лет разных по своему характеру факторов, препятствующих развитию глобальных трендов. К важнейшим из них следует отнести рецидивы экономического национализма, под флагом которого

обеспечивается в большинстве случаев выборочный протекционизм как защита интересов национальных производителей, по той или иной причине оказавшихся в сложном положении, и деструктивное влияние последствий пандемии COVID-19. В ходе последней проявились разная степень свободы действий и уровень влияния стран, оказавшихся способными разработать и организовать производство эффективной вакцины, и государств, сумевших наладить выпуск препарата ограниченного действия или вовсе вынужденных полагаться на импорт вакцины. В огромной степени последнее обстоятельство повлияло на различия в характере экономической политики, к которой прибегали в период пандемии страны ЕС, США и ряд государств ИТР, включая КНР.

Наконец, на возможности развития международного коммерческого взаимодействия, на степень доверия деловых партнеров другу к другу повлияло введение экономических санкций, к которым прибегали ведущие экономики. Причем не только США, регулярно использующих данную практику, но и Китая, введившего ограничительные меры против Австралии и Республики Корея. Значительным негативным последствием санкционных мер стал подрыв стабильности функционирования международных производственных цепочек, что вынуждало бизнес искать альтернативные возможности развертывания зарубежных производств и внесения корректив в логистические схемы.

В то же время необходимость проведения более гибкой, вариативной и адаптивной экономической стратегии не отменяла нацеленность политических элит ведущих стран и экономических акторов на достижение лидирующих позиций в глобальной экономике. США, действия которых на международной арене подчас упрекают за противоречие целям глобального развития, в своих тактических решениях исходят из стратегической задачи сохранения своей позиции глобального лидера. Тем более это относится к Китаю, чья стратегия «Пояс и путь» отнюдь не ограничивается рамками ИТР, но задает вектор его глобальной экономической экспансии. В то же время и «средние государства», такие как Республика Корея, ставят во главу угла своей стратегии глобальные приоритеты. Тем самым регионализм этих государств выступает как важный элемент глобального развития. Между тем по мере развития растут возможности таких амбициозных игроков, как Вьетнам и Индонезия. Пока их растущая роль в большей мере ощущается в ИТР, однако уже в среднесрочной перспективе приоритеты данных государств едва ли ограничатся региональными рамками. Таким образом, анализ разворачивающихся в ИТР процессов дает возможность лучше понять нынешние тенденции и перспективы мировой экономики на глобальном уровне.

Достаточно ли странам-лидерам одной региональной структуры?

Обострение всего комплекса китайско-американских отношений нашло свое выражение в соперничестве двух мировых лидеров за влияние в инициированных или поддерживаемых ими международных организациях в ИТР. В дипломатическом арсенале Китая имеются инициатива «Пояс и путь», «Всестороннее региональное экономическое партнерство» (ВРЭП), возможности членства в обновленном Транстихоокеанском партнерстве, в резерве – зоны свободной торговли в АТЭС, трехсторонние отношения с Японией и Южной Кореей, соглашения о свободной торговле с отдельными странами. За счет предпринимаемых на этом направлении шагов Китай стремится обеспечить контролируемое участие в развитии региональных и глобальных цепочек добавленной стоимости и сохранение взаимодействия с партнерами в инновационных отраслях; упрочить за счет этого институциональную основу своей лидирующей роли на региональном и глобальном уровнях.

Анализ предпринимаемых вашингтонской администрацией с 2017 г. в ИТР практических действий показывает стремление использовать создаваемые международные институты разного «калибра», призванные, дополняя друга, формировать единую систему

усиления экономического и военно-политического влияния США и их союзников в Индо-Пацифике. Расширяя и диверсифицируя арсенал инструментов экономической дипломатии, США пытаются для достижения в ИТР поставленных целей разнообразить свои действия, точно решать возникающие проблемы, контролируя при этом расширение доступа на американский рынок товаров и услуг, производимых региональными партнерами, не говоря уже о конкурентах, прежде всего из числа китайских компаний.

В то же время в других странах ИТР, в частности в странах АСЕАН, Республике Корея, а также в Индии, потенциал и международное влияние которой динамично растут, новые региональные приоритеты, декларируемые на высоком уровне, в практическом плане носят пока не до конца очерченный характер, что вносит элементы неопределенности в формирование дееспособной институциональной среды.

Американская стратегия на индо-тихоокеанском направлении отличается скорее преимуществом и развитием ее принципиальных положений, нежели их радикальной корректировкой. Вместе с тем до полномасштабного воплощения намеченные концепции до сих пор не доходили. Принятое президентом Дж. Трампом в январе 2017 г. решение отказаться от участия в Транстихоокеанском партнерстве (кстати, аналогичное предложение в ходе президентской избирательной кампании в 2016 г. высказывала кандидат от демократической партии Х. Клинтон) при президенте Дж. Байдене не было пересмотрено.

Большинство стран АСЕАН хотели бы иметь сбалансированные отношения с КНР и США. Сохраняя возможность продолжать развитие экономических связей с Китаем, являющимся их крупнейшим торговым партнером, страны ЮВА стремятся в то же время получить американские гарантии своей безопасности, доступ к передовым технологиям и максимально широкий выход на стратегически важный для них американский рынок. Для членов АСЕАН решение такой задачи представляется жизненно необходимым, поскольку они имеют хронический дефицит в торговле с Китаем. Между тем последняя проблема представляется наиболее сложной.

Китай и страны Восточной Азии смогли в 2020 г. договориться о создании Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), которое предполагает меры содействия торговле стран региона. Вместе с тем отсутствие среди членов организации США и Индии при доминировании Китая, а также сохраняющиеся торговые ограничения сужают возможности развития внешнеэкономических связей между восточноазиатскими государствами. Тем самым, хотя ВРЭП можно рассматривать в качестве механизма, содействующего деловому взаимодействию и поддержанию регионального переговорного процесса, в своем нынешнем состоянии эта организация не способна стать локомотивом регионального развития.

Расширение доступа на рынки крупнейших стран региона, включая США, призвано было обеспечить соглашение о «Транстихоокеанском партнерстве» (ТТП), переформатированного (после отказа Соединенных Штатов США от членства в этой организации) по инициативе и благодаря лидерской активности Японии во «Всеобъемлющее прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве» (ВПТТП). Термин «всеобъемлющее» подразумевает приоритет не только собственно торгового сотрудничества, но и обязательства участников, связанные с содействием активизации инвестиционных обменов, защитой интеллектуальной собственности, трудовых и социальных гарантий и т.д.

После отказа США при администрации Д. Трампа от участия в ТТП возникла угроза ее маргинализации. Однако прочие страны, вовлеченные в эту организацию, не отказались ни от своего членства, ни от согласованных ранее принципов сотрудничества, а с 2020 г. происходит активизация переговорного процесса о возможном присоединении к ВПТТП других государств, причем не только из региона Индо-Пацифики¹. Среди кандидатов,

¹ How Donald Trump damaged America's interest in Asia // The Economist. 23.03.2023 / <https://www.economist.com/asia/2023/03/07> (дата обращения: 18.04.2023).

претендующих на вступление и способных существенно повлиять на характер организации, а также ее региональной роли, следует выделить Великобританию, Китай и Тайвань.

Перспективы вступления трех упомянутых кандидатов зависят от их индивидуальных переговоров с ВПТТП, но в то же время тесно взаимосвязаны. Великобритания, выражающая готовность принять все основополагающие принципы организации, если она окажется первой страной, присоединившейся к 11 членам ВПТТП², способна задать жесткую модель вступления в организацию. Это может осложнить вступление Китая, для которого неблагоприятны установленные правилами ВПТТП условия функционирования госпредприятий, нормы охраны интеллектуальной собственности, регулирование трудовых отношений и ряд других вопросов. Собственно говоря, эти правила выработывались еще при участии американских экспертов с целью усложнить условия присоединения к соглашению КНР. Наконец, трудности может вызвать определение очередности приема Китая и Тайваня, хотя решить эту проблему можно, используя опыт одновременного вступления КНР и Тайваня в ВТО. Между тем оценки ряда американских экспертов показывают, что присоединение Китая к ВПТТП может увеличить темпы прироста глобального ВВП на четверть больше, чем это обеспечивало бы членство США в тогдашнем формате ТТП.

Многовариантность – новая региональная экономическая стратегия США

Хотя американские союзники и партнеры призывают США отказаться от принятых в свое время президентом Д. Трампом решений и взять на себя бремя лидерства путем участия в ВПТТП, администрация Дж. Байдена игнорирует подобные обращения, выстраивая новую стратегию развития экономических отношений со странами ИТР. Целью экономической дипломатии, предусматривающей принятие мер долгосрочного характера, становится предотвращение угрозы возникновения дисбаланса в виде экономического и военно-политического доминирования КНР при сокращении американского влияния. Содержание такой политики сводится к формуле «сдерживание Китая». При этом американская дипломатия исходит из объективно сложившихся злободневных потребностей своих ведущих региональных партнеров – усилившейся настороженности стран региона в отношении китайской экспансии и стремления обеспечить себе доступ к американскому рынку и передовым технологиям. Но вот как раз вопрос выхода на внутренний рынок США остается проблемой, требующей точечного подхода, а потому не позволяющей, по крайней мере в сложившейся на начало 2020-х годов обстоятельствах, принятия поспешного и универсального решения. Во многом с этим связано выдвигание целой линейки региональных институтов, частью чисто экономических, частью – преимущественно военно-политических, подкрепленных экономическим содержанием. В числе последних – Quad и AUKUS.

Собственно говоря, «Четырехсторонний диалог по вопросам безопасности» (Quad), членами которого являются Австралия, Индия, США и Япония, заявил о себе еще в 2007–2008 гг., при том что его деятельность впоследствии не отличилась ничем примечательным. Однако спустя десятилетие сначала президент Д. Трамп, а затем пришедший ему на смену Дж. Байден инициировали «перезагрузку» этой организации. Суть нового подхода членов организации связана с пониманием безопасности в широком смысле, при этом особо подчеркивается роль информационных технологий, развитию которых последнее время большое внимание уделял Китай. Исходя из этого, высказываются идеи о поддержке производственных цепочек, основанных на поставках из Австралии необходимых редкоземельных металлов, на американских и японских технологических разработках, а также на расширении соответствующей производственной базы в Индии. Помимо создания

² Великобритания подписала соглашение в июле 2023 г., ее официальное присоединение к организации состоится после ратификации данного решения всеми странами-участницами ВПТТП.

конкурентоспособной сети инновационных производств, причем намечаемой к развертыванию в обход Китая, предполагается на основе широкомасштабной цифровизации обеспечить контроль в регионе за экспортом продукции, относящейся к высоким технологиям.

В сентябре 2021 г. Австралия, Великобритания и США создают новый альянс AUKUS³. При этом, соглашаясь с американской оценкой политики Китая в ИТР, Австралия и Великобритания, не ограничиваясь решением военно-политических задач, отстаивают в рамках альянса свои экономические интересы. В частности, Австралия, пойдя на разрыв контракта с Францией на строительство атомных подводных лодок и пожертвовав тем самым двусторонними отношениями между Канберрой и Парижем, добилась от США приобщения к передовым технологиям, в доступе к которым Соединенные Штаты ранее отказали Южной Корее. В известной мере само существование AUKUS связано с проявленной США готовностью пойти навстречу своим ближайшим союзникам – «наследникам англосаксонской цивилизации», по версии китайских ученых, – в вопросах передачи самой современной, в том числе военной технологии. Позиция Великобритании адекватна американской стратегии, поскольку исходит из параллельного продвижения своего присутствия как экономического игрока, так и военно-политического союзника США в ИТР. При этом темы экономического характера дополняют вопросы обеспечения безопасности, стоящие в повестке дня форумов Quad и AUKUS.

Между тем в 2022 г. по инициативе США была создана еще одна экономическая организация, насчитывающая тринадцать членов, – Индо-тихоокеанское экономическое рамочное соглашение, или ИТЭРС (Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity, IPEF)⁴. Появление нового регионального института стало заявкой администрации президента Дж. Байдена на практическое воплощение долгосрочного курса на формирование в ИТР организации из числа наиболее экономически перспективной группы стран, способных воплотить принципы взаимодействия, исключающие доминирование Китая.

В то же время обращают на себя внимание публикации официальных американских источников, включая администрацию президента, считающих нужным обосновать необходимость принятого решения, прежде всего исходя из интересов США. Причем речь идет не только о потребности противостоять таким актуальным вызовам, с которыми сталкиваются американцы, как инфляция, но и защита интересов внутреннего рынка. При этом в числе заявленных целей ИТЭРС в первом ряду упоминаются опережающее развитие высокотехнологичных производств и сферы услуг, включая альтернативную энергетику и масштабную цифровизацию экономики⁵. Особо подчеркивается, что создаваемая организация в своей деятельности нацелена на установление высоких стандартов обязательств участников, способных упрочить систему экономических отношений «ключевыми столпами».

Среди таковых столпов в первую очередь упоминается «взаимосвязанная экономика», подразумевающая соблюдение комплекса правил юридического, управленческого и финансово-экономического характера, позволяющих проводить обмен информацией, включая определение порядка трансграничных обменов цифровыми данными и их локализации. При этом предполагается активное вовлечение в указанные процессы малого и среднего бизнеса, в том числе в электронной торговле. С этой целью в странах ИТЭРС намечается широкомасштабное развертывание специализированных образовательных

³ Название составлено из аббревиатур стран членов организации: А – Австралия, UK – Великобритания, US – США.

⁴ Об участии в этой организации объявили Австралия, Бруней, Вьетнам, Индия, Индонезия, Малайзия, Новая Зеландия, Республика Корея, Сингапур, США, Таиланд, Фиджи, Филиппины и Япония.

⁵ Fact Sheet: In Asia, President Biden and a Dozen Indo-Pacific Partners Launch the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. The White House, Washington / <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/fact-sheet-in-asia-president-biden-and-a-dozen-indo-pacific-partners-launch-the-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/> (дата обращения: 25.05.2022).

центров, нацеленных на обучение и переподготовку специалистов в области цифровизации промышленности и сферы услуг.

Важной задачей новой организации заявлено «обеспечение в регионе устойчивой экономики». Добиться означенной цели предполагается за счет поддержания стабильности развернутых международных цепочек добавленной стоимости. За счет этого намечается снизить риски резких ценовых колебаний и сократить издержки производства, от чего в конечном итоге должны будут выиграть американские потребители. Вместе с тем не совсем ясно, какой же фактор или их комбинация обеспечат желательную стабильность международных производственных цепочек.

Намеченное следование членами организации требованиям «чистой экономики» отвечает декларируемым странами ИТЭС целям модернизации энергетики и защиты экологии. Тем не менее конкретные меры не во всех странах очерчиваются достаточно четко, и не всегда их выполнение проходит последовательно. Во всяком случае, в странах АСЕАН это – задачи долгосрочного характера.

Больше всего неясности содержит тезис относительно обязательного доминирования в ИТЭС «честной экономики». Расчет организаторов строится на повсеместном введении налоговой системы, подразумевающей отсутствие коррупционных схем, каких-либо практик отмывания денег, что в итоге должно привести деловой климат в указанных странах к прозрачным и понятным нормам деловой практики, соответствующей лучшим международным нормам. Между тем, учитывая сложившиеся в странах региона деловые практики, часто несущие в себе традиции межличностных отношений, можно предположить, что достижение намеченных целей в полном объеме едва ли будет возможно в ближайшей перспективе.

В то же время надо принять во внимание, что пока в заявлениях американской администрации очерчены лишь общие направления и условия взаимодействия. Во всяком случае, все намеченные сферы сотрудничества предполагают дальнейшие консультации и проработку конкретных решений при участии всех стран-членов ИТЭС.

Между тем примечательная особенность новой организации состоит в том, что она, по крайней мере на начальном этапе своего существования, не является торговым соглашением. Роль ИТЭС видится ее инициаторами в качестве своего рода диспетчера и правового контролера, обеспечивающего устойчивое функционирование производственных и сбытовых цепочек, деятельность которых выстраивается без участия Китая. При этом весь блок вопросов, связанных с тарифным регулированием, пока исключен из повестки обсуждения. Такое положение вещей, как отмечают американские эксперты, позволяет администрации Дж. Байдена сохранить свободу рук в переговорном процессе, избегая влияния Конгресса на ход и содержание предстоящих в будущем переговоров. Многое будет зависеть от того, сможет ли администрация Байдена успеть полностью реализовать свою инициативу в соответствии с намеченным планом или следующая администрация станет вносить в него свои коррективы⁶.

Вместе с тем на будущее ИТЭС может существенно повлиять отношение к перспективам этой организации со стороны других членов. В частности, в странах ЮВА как раз считают существенной слабостью организации размытость экономической концепции, прежде всего, отсутствие ясных перспектив в отношении условий торговли и, прежде всего, возможности льготного выхода на рынок США, а также отсутствие ясной и последовательной экономической концепции. Помимо этих соображений на сдержанное отношение к экономическим планам США со стороны лидеров юго-восточных государств повлияло

⁶ America's new Asian economic pact: just don't call it trade deal // The Economist. 24.05.2022 / <https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/05/24/> (дата обращения: 20.06.2023).

озвученное на саммите АСЕАН-США в мае 2022 г. намерение первоначально вложить в ЮВА в рамках ИТЭРС всего лишь 150 млн долл.⁷

Официальные индийские декларации в связи с созданием ИТЭРС, в свою очередь, в первую очередь обращают внимание на географический аспект нового соглашения, выделяя усилия Индии по поддержке развития свободного, открытого и инклюзивного Индо-Тихоокеанского региона. Собственно экономическим приоритетом в рамках ИТЭРС Дели называет развитие международных производственных цепочек на основе «доверия, открытости и своевременности» в контексте реализации интеграционных процессов через поддержку расширения инвестиций и торговли, тем самым превращая ИТР в двигатель развития глобальной экономики. Индия придерживалась выбранного курса в ходе состоявшихся в рамках ИТЭРС рабочих раундов переговоров с участием делегаций, возглавляемых уполномоченными соответствующими правительствами: первого (Брисбен, Австралия 10–15 декабря 2022 г.) и второго (Бали, Индонезия 13–29 марта 2023 г.). Состоялись также специальное заседание представителей членов ИТЭРС 8-11 февраля 2023 г. в Дели и Бизнес-форум ИТЭРС на Бали 17–18 марта 2023 г.⁸ На балийском Форуме делегация Индии участвовала в дискуссиях по II и IV темам (pillars): «международные производственные цепочки» и «честная экономика». Складывается впечатление, что главной задачей на данном этапе для Дели становится разворот производственных цепочек в сторону Индии и обсуждение необходимых для этого экономических и правовых условий. Обсуждение же чувствительного вопроса введения для участников соглашения льготных условий торговли, Индия, озабоченная судьбой национальных производителей и соглашаясь в этом с США, была бы готова на время отложить. Таким образом, учитывая упомянутое совпадение экономических интересов и сложные политические отношения между Дели и Пекином, Индия для США становится в рамках ИТЭРС ключевым союзником.

Немаловажное значение с точки зрения реализации идеи создания ИТЭРС имеет отношение к этому проекту Республики Корея. Неслучайно заявление о создании новой организации совпало с визитом Дж. Байдена в Сеул и его переговорами с избранным в 2022 г. президентом Юн Сок Ёлем. Четвертая по масштабу в Азии южнокорейская экономика глубоко интегрирована в региональные торговые, инвестиционные и технологические связи. При этом в 2022 г. 27% южнокорейского экспорта приходилось на Китай (вместе с Гонконгом), тогда как на США – 16%⁹. При этом значение Китая для южнокорейских экспортеров высокотехнологичной продукции еще выше, если учитывать растущую роль внутрикорпоративных поставок на развернутые в КНР предприятия. В частности, порядка 40% полупроводников, поставляемых крупнейшими корпорациями Республики Корея за рубеж, поступают в КНР¹⁰. Эти объективные обстоятельства вызывают в США опасения относительно способности Республики Корея последовательно отстаивать единую позицию в отношении Китая, согласованную в рамках ИТЭРС.

Безусловно, санкционные ограничения, введенные КНР в 2017 г., нанесли существенный репутационный урон Пекину как в правящих кругах, так и в южнокорейском обществе в целом, ухудшили атмосферу китайско-южнокорейских отношений. Тем не менее, допустить резкий разворот своей экономической дипломатии в отношении Пекина в Сеулу не готовы. Южнокорейский внешнеэкономический курс нацелен на постепенную диверсификацию своей торговой, инвестиционной и технологической политики.

⁷ Joe Biden has big plans for his first presidential trip to Asia // The Economist. 20.05.2022 / <https://www.economist.com/asia/2022/05/20/> (дата обращения 21.06.2022).

⁸ India participates in the Second Indo-Pacific Economic Framework (IPEF) Negotiating Round, Bali, Indonesia, 13–19 March 2023 / <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx> (дата обращения 26.04.2023).

⁹ Рассчитано по: Trade Map. Trade statistic for international business development / <https://trademap.org>. (дата обращения 20.05.2023).

¹⁰ South Korea has America in its face and China breathing down its neck // The Economist. 24.04.2023 / <https://www.economist.com/asia/2023/04/24/south-korea-has-america-in-its-face-and-china-breathing-down-its-neck> (дата обращения: 30.04.2023).

При этом надо учитывать, что политические и деловые элиты, выступая за сохранение союзнических отношений с Соединенными Штатами, стремятся оставить за собой свободу внешнеполитического маневра. Отчасти в этом проявляется сохраняющиеся негативные воспоминания о периоде американо-южнокорейских отношений в период нахождения у власти в США администрации Д. Трампа. Последний для достижения своих целей использовал в своих отношениях с южнокорейским руководством методы нажима, которые не могли быть оценены как допустимые в отношениях между союзниками.

Между тем обе страны объективно готовы развивать экономические обмены, прежде всего в инновационной сфере (включая ИТ), что и подтвердили американо-южнокорейские соглашения, достигнутые в ходе переговоров президентов двух стран в 2022 г. в Сеуле и в 2023 г. в Вашингтоне. Тем не менее остается неясным, насколько полным будет взаимопонимание при взаимодействии на региональном уровне в рамках ИТЭРС, хотя южнокорейский президент и заверил своего американского коллегу в готовности развернуть в регионе (по всей видимости вне КНР) устойчивые высокотехнологичные производственные цепочки и подтвердил намерение сотрудничать со всеми партнерами в рамках ИТЭРС¹¹.

В краткосрочной перспективе создание ИТЭРС представляется достижением администрации Дж. Байдена в ИТР. Однако стратегическое значение этой организации в региональных экономических отношениях станет понятнее после наполнения арсенала регулирующих норм и правил реальным содержанием, отвечающим или не отвечающим балансу интересов всех членов организации. Только при этом условии станет понятно, в какой мере входящие в ИТЭРС страны могли бы скорректировать или, тем более, принести в жертву свои связи с другими внешними партнерами, в том числе с КНР.

В то же время уже на этапе своего становления ИТЭРС ощущает воздействие Китая, выражающееся, в частности, в том, что Тайвань не оказался в числе инициаторов создания данной организации, несмотря на то что его членство было бы весьма желательно для США и американских партнеров с учетом роли тайваньских компаний в производстве и экспорте полупроводников и ИТ оборудования. Скорее всего, США и другие члены ИТЭРС не решились лишиться раз обострять отношения с Китаем, по крайней мере на данном этапе. В частности, Республика Корея исходит из того, что пребывание в ИТЭРС не должно предполагать негативный характер отношений с Китаем. Вместе с тем велика вероятность, что экономический потенциал Тайваня так или иначе будет востребован членами ИТЭРС. Для этого придется задействовать особый правовой формат, который, при всей сложности данной задачи, может быть найден заинтересованными сторонами. Вместе с тем вопрос о подключении Тайваня к деятельности ИТЭРС, так же как и о формате подобного подключения, носит гипотетический характер, поэтому трудно заранее представить себе соответствующую реакцию Китая.

Создание ИТЭРС вписывается в череду появившихся за последнее десятилетие инициатив по созданию региональных интеграционных группировок в АТР, причем все чаще инициаторы предполагают расширение ареала сотрудничества до масштабов ИТР. Однако большинство инициатив остались невоплощенными, а некоторые дошли до стадии реализации, но не смогли в достаточной степени оправдать ожидания инициаторов и участников. Будущее ИТЭРС примечательно, поскольку должно показать, насколько жизнеспособен может быть интеграционный проект, базирующийся на развитии сети международных производственных цепочек, функционирующих без участия китайских компаний. Положительный или отрицательный результат может иметь целый ряд последствий: определение характера и придание импульса международному взаимодействию на региональном и глобальном уровнях, готовность американских партнеров позитивно откликаться на предлагаемые им проекты, подтверждение дееспособности США в борьбе с

¹¹ *Shin Ji-hye*. Korea to build reciprocal supply chains for chips, batteries in Indo-Pacific // The Korea Herald. 23.05.2022 / <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20220523000872> (дата обращения: 18.06.2023).

Китаем за лидерство в регионе. Между тем добиться единства стран региона в противостоянии КНР Соединенным Штатам будет нелегко. Как отмечает авторитетный южнокорейский эксперт Ким Ён Хи, «Трудно присвоить ИТЭРС статус антикитайской коалиции, поскольку, если даже Вашингтон и вознамерится создать такого рода коалицию в целях обеспечения экономической безопасности посредством создаваемой структуры, отнюдь не все ее члены согласятся с такой идеей».¹²

Соперничество лидеров за потенциал других региональных организаций

В фокусе экономической дипломатии КНР и США находятся ряд региональных структур, контроль над которыми позволил бы содействовать реализации их экономических интересов и помог бы существенно поднять международное влияние каждой из двух держав. В связи с этим следует упомянуть АСЕАН, АТЭС, а также формально не сложившееся, но остающееся в переговорной повестке дня трехстороннее сотрудничество КНР с Республикой Корея и Японией.

Значение АСЕАН определяется промышленным, финансово-инвестиционным (прежде всего, за счет возможностей Сингапура), транспортно-логистическим и ресурсным потенциалом стран, общая численность населения которых составляет порядка 600 млн. чел. Доминирование КНР во внешнеэкономических связях АСЕАН, учитывая масштабный взаимный товарооборот и крупные китайские инвестиции, представляется весомым аргументом в пользу включения стран ЮВА в орбиту китайского влияния. Однако подобный односторонний вывод выглядит тем не менее преувеличением, если учесть всю гамму взаимодействия АСЕАН с внешними партнерами. Система договоров, заключаемых с рядом стран по схеме «АСЕАН плюс...» (например, АСЕАН+Япония, АСЕАН+Южная Корея) позволяют членам этой региональной организации динамично развивать широкий спектр отношений с ведущими экономиками мира, тем самым сохраняя возможность диверсифицировать свои внешнеэкономические связи.

Вместе с тем в этом контексте следует отметить, что США нередко подвергаются критике этими государствами за недостаточно активное взаимодействие с АСЕАН как с региональным институтом. В то же время американская политика выборочного втягивания ряда государств в свою внешнеэкономическую орбиту приводит к тому, что наиболее перспективные экономики в лице Вьетнама, Индонезии, Сингапура тесно вплетены в систему международных производственных цепочек с американским доминирующим участием.

В последнее десятилетие происходило постепенное снижение значения АТЭС в качестве регионального интеграционного проекта. Вместе с тем данная организация накопила большой опыт организации проведения предметных переговоров и выработки компромиссных решений. В ближайшей перспективе АТЭС может внести свой вклад в сближение позиций стран региона по таким вопросам, как введение общих технологических, экологических и социальных стандартов. В этом же ряду стоят также возможные договоренности о противодействии угрозам эпидемиологического и экологического характера. Тем не менее, при всей важности упомянутых вопросов, роль АТЭС будет, скорее всего, второстепенной, тактической.

Реанимация проекта экономического соглашения между Пекином, Сеулом и Токио важна в качестве фактора координации первой, второй и четвертой экономик Азии, что могло бы сказаться на характере и динамике региональных, а в какой-то части отраслей и на глобальных экономических процессах. Вместе с тем существенные политические расхождения КНР с Южной Кореей и Японией, несомненное следование Сеула и Токио

¹² Kim Yanghee. Korea's "Economic-Security Strategy" and the Indo-Pacific Economic Framework // IFANS FOCUS. 2022, August 4, p.3.

долгосрочному курсу на сохранение стратегического союза с США (как в оборонном, так и в экономическом его аспектах) означает наличие ограничителей в сближении трех стран, которое также, вероятнее всего, будет носить тактический характер. Попытки же найти решение задачи снижения зависимости Южной Кореи от Китая путем замены используемых в производстве комплектующих деталей и некоторых редкоземельных материалов на продукцию альтернативных поставщиков показали, что это процесс, требующий затрат времени и капиталовложений. С другой стороны, в условиях невозможности добиться поставленных целей в ближайшей перспективе «необходимо поддерживать дружеские отношения с Китаем», в том числе развивая сотрудничество в рамках ВРЭП и ВПТТП, к которому могут присоединиться как Китай, так и Республика Корея.¹³

Система региональных экономических институтов, сложившаяся в АТР с начала 1990-х годов, в 2020-е годы находится в стадии реорганизации. Дипломатические усилия КНР и США на индо-тихоокеанском направлении нацелены на то, чтобы выстроить процесс взаимодействия стран региона по устраивающим их правилам и в соответствии с решаемыми двумя державами приоритетными долгосрочными экономическими и политическими задачами.

Вместе с тем с аналогичными подходами в отношении своих партнеров выступают и другие страны региона. Вновь на подъеме внешнеэкономическая активность Японии, ощутимо набирают влияние Австралия, Вьетнам, Индонезия, Республика Корея, с чем уже в среднесрочной перспективе придется считаться Китаю и Соединенным Штатам. Пока еще большая часть из сформированных структур подстроена под экономическое пространство, очерченное как АТР. Однако на повестке дня стоит развитие институтов, в большей мере отвечающих экономическим и политическим контурам ИТР. В значительной мере сложившаяся ситуация связана с традиционно осторожным подходом Индии к участию в интеграционных процессах. Однако в последнее время проявляются новые тенденции, связанные с тем, что Дели все в большей степени подключается к работе международных экономических организаций. По мере развития данного процесса и при условии постепенного достижения большей экономической открытости Индии неизбежно усиление индийского влияния на международные экономические институты, что закрепит обоснованность трансформации АТР в ИТР. В совокупности с другими упомянутыми выше тенденциями это неизбежно повлияет на характер и динамику региональных связей, создаст новые конфигурации субрегиональных экономических образований, способных повлиять на баланс сил лидеров и растущих «средних держав», что усилит конкуренцию за право влиять на формирование вектора регионального развития.

¹³ South Korea has America in its face and China breathing down its neck // The Economist. 24.04.2023 / <https://www.economist.com/asia/2023/04/24/south-korea-has-america-in-its-face-and-china-breathing-down-its-neck> (дата обращения: 30.04.2023).

Глава 2. Адаптация Китая к новой реальности

Осложнение внешних и внутренних условий развития Китая оказывает значительное влияние на формирование долгосрочных планов Пекина. Деграция китайско-американских отношений ведет к тому, что во многих сферах взаимодействия на смену сотрудничеству приходит соперничество. Все более ощутимыми становятся ограничения в экономике и передовых технологиях.

Китай критикует Запад за стремление создавать узкие группировки, «маленькие дворы за высокими стенами». Появление в Тихоокеанской Азии американоцентричных военных и технологических альянсов, формируемых с учетом общности политических ценностей, переход к осуществлению политики сдерживания Китая под флагом противостояния между «демократиями и автократиями» побуждают китайское руководство разрабатывать и продвигать во внешний мир свою трактовку будущего мирового порядка.

Глобальная перспектива

Важной вехой в процессе адаптации Китая к изменяющемуся миру стало выдвижение в 2021–2023 гг. трех «глобальных инициатив», которые касаются проблем развития, безопасности и цивилизационного взаимодействия. Китай предлагает мировому сообществу широкие рамки взаимодействия и сотрудничества. В первую очередь китайские инициативы адресованы развивающимся странам и растущим экономикам.

Глобальная инициатива развития была предложена в выступлении Си Цзиньпина на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2021 г. Китайский лидер подчеркнул, что без развития ни одна страна не сможет построить счастливую жизнь для своего народа, а после удара пандемии коронавируса всем государствам нужно совместными усилиями продвигать глобальное развитие на новый уровень. Си Цзиньпин представил шесть ключевых тезисов: необходимо сделать развитие приоритетом; поставить народ в центр; придерживаться всеобщей выгоды и инклюзивности; сделать движителем развития инновации; стремиться к гармоничному сосуществованию человека и природы; ориентироваться на действие. Часть этих формулировок повторяет китайские лозунги реформ, которые были спроецированы на внешний мир в качестве объединяющей платформы для решения глобальных проблем.

Детализация инициативы произошла в июне 2022 г. в речи Си Цзиньпина на Форуме высокого уровня диалога глобального развития. Китайский лидер подчеркнул, что развитие является вечной темой для человеческого общества. Развивающиеся страны уже давно ищут соответствующий своей специфике путь развития, многие из них добились значительных успехов. Вместе с тем, по словам Си Цзиньпина, с приходом пандемии коронавируса трудностей стало больше, появились преграды на пути реализации целей устойчивого развития ООН, расширился разрыв Юга и Севера, возник кризис продовольственной и энергетической безопасности. Китайский руководитель отметил, что некоторые страны политизируют и маргинализируют повестку развития, строят «маленький двор за высоким забором», вводят ограничения и санкции, искусственно создают разделения и противостояние. Это была очевидная критика в адрес Запада за поведение, противоречащее стремлению народов всех стран к миру, развитию и сотрудничеству.

Китай призвал создать условия для того, чтобы растущие экономики смогли использовать шансы, предоставляемые новой научно-технической и промышленной революцией. В рамках глобальной инициативы была обозначена четкая связь между глобальным развитием и политикой: лишь когда «народы всех стран живут хорошо,

процветание будет длительным, безопасность будет обеспечена, у прав человека будет фундамент». Си Цзиньпин призвал поставить развитие в центр международной повестки дня, мировое сообщество должно относиться к этой теме серьезно, нужно формировать политический консенсус стремления к сотрудничеству. Также необходимо создавать благоприятствующую развитию международную среду, избавленную от протекционизма, замкнутости, санкций и «расстыковок». Таким образом, с китайской точки зрения, альтернативой западной политике выступают поддержка открытости мировой экономики, создание справедливой и разумной системы глобального управления. Китайский лидер призвал формировать новые инновационные драйверы глобального развития, совместными усилиями создавать партнерские отношения глобального развития¹⁴.

Провозглашение инициативы позволило Китаю сплотить вокруг себя группу стран-единомышленников. В сентябре 2022 г. глава МИД КНР Ван И выступил на министерской встрече «группы друзей» Глобальной инициативы развития. На этом мероприятии он пояснил, что Си Цзиньпин предложил данную инициативу с мыслью о благосостоянии всего человечества. Нацеленная на создание глобального сообщества развития, инициатива ставит на первое место развитие, а людей помещает в центр. По словам министра, в течение года инициатива получила поддержку более ста стран и многих международных организаций, включая ООН. Более 60 стран присоединились к Группе друзей Глобальной инициативы развития, ставшей важной силой укрепления солидарности и координации среди заинтересованных государств¹⁵.

Инициатива помогла Китаю привлечь внимание международного сообщества к проблемам развития. Понятно, что эти вопросы важны прежде всего для «Глобального Юга». Данный шаг стал новым воплощением давнего стремления Китая быть выразителем чаяний развивающихся стран и защитником их интересов. Вместе с тем содержание Глобальной инициативы развития в полной мере соответствует интересам самого Китая. Она подчеркивает достижения глобализации, содержит заявку на продолжение открытости мировой экономики в интересах развивающихся стран, порицает Запад за стремление к «расстыковке» и созданию торговых барьеров. Китай четко заявил о том, что глобализация полезна для развития, тогда как западная политика протекционизма наносит ей значительный вред.

Глобальная инициатива развития не критикует либеральную экономику, ее основные положения обосновывают благотворность открытости мирового рынка. Вместе с тем предложенные формулировки содержат очевидные отсылки к специфике китайского пути развития (лозунг «центральности народа»), что позволяет увидеть в этой инициативе попытку адресовать китайский подход развивающимся странам. Также следует обратить внимание на то, что конструирование комплекса китайских глобальных инициатив началось с экономики, так же как экономические преобразования стали первым шагом Китая в процессе осуществления его собственной политики реформ и открытости.

Вторая по счету инициатива – Глобальная инициатива безопасности – была обрисована в выступлении Си Цзиньпина на Азиатском форуме Боао в апреле 2022 г. Китайский лидер отметил, что мир и эпоха меняются, исторические перемены стали беспрецедентными. Он подчеркнул, что чем труднее времена, тем более востребованы решимость и уверенность. Си Цзиньпин призвал не страшиться противоречий, потому что

¹⁴ Xi Jinping zai quanqiu fazhan gaoceng duihuahui shang de jianghua (quanwen) [Выступление Си Цзиньпина на Диалоге глобального развития высокого уровня (полный текст)] 2022-06-24. Синьхуа / https://www.gov.cn/xinwen/2022-06/24/content_5697592.htm

¹⁵ Jointly Advancing the Global Development Initiative and Writing a New Chapter for Common Development. Keynote Address by State Councilor and Foreign Minister Wang Yi at the Ministerial Meeting of the Group of Friends of The Global Development Initiative. 2022-09-21 / https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202209/t20220922_10769721.html

они движут прогресс человеческого общества, никакие трудности и неурядицы не остановят колесо исторического прогресса.

Китайский лидер заявил, что безопасность является предпосылкой развития, тогда как человечество образует неделимое «сообщество безопасности». Завуалированной критикой в адрес Запада стали слова о том, что менталитет «холодной войны» подрывает основы глобального мира, гегемония и силовая политика способны лишь угрожать миру во всем мире, конфронтация между блоками усугубляет вызовы безопасности XXI века.

В выступлении Си Цзиньпина были обрисованы самые общие контуры Глобальной инициативы безопасности. Китайский лидер призвал придерживаться «совместного, комплексного, основанного на сотрудничестве и устойчивого» взгляда на безопасность, совместно защищать мир и безопасность во всем мире. Прозвучал призыв уважать суверенитет и территориальную целостность всех стран, избегать вмешательства в чужие внутренние дела, уважать выбранные народами каждой из стран путь развития и общественный строй. Китайский лидер призвал уважать цели и принципы Устава ООН, отбросить менталитет «холодной войны», противостоять унилатериализму, отказаться от блоковой политики и конфронтации между лагерями.

Китайский подход настаивает на внимательном отношении к «разумным озабоченностям» в сфере безопасности всех стран. В этой связи был сформулирован призыв отстаивать принцип неделимости безопасности. Появился акцент на построении сбалансированной, эффективной и устойчивой архитектуры безопасности, не допускающей строить основания безопасности своей страны на отсутствии безопасности у других стран. Си Цзиньпин заявил, что разногласия и споры между странами нужно решать мирно путем диалога и консультаций; следует поддерживать все усилия, способствующие мирному урегулированию кризисов. По его словам, необходимо избегать двойных стандартов, выступать против злоупотребления односторонними санкциями и «юрисдикцией длинной руки». Китайский лидер указал на важность скоординированного обеспечения безопасности в традиционных и нетрадиционных областях, совместного разрешения региональных споров и глобальных проблем (терроризм, изменение климата, кибербезопасность, биобезопасность)¹⁶.

Более подробное изложение китайской Глобальной инициативы безопасности было представлено в феврале 2023 г. Поясняющий программный документ подчеркивал, что инициатива нацелена на адаптацию человечества к глубоко изменившейся международной ситуации в духе солидарности, на решение сложных взаимосвязанных проблем безопасности исходя из менталитета общего выигрыша, на устранение коренных причин международных конфликтов, на совершенствование управления глобальной безопасностью, на содействие объединению усилий международного сообщества в нестабильную переменчивую эпоху ради повышения стабильности и определенности, обеспечения прочного мира и развития.

Ключевые тезисы выступления Си Цзиньпина на Азиатском форуме Боао были систематизированы как «шесть приверженностей», включающие общее понимание международной безопасности, уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран, приверженность Уставу ООН, внимание к разумным интересам безопасности каждой страны с учетом равенства всех государств и принципа неделимости безопасности, нацеленность на мирное решение споров через диалог и консультации, признание взаимосвязи традиционных и нетрадиционных угроз в сфере безопасности. Было подчеркнуто, что шесть базовых тезисов Глобальной инициативы безопасности тесно взаимосвязаны и образуют «диалектически единое органическое целое»¹⁷.

¹⁶ Xi Jinping zai Boao Yazhou luntan 2022 nian nianhui kaimushi shang de zhuzhi yanjiang (quanwen) [Программная речь Си Цзиньпина на открытии ежегодного Азиатского форума Боао 2022 года (полный текст)] 2022-04-21. Синьхуа / https://www.gov.cn/xinwen/2022-04/21/content_5686424.htm

¹⁷ The Global Security Initiative Concept Paper. 2023-02-21 / https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjbxw/202302/t20230221_11028348.html

Китайские комментаторы Глобальной инициативы безопасности сосредоточили усилия на пропаганде «шести приверженностей» с акцентом на их внутреннем единстве. Вместе с тем стало заметным понимание того, что инициатива носит не только абстрактный всемирный характер, она призвана стать ответом на ухудшение безопасности в Тихоокеанской Азии. В Китае обеспокоены усилением военно-политического присутствия США в регионе, созданием под эгидой США новых структур и форматов безопасности (Quad, альянс «Пять глаз», AUKUS). Односторонние действия США ведут к тому, что у стран региона не будет возможности коллективного решения в случае возникновения кризисной ситуации. Глобальная инициатива безопасности была адресована всему человечеству с пониманием того, что ее основные положения актуальны для решения проблем, возникающих у границ Китая.

Отмечая особую ответственность крупных держав за управление глобальной безопасностью, Китай подчеркнул собственную роль и указал на необходимость взаимодействия с Западом. Глобальная инициатива безопасности стала выражением намерения Китая претендовать на более значимое участие в международной политике.

Призывы Китая ко всем странам мира вместе встать на путь создания системы международной безопасности нового типа, выбрать диалог вместо конфронтации, партнерство вместо создания замкнутых блоковых союзов, стремиться к общему выигрышу вместо ведения «игры с нулевой суммой» не являются новыми. Давно и хорошо известны приверженность китайской дипломатии признанию первостепенной важности государственного суверенитета и территориальной целостности, невмешательству во внутренние дела. Новым шагом стало включение этих тезисов в состав комплексной международной инициативы безопасности. Это первая попытка китайского руководства сформулировать целостный взгляд на мировой порядок, способный стать привлекательной альтернативой политике США. В этой конструкции можно заметить влияние внутренних китайских подходов, пропагандирующих комплексный взгляд на безопасность, единство традиционной и нетрадиционной безопасности. Си Цзиньпин уделяет целостному подходу к национальной безопасности намного большее внимание, чем его предшественники в китайском руководстве.

Западные экспертные отклики на Глобальную инициативу безопасности зачастую окрашены критикой и скепсисом. Большое недовольство вызвал тезис о неделимости безопасности, который связывают с наследием советской внешней политики. Предполагается, что Китай использует этот тезис для пропагандистского и политического противодействия деятельности США по созданию альянсов в Тихоокеанской Азии. Сама по себе концепция неделимой безопасности, указывающая на связь безопасности каждого отдельно взятого государства с широкой региональной и глобальной ситуацией в сфере безопасности, не является пропагандистской выдумкой. Однако в рамках расширяющегося соперничества между «демократиями» и «автократиями» западные эксперты отвергают стремление «авторитарных держав» рассуждать на тему коллективной безопасности как неприемлемую попытку обоснования защиты этими державами своих коренных интересов от внешнего давления. Опыт безудержного расширения НАТО в Европе привел к серьезному кризису безопасности, и ныне Китаю приходится сталкиваться с повторением этой ситуации в Тихоокеанской Азии. Причины роста внимания Пекина к проблемам международной безопасности очевидны. Однако надежда на разрядку нарастающей напряженности на базе сформулированных КНР глобальных инициатив крайне мала. США не собираются договариваться с Китаем на китайских условиях. С другой стороны, без соответствующей китайско-американской договоренности устойчивой безопасности в Тихоокеанской Азии не будет.

Пекин неизменно характеризует создание военно-политических альянсов как архаичную практику, возникшую в прошлом столетии в период холодной войны. Устойчивость этого акцента в китайской внешней политике указывает на нежелание

создавать собственные альянсы в ответ на появление в Тихоокеанской Азии американских группировок, нацеленных на сдерживание Китая. Создание блока в ответ на формирование противоположной стороной недружественного альянса было характерно для холодной войны XX века. Ныне Китай стремится предложить альтернативный подход. Он обещает учитывать в сфере безопасности интересы всех стран, не прибегая к сколачиванию собственного, китаецентричного блока. Подобный подход позволяет преподнести китайскую позицию как воплощение подлинного мультилатерализма, противопоставляемого западному унилатериализму. Это еще одна заявка Пекина на лидерство в формировании нового мирового порядка с учетом интересов большого числа стран, не заинтересованных в глобальном противостоянии блоков и не желающих выступать в поддержку ни одной из соперничающих сторон.

Глобальная инициатива безопасности стыкуется с Глобальной инициативой развития. Обе они отражают стремление Китая повысить свое влияние на реформирование системы глобального управления, предложить общественные блага всему миру с прицелом на интересы и чаяния развивающихся стран. США и их союзники не являются целевой аудиторией китайских инициатив, поскольку в условиях противостояния появление незападной альтернативы неизбежно воспринимается как попытка подрыва устоев западного «либерального миропорядка».

Пропагандируемый Китаем принцип равенства всех стран означает одинаковую легитимность «демократий» и «автократий», что никак не соответствует американской стратегии полномасштабной борьбы против «автократий». Согласие с абсолютным уважением чужого государственного суверенитета лишает Запад возможности обосновать вмешательство предложениями «борьбы за свободу» и «защиты прав человека». Примирительный тон китайских инициатив воспринимается как источник опасного «релятивизма», стирающего грани между противостоящими сторонами.

Можно предположить, что Запад в лучшем случае будет игнорировать и замалчивать китайские инициативы, в худшем случае следует ожидать активного политического и пропагандистского противодействия. Содержание инициатив нацелено на защиту интересов Китая, страдающего от западной политики односторонних санкций и усиления американоцентричных структур в сфере безопасности. Вопрос в том, какое количество единомышленников Китай найдет среди развивающихся стран, включая регион Тихоокеанской Азии. В период смены мирового порядка вероятность позитивного отклика на китайские инициативы повышается. Страны, не входящие и не собирающиеся входить в американоцентричные альянсы, могут заинтересоваться китайским подходом – примиряющим, сбалансированным и нацеленным на снижение градуса соперничества крупных держав.

Третьей инициативой, которую представил миру Китай, стала *Глобальная инициатива цивилизаций*. Си Цзиньпин рассказал о ней в марте 2023 г. на Диалоге высокого уровня между КПК и мировыми политическими партиями. Инициатива была представлена после подробного разъяснения иностранным политикам достоинств «модернизации китайского типа». Си Цзиньпин напомнил китайскую мудрость: «Когда зацвел один цветок – это не весна; лишь когда расцветают сто цветов, весна наполняет сад». Он пояснил, что будущее и судьбы всех стран тесно переплетены, инклюзивность и сосуществование различных цивилизаций, обмена и взаимное познание играют незаменимую роль в содействии процессу модернизации человеческого общества и процветанию «мирового сада цивилизаций».

Глобальная инициатива цивилизаций была представлена в форме четырех базовых положений.

Прежде всего, Си Цзиньпин призвал совместно отстаивать уважение к многообразию мировых цивилизаций, придерживаться цивилизационного равенства, взаимного познания, диалога и инклюзивности. Важно преодолевать цивилизационные барьеры путем

цивилизационных обменов, ослаблять столкновения цивилизаций путем взаимного познания, изживать цивилизационное превосходство через инклюзивность цивилизаций.

Во-вторых, нужно совместно продвигать общие ценности человечества. Это мир, развитие, равенство, справедливость, демократия и свобода, которые являются общим стремлением народов всех стран. По мнению китайского лидера, нужно широко и открыто понимать трактовку различными цивилизациями содержания этих ценностей, воздерживаться от навязывания другим своих ценностей и моделей, не заниматься идеологической конфронтацией.

В-третьих, следует совместно отстаивать внимательное отношение к наследию и инновациям цивилизации. Нужно полностью выявить современную ценность исторической культуры каждой страны, содействовать творческому преобразованию и инновационному развитию лучших традиционных культур всех стран в процессе модернизации.

В-четвертых, по словам Си Цзиньпина, надо совместно выступать за укрепление международных гуманитарных обменов и сотрудничества, искать возможности создания глобальной сети диалога и сотрудничества между цивилизациями, обогащать содержание обменов, расширять каналы сотрудничества, способствовать взаимному познанию и взаимному сближению и между народами всех стран, совместно содействовать развитию и прогрессу человеческой цивилизации¹⁸.

С появлением третьей китайской глобальной инициативы сложилась относительно целостная картина нового миропорядка, охватывающая материальное развитие, поддержание безопасности и продвижение общения цивилизаций. Этот подход соответствует китайскому внутриполитическому тезису о необходимости сбалансированного сочетания материального прогресса и духовного развития. Тезисы китайского руководства о важности разнообразия цивилизаций и их взаимного познания не являются новыми; они отражают последовательный позитивный подход Китая к многообразию ценностей и культурных традиций.

Проблема в том, что в период нарастающего противостояния этот взгляд не будет воспринят противоположной стороной и не сможет остановить углубление раскола. Китай исходит из того, что защита ценностей невозможна путем насильственного внедрения западных стандартов. Эта идея нравится многим развивающимся странам, однако западные сторонники триумфа демократий и их победы над «автократиями» видят в ней проявление опасного «релятивизма». В западной идеологизированной картине мира страны, которые не были признаны в качестве демократий и которые не участвуют в противодействии «авторитаризму», не могут стоять на одном уровне с демократическими державами. Тем временем Китай заявляет о том, что цивилизаций «второго сорта» нет и быть не может, отвергая цивилизационное высокомерие. Подобный акцент на равноправном общении, обменах и взаимном познании разных цивилизаций отрицает легитимность политики навязывания ценностей и политических систем.

Западные эксперты отмечают, что китайский призыв воздерживаться от навязывания ценностей и моделей обесценивает «порядок, основанный на правилах». Если Запад прекратит активно продвигать свои ценности и стандарты, это будет означать, что авторитарные режимы могут позволить делать все, что им угодно. Китайский подход обвиняют в умышленном забвении того, что нынешний мировой порядок допускает ограничение суверенитета стран с «плохим поведением» по отношению к своему населению. Более того, акцент на «цивилизации» выдвигает на первый план сам Китай и прочие

¹⁸ Xi Jinping zai Zhongguo gongchandang yu shijie zhengdang gaoceng duihua shang de zhuzhi jianghua (quanwen) [Программная речь Си Цзиньпина на Диалоге высокого уровня между Коммунистической партией Китая и мировыми политическими партиями (полный текст)]. 2023-03-15. Синьхуа / https://www.gov.cn/xinwen/2023-03/15/content_5746950.htm

нелиберальные государства, исторически связанные с древними империями, лишая влияния США как относительно новое и гетерогенное государство¹⁹.

Глобальная инициатива цивилизаций исходит из того, что локальные воплощения общих ценностей человечества могут различаться. В этой связи эксперты вспомнили об «азиатских ценностях». Рассуждения Си Цзиньпина о том, что модернизация не тождественна вестернизации, вызвали в памяти дискурс «азиатских ценностей» 1990-х годов, подчеркивавший множественность путей к модерну. В те времена сторонниками этой позиции были добившиеся экономического успеха Сингапур и Малайзия. Они пропагандировали приоритет коллективных интересов общества и государства, ставили под сомнение универсальность западной трактовки прав человека, подчеркивая важность социально-экономических прав. После азиатского финансового кризиса 1998 г. этот дискурс отошел на второй план: страны-пропагандисты экономически ослабли и потеряли основания для рассуждений об «азиатском чуде».

Теперь теоретические обобщения своего экономического успеха создает и продвигает во внешний мир Китай. Он призывает ставить в процессе развития на первое место народ как коллективную общность, не проявлять предвзятости по отношению к чужим ценностям, воздерживаться от навязывания своих ценностей. Эти тезисы были восприняты как проявления культурного релятивизма и невмешательства во внутренние дела, выступавших отличительными чертами дискурса «азиатских ценностей». Заложенный в Глобальной инициативе цивилизаций принцип «живи и давай жить другим» способен найти отклик во многих развивающихся странах, в том числе в Юго-Восточной Азии, где не приемлют западного вмешательства и не хотят становиться ни на сторону Китая, ни на сторону США. В итоге инициатива цивилизаций может оказаться для них более привлекательной по сравнению с американской битвой «демократий против авторитаризма», поскольку она не требует выступать на стороне Китая против США²⁰.

На уровне официальной риторики Китай неизменно заявляет о приверженности защите послевоенного международного порядка и авторитета ООН. Пекин настаивает, что не нарушает правила и не подрывает существующий порядок. Китайские эксперты полагают, что именно США, со стороны которых чаще всего звучат подобные упреки в отношении Китая, являются настоящим источником глобального хаоса и препятствием на пути демократизации международных отношений.

Глобальная инициатива безопасности подчеркивает, что возникшие из обобщения трагических уроков двух мировых войн цели и принципы Устава ООН придали институциональное оформление стремлению человечества к коллективной безопасности и постоянному миру. С китайской точки зрения конфликты и несправедливость в современном мире обусловлены не устареванием основных положений Устава ООН, а недостаточной приверженностью этим принципам в процессе их реализации. Подлинный мультилатерализм возможен лишь в рамках отстаивания международной системы, ядром которой является ООН. При этом Китай исходит из того, что менталитет холодной войны, унилатерализм, блоковая конфронтация и гегемония (все эти атрибуты выступают как характеристики политики Запада) противоречат духу Устава ООН, и потому им следует противодействовать.

Концепцию «сообщества судьбы человечества» в Китае преподносят как теоретический фундамент и практическое руководство для изменения международного порядка. Образы Китая как «защитника» международного порядка и его реформатора сливаются воедино. Предполагается, что новый порядок будет построен с учетом ориентиров концепции «сообщества судьбы», но при этом унаследует базовые характеристики концепции

¹⁹ *Evan Ellis R.* The Trouble With China's Global Civilization Initiative // *The Diplomat*. June 01, 2023 / <https://thediplomat.com/2023/06/the-trouble-with-chinas-global-civilization-initiative/>

²⁰ *Hoang Thi Ha.* The Global Civilisation Initiative: Are 'Asian Values' Back with a Chinese Vengeance? // *Fulcrum: Analysis of East Asia*. 28 April. 2023 / <https://fulcrum.sg/the-global-civilisation-initiative-are-asian-values-back-with-a-chinese-vengeance/>

международного порядка, сформулированной в 1945 г. С китайской точки зрения, в грядущем международном порядке не будет места для разделения на центр и периферию, не станет системы зависимого развития, поддерживаемой гегемонией Запада.

Но и тут происходит столкновение позиций крупных соперничающих держав. В Китае полагают, что США стремятся к консервации иерархического, закрытого и эксклюзивистского международного порядка, основанного на силе. Тем временем Пекин заявляет о признании центральной роли ООН, верховенстве международного права, уважении суверенитета всех государств, продвижении общих ценностей человечества.

Китайские инициативы обретают новый смысл в форме целостного «пакетного решения», обещающего поддержку экономическому развитию «Глобального Юга», защиту его интересов в сфере безопасности и уважение к национальным культурным традициям. Триединство китайских глобальных инициатив отвергает идею обеспечения стабильности через гегемонию одной державы и призывает все страны учитывать интересы друг друга.

Трактовка китайских инициатив как непосредственной угрозы для западного либерального миропорядка является проявлением чрезмерного идеологизированного алармизма. Вместе с тем обтекаемые и неконфронтационные инициативы исподволь размыывают тезис о незаменимости западного «порядка, основанного на правилах». Пекин убеждает страны Глобального Юга в том, что они не обязаны участвовать в глобальном противостоянии на стороне Запада, который на деле не прикладывает усилий к отстаиванию интересов развивающегося мира.

Накопленный опыт участия в соперничестве с США убедил Китай в том, что национальная экономическая мощь сама по себе, каким бы ни был ее масштаб, не позволяет ему общаться с Западом на равных. Важной предпосылкой обретения страной влияния является способность продвигать во внешний мир свои идеи, формулировать конструктивную и вместе с тем привлекательную трактовку будущего миропорядка, указывать последовательность шагов реформы системы глобального управления.

В китайские глобальные инициативы вошло немало старых компонентов, которые Китай отстаивает уже не одно десятилетие. В сумме они образуют новый подход к реформированию системы глобального управления. Их восприятие как единого целого позволяет понять истоки роста внимания китайской стороны к взаимосвязи международной безопасности и глобального экономического развития, приверженности важности национального суверенитета, отстаивания равноправия всех стран, их общественных систем и путей развития.

Безопасность и развитие

Все более заметным становится рост внимания китайского руководства к национальной безопасности, происходит глубокая интеграция проблем безопасности в стратегию развития Китая.

Зарубежные исследователи отмечают рост пессимизма в официальных китайских оценках внешней среды развития страны. К заявлениям о том, что тенденции эпохи на стороне Китая, власти все чаще добавляют предупреждения о сложной ситуации в сфере национальной безопасности. Китайское руководство указывает на необходимость разработки новых моделей развития для преодоления негативных факторов, препятствующих дальнейшему подъему страны. Все более отчетливо звучит тезис о том, что главным источником проблем становится политика всестороннего сдерживания Китая, которую осуществляют западные страны во главе с США²¹.

²¹ Ryan Hass. China's Response to American-led "Containment and Suppression" // China Leadership Monitor. Fall 2023, Issue 77. September 1, 2023 / <https://www.prcleader.org/post/china-s-response-to-american-led-containment-and-suppression>

Президент Китайской академии современных международных отношений (КАСМО) Юань Пэн подчеркнул, что стратегии национальной безопасности США присущи комплексность, агрессивность и эгоизм. Вашингтон способен обеспечить национальную безопасность в любое время, в любом месте и при любой ситуации. США могут проводить операции против оппонентов в любой точке земного шара, они склонны добиваться собственной безопасности за счет безопасности других стран, связывая противника за пределами национальных границ. Хотя по экономическому потенциалу Китай быстро приближается к США, и его военно-технологическая мощь значительно возросла, между двумя странами сохраняется значительный разрыв возможностей обеспечения национальной безопасности. Соответственно, китайские подходы к обеспечению национальной безопасности не могут совпадать с американскими. Помимо этого, очевидные различия присутствуют на уровне целеполагания. Влиятельный китайский эксперт подчеркнул, что Китай стремится к национальному возрождению и построению «сообщества судьбы человечества», а вовсе не к глобальной экспансии и мировой гегемонии. Китай нацелен на обеспечение собственной безопасности при сохранении глобальной безопасности, подчеркивая взаимовыгодное сотрудничество. Именно это принципиально отличает путь национальной безопасности с китайской спецификой от пути национальной безопасности США²².

Эксперт КАСМО Чжан Вэньцзун отмечает, что изменения в стратегии и политике США создали серьезные проблемы для безопасности и развития Китая, и потому требуют ответной реакции. Важную роль в этой «игре» занимает китайская концепция укрепления национальной безопасности. Она указывает на необходимость координации развития и безопасности, призывает учитывать задачи обеспечения национальной безопасности во всех сферах развития. ЦК КПК призывает быть готовыми к наихудшим сценариям и постоянно помнить о потенциальных опасностях.

Предполагается, что целью развития Китая является обретение силы и богатства, а вовсе не вытеснение США с позиции мирового лидера, поэтому возвышение Китая не создаст для Америки экзистенциальной угрозы. Соперничество двух стран касается американской гегемонии и права Китая на развитие. В итоге лишь неоспоримый успех развития Китая способен убедить США в бесперспективности сдерживания Китая, признать его статус и влияние. Эксперт сослался на мнение влиятельного экономиста Линь Ифу – тот полагает, что в будущем, когда китайский ВВП на душу населения достигнет половины соответствующего показателя США, а размер китайской экономики превысит американскую вдвое, выгоды США от китайско-американской торговли значительно превысят выгоды, получаемые от нее Китаем. Когда США более не смогут обходиться без китайского рынка для удовлетворения внутренних экономических потребностей и сохранения лидирующих позиций в мире своих компаний, две страны сформируют новую международную экономическую и политическую модель²³.

Очевидно, что речь идет об отдаленной перспективе. Китайско-американское примирение на основе признания решающего экономического превосходства Китая может состояться лишь через несколько десятилетий. До этого момента отношения Китая и США будут нестабильными и полными противоречий. В связи с этим Китай нацелен на продолжение внутренних экономических реформ ради поддержания долгосрочного устойчивого роста. Параллельно разворачивается работа по укреплению национальной безопасности как незаменимой гарантии выполнения намеченных долгосрочных планов развития страны. Формирование тесной взаимосвязи национальной безопасности и социально-экономического развития стало еще одним проявлением адаптации Китая к

²² *Yuan Peng*. Strategic Thinking on the Path of National Security with Chinese Characteristics // Contemporary International Relations. May/June 2022. Vol. 32, No. 3. Pp. 7-8.

²³ *Zhang Wenzong*. Balancing Development and Security in the Context of Containment and Pressure by the United States // Contemporary International Relations. September/October 2022. Vol. 32, No. 5. Pp. 35-36.

изменяющимся условиям. Успешное развитие способствует укреплению безопасности, которая становится предпосылкой и условием продолжения развития. При этом Китаю важно избежать чрезмерного перекоса в сторону безопасности, после которого вложения в эту сферу становятся тормозом и обузой для экономического развития.

Китайские эксперты указывают, что сторонники независимости Тайваня могут стать прямой и серьезной угрозой для национальной безопасности Китая. США в ходе реализации своей индо-тихоокеанской стратегии наращивают поддержку этих сил в рамках стратегического сдерживания Китая, частично отказываясь от прежних обязательств, данных Пекину в рамках политики «одного Китая». Поскольку правящая на Тайване Демократическая прогрессивная партия, стремящаяся к независимости, опирается в достижении своих целей на американскую поддержку, аналитики рекомендуют заблаговременно подготовиться к военному противодействию расколу Китая. Если США решатся пересечь эту «красную линию», Китаю придется принять вызов. Однако в этом случае ему нужно будет не только противостоять «тайваньским сепаратистам», но и дать ответ на вооруженное вмешательство внешних сил в кризис вокруг Тайваня.

Китай слабее США, поэтому исход «игры» будет зависеть от степени эффективности использования стратегических ресурсов. Эксперты предостерегают от повторения советской ошибки времен холодной войны, когда концентрация внимания на обеспечении военной безопасности оттеснила экономику на задний план, что привело к недовольству населения. Китаю рекомендуют увеличить вложения в обычные вооруженные силы и совершенствовать возможности асимметричной войны. Вместе с тем Китай как более слабая сторона объективно заинтересован в умеренном расширении своего ядерного арсенала как инструмента сдерживания США от развязывания «горячего конфликта»²⁴.

Китайское руководство обеспокоено усилиями США по сплочению «демократического лагеря» для проведения идеологически мотивированной политики сдерживания в отношении Китая. Возможностей для качественного улучшения китайско-американских отношений и возвращения к атмосфере сотрудничества, царившей 15–20 лет назад, становится все меньше. Это понимают обе стороны. Пока США разрабатывают долгосрочную стратегию сдерживания Китая и создают для ее осуществления глобальные и региональные коалиции, Пекин прикладывает усилия к повышению устойчивости к внешним шокам, наращиванию военного потенциала, укреплению инновационного потенциала национальной экономики. Китай не заинтересован в провоцировании полномасштабного конфликта с США, однако кризис в Тайваньском проливе с большой вероятностью способен стать источником военного столкновения двух держав.

Китайские эксперты указывают на формирование «новой нормальности» стратегического соперничества КНР и США. Пекин извлек уроки из политики Трампа и Байдена на китайском направлении. Китай укрепляет свою ведущую роль в двусторонних отношениях, все более решительно отстаивает свои национальные интересы перед лицом американского давления, демонстрирует США неэффективность конфронтационной политики. Китай активно развивает связи с третьими странами – укрепляет сотрудничество с Россией; пытается поддерживать стабильные отношения с крупными европейскими странами, такими как Германия и Франция; не позволяет США вбить клин между Китаем и АСЕАН.

Традиционно Китай стремился сначала достичь консенсуса с новой администрацией США по позиционированию двусторонних отношений и определению рамок взаимодействия, конкретные вопросы решали позже. Поскольку этот подход не сработал в отношении администрации Байдена, и достичь консенсуса по двустороннему сотрудничеству не удалось, Китай пошел по другому пути, стараясь заставить США реагировать на его озабоченности. Пекин прилагает усилия к формированию более благоприятной для себя международной среды, повышает качество и скорость распространения генерируемой Китаем информации с

²⁴ Zhang Wenzong. Balancing Development and Security in the Context of Containment and Pressure by the United States // Contemporary International Relations. September/October 2022. Vol. 32. No. 5. Pp. 46-47.

целью улучшения своего публичного имиджа. Китай хочет активно формировать условия и процесс китайско-американского взаимодействия, более эффективно влиять на внутреннюю политику и внешние действия Вашингтона. Тем временем на фоне заметного разрыва уровней национальной мощи двух стран США продолжают наступательные действия против Китая. Споры между двумя странами будут все больше. Их взаимное восприятие будет все более негативным, что с большой вероятностью приведет к эскалации противостояния, обострению конкуренции и повышению риска возникновения конфликтов. У Синьбо полагает, что в ближайшие годы у США будет мало стимулов для улучшения двусторонних отношений, поэтому напряженность будет чередоваться с разрядкой. Обе стороны будут стремиться установить четкие рамки отношений, то есть определить, насколько далеко может зайти сотрудничество, зафиксировав нижнюю границу соперничества и конфронтации²⁵.

Формирование «новой нормальности» китайско-американского стратегического соперничества предстает как путь предотвращения новой холодной войны. Усилия Китая не заставят США изменить подход, согласно которому конкуренция является основой двусторонних отношений. «Новая нормальность» призвана создать пример позитивной конкуренции, оставляющей место для сотрудничества и создающей механизмы предотвращения конфликтов. С учетом силы импульса ухудшения двусторонних отношений эксперт рекомендовал уделять больше внимания «установлению и удержанию нижней границы», а не «повышению потолка». Однако нетрудно предположить, что попытки США потребовать от Китая уступок, затрагивающих сферу китайской национальной безопасности, способны разрушить процесс согласования интересов для формирования «новой нормальности».

Военный эксперт генерал-майор Тан Юншэн отметил, что многие китайские аналитики сходятся во мнении, что ближайшие 10–15 лет будут иметь решающее значение для национальной безопасности. Китаю придется смело защищать свои интересы, умело вести дела с другими странами, эффективно сдерживать и уравнивать их. Одна из точек зрения сводится к тому, что Китаю нужно выстоять в трудные времена, и если страна продержится еще десять или пятнадцать лет, то сможет одержать победу. Тан Юншэн отметил, что более уместны призывы не к тому, чтобы пассивно переждать трудный период, а к активному «изматыванию противника». Иными словами, Китаю следует сочетать защиту и нападение. Нужно не только выстоять в навязанной американцами конкурентной борьбе, но также истощить США до такой степени, чтобы они оказались бессильны против Китая. Одновременно требуется расширять влияние Китая, способствовать развитию и прогрессу международной системы, продвигать идею «сообщества судьбы человечества», делать международные отношения более предсказуемыми. Китай должен не только выжить, но и обеспечить себе хорошую жизнь с пониманием того, что в долгосрочной перспективе у сотрудничества между крупными державами нет альтернативы²⁶.

Экономическая стратегия

Перспективы повышения глобального и регионального влияния Китая зависят от эффективности адаптации национальной экономики к изменяющимся условиям. Сохранение устойчивого экономического роста необходимо для обеспечения материальной основы китайских планов.

Современный этап китайских реформ отражает объективные изменения внутренних и внешних факторов. Навсегда остались в прошлом высокие темпы роста китайской экономики,

²⁵ Wu Xinbo. Shaping the New Normal in China-US Strategic Competition // China International Studies. March/April 2022. No. 93 (5). Pp. 16-17.

²⁶ Tang Yongsheng. Safeguarding National Security in a Volatile and Interconnected World // Contemporary International Relations. March/April 2023 Vol.33 No.2. Pp. 19-20.

которые наблюдались в 1990-е годы и в первом десятилетии XXI века. Прежние факторы роста внутри Китая близки к исчерпанию. Стоимость рабочей силы растет, население стареет, а ограниченные ресурсы становятся все дороже. Дешевая низкоквалифицированная рабочая сила уже не может решить проблемы развития Китая, обеспечивая производство большого количества экспортной продукции.

Политика «двойной циркуляции», ставящая внутренний экономический цикл производства, распределения и потребления выше участия в мировой торговле, была провозглашена на фоне пандемии коронавируса и признания властями долгосрочного характера ухудшения китайско-американских отношений. Руководство КПК продемонстрировало четкое понимание того, что прежняя модель опоры на внешние рынки не сможет обеспечить успешное развитие китайской экономики в будущем. Важными факторами изменения экономических приоритетов стали замедление и обращение вспять процессов глобализации вследствие противоэпидемических ограничений и санкционной политики Запада, соединившихся воедино и ставших фактором разрушения транснациональных производственно-сбытовых цепочек. В подобной ситуации чрезмерная зависимость от иностранных рынков может стать для Китая потенциальным источником внутренней экономической нестабильности. Драйвер «международной циркуляции» ослаб, хотя и не исчез, в то время как потенциал расширения «внутренней циркуляции» заметно возрос.

Современные реформы в Китае ориентированы на внутренний рынок и собственные инновации. Сохранение открытости внешнему миру необходимо, и китайское руководство постоянно напоминает об этом. Однако открытость не может быть самоцелью, в отличие от задач продолжения экономического развития и повышения уровня жизни населения.

На фоне замедления темпов экономического роста в Китае стали много говорить о том, что качество роста важнее, чем его количественные показатели. Эти рассуждения отчасти нацелены на стабилизацию ожиданий и убеждение общества в том, что у Китая есть возможность продолжать движение вперед на фоне замедления темпов. На деле провозглашенная властями цель качественного развития не может быть осуществлена без поддержания экономического роста. Вместе с тем цифры роста не отвечают на вопросы о том, какими передовыми технологиями будет обладать Китай; в какой степени страна может восстановить пострадавшую в ходе предыдущего быстрого развития окружающую природную среду; готова ли китайская система образования обеспечить массовую подготовку высококвалифицированных кадров, соответствующих требованиям современной инновационной экономики.

По мере роста внешних рисков для китайской экономики повышается важность обеспечения безопасности развития. Стремление Запада использовать взаимную зависимость в экономике как инструмент достижения политических целей стало реальностью. До тех пор, пока китайская экономика будет оставаться критически уязвимой для давления извне, полномасштабный переход на рельсы качественного инновационного развития будет оставаться незавершенным.

Все более заметное место в современной экономической политике Китая занимает требование обеспечения социальной справедливости. Речь идет о постепенном сближении уровней доходов городского и сельского населения, развитых и слаборазвитых регионов, а также о смягчении поляризации доходов в обществе. Повышение социальной справедливости укрепит Китай, поскольку сделает общество более стабильным и снизит риски политических потрясений. Вместе с тем эта политика напоминает о возможности появления новой версии уравнительного распределения доходов, способной снизить экономическую активность, и, как следствие, еще больше затормозить темпы роста экономики.

Успех адаптации экономической политики к новым вызовам зависит от способности китайского руководства гибко и своевременно использовать имеющиеся возможности развития. В прошлом экономическому взлету Китая способствовали открытость мировому

рынку, интеграция частной экономики в единый общенациональный рынок, одновременная поддержка и защита в отношении как частного предпринимательства, так и государственной экономики. Китайские реформаторы не боялись рынка, ставшего главным инструментом распределения ресурсов, но при этом не питали иллюзий относительно его «всемогущества». Власти сохраняют макроэкономический контроль, осуществляют стратегическое планирование развития и оказывают адресную поддержку приоритетным секторам экономики.

Постепенный переход к рынку позволил Китаю избежать «шока» от быстрого разрушения старых экономических институтов. В конце прошлого века западные эксперты считали, что рыночные реформы обязательно должны быть быстрыми и радикальными. С этой точки зрения, китайские постепенные реформы были обречены на внутреннее торможение и остановку к тому моменту, когда политическая система станет для них непреодолимой преградой. Реформы в Китае продолжаются, однако для их проведения уже непригодны как прежний эмпирический подход («переходить через реку, нащупывая под ногами камни»), так и плавность преобразований. На первый план выходят задачи координации мероприятий реформы системы государственного управления, сохранение политической воли к проведению преобразований, способность властей систематически и последовательно работать над решением проблем развития, адекватно прогнозировать возможные последствия предпринимаемых шагов.

Опыт борьбы с пандемией коронавируса продемонстрировал высокую степень готовности китайской системы к мобилизации для парирования внезапно возникшей угрозы. Пандемия ускорила процесс цифровизации китайского общества; особенно заметными стали быстрое развитие интернет-торговли и онлайн-образования. Рыночная экономика быстро адаптировалась к необычным условиям, новые цифровые услуги обрели популярность, их распространение продолжилось после окончания пандемии. Кроме того, эпидемия стала серьезным напоминанием о необходимости защиты экономики от последствий внезапного разрыва международных экономических связей, а также о высокой ценности емкого внутреннего рынка и внутреннего спроса.

Современные споры о выходе экономики Китая на «пик развития» и о способности китайских властей удержать экономику от необратимого замедления обрели отчетливую политическую окраску. Зачастую речь тут идет не об экономических процессах, а о предполагаемых политических ошибках китайского руководства. Однако на фоне трудностей в мировой экономике, включая проблемы развитых стран, можно сделать предположение о том, что более привлекательные для Запада альтернативные стратегии китайских экономических реформ также не привели бы к качественно иному результату с учетом объективных факторов — медленного роста глобальной экономики, инфляции, нестабильности финансового рынка, увеличения долгового бремени.

Китайская экономика сохраняет за собой роль важного драйвера мировой экономики. Однако не стоит ожидать повторения событий 2008 г., когда Китай оказал заметное стабилизирующее воздействие на мировую экономику после финансового кризиса. Проблема не в Китае, а в том, что внешний мир стал другим. Запад пессимистично оценивает современную роль Китая в восстановлении мировой экономики в том числе и потому, что США и их союзники не готовы принять растущий Китай как равную экономическую силу. В мире появляются изолированные друг от друга технологические альянсы, политика санкций порождает спрос на альтернативные финансовые платежные системы. Протекционизм, «расстыковка» и ограничения доступа к передовым технологиям пришли в мировую экономику надолго, что не позволяет оценивать ее перспективы в привычных понятиях рыночной конкуренции и реализации национальными экономиками своих сравнительных преимуществ.

Основной вклад Китая в современное развитие мировой экономики заключается не только в относительно высоких темпах экономического роста. Не менее важна его роль

источника стабильности в международных цепочках производства и распределения. В перспективе Китай может усилить свою роль драйвера экономического роста «мирового большинства». Огромные потребности развивающихся стран остаются неудовлетворенными, эти страны сталкиваются со многими трудностями, они заинтересованы в сотрудничестве с Китаем.

Летом 2023 г. китайские власти обнародовали ряд решений, нацеленных на поддержку предпринимательской инициативы, включая стимулирование внутреннего потребления и защиту интересов иностранных инвесторов. Китай продемонстрировал серьезный подход к улучшению условий ведения бизнеса и созданию положительной мотивации для китайских и иностранных инвесторов. В предыдущие годы в Китае звучали рассуждения о том, что частное предпринимательство уже выполнило свою историческую миссию и должно уйти на второй план. Были приняты меры, ограничившие бесконтрольное поведение частных рыночных монополистов. Однако подобное регулирование в китайских условиях носит циклический характер. В 2023 г. власти вместо запретительного сигнала включили разрешительный ради повышения доверия деловых кругов и населения в целом к экономической политике государства.

В Китае есть предпосылки для сохранения политической стабильности, необходимой для экономического развития. Объявленные меры поддержки частной экономики помогут преодолеть трудности, вызванные спадом на рынке недвижимости, падением экспорта и снижением потребительских расходов. Внутри страны необходимо расширять внутренний спрос и повышать готовность потребителей тратить деньги. Во внешнем мире китайским предпринимателям необходимо искать новых покупателей на новых рынках. По отдельности потребители в странах «мирового большинства» беднее, чем на Западе, но вместе они обладают значительной покупательной способностью, которую в изменившихся условиях китайские экспортеры уже не могут игнорировать.

Осуществление политики поддержки внутреннего потребления и частного предпринимательства способствует созданию в Китае открытой экономики с высокими стандартами. В перспективе Китай сможет опереться на сильные стороны своей экономики (огромный рынок, обширная производственная база, высококвалифицированная рабочая сила) для привлечения мировых ресурсов и факторов производства. Однако все большее значение для экономического развития Китая будут приобретать внутренние инвесторы. Можно предположить, что одним из последствий текущего раунда поддержки инвестиционной активности в будущем станет принятие дополнительных мер противодействия монополистическому поведению крупного китайского бизнеса.

Китай глубоко интегрирован в мировую экономику и заинтересован в сохранении устойчивости глобального производства и цепочек поставок. Ему необходимы продолжение процессов глобализации, наличие открытой и сбалансированной мировой экономики. Китайская стратегия развития нацелена на поиск баланса между приверженностью рыночной экономике и расширением возможностей развития за пределами «западной модели». Китайский подход к глобальному развитию неизменно подчеркивает чаяния «справедливости» и «разумности» нового международного порядка, способного гарантировать безопасность и обеспечить благоприятные условия развития всех стран.

Глава 3. Замедление экономического роста Китая как «новая нормальность»

Долгосрочное торможение экономики Китая

В среднесрочной и долгосрочной перспективе «новой социально-экономической нормальностью» для КНР к 2030 г. и далее с высокой долей вероятности станут темпы прироста ВВП примерно на уровне 3–5% с понижающей тенденцией. Негативное влияние на китайский экономический рост будут оказывать отдельные компоненты американо-китайского стратегического соперничества (санкции, торгово-экономические и инвестиционные ограничения и др. со стороны США и их партнеров) и возможное обострение некоторых внутренних проблем национальной экономики. К числу последних можно отнести: общее снижение эффективности традиционных факторов экономического роста; уменьшение мультипликативного эффекта государственных инвестиций в традиционную инфраструктуру; снижение темпов прироста китайского экспорта в США и ЕС; недостаточно высокие темпы расширения конечного потребления домохозяйств; высокая долговая нагрузка на провинции и государственные корпорации; вероятное затяжное снижение спроса на рынке недвижимости, и др.

Вместе с тем, положительное воздействие на развитие экономики Китая может оказать политика властей, направленная на поддержание приемлемого уровня экономического роста, исходя из необходимости реализации стратегических социально-экономических целей:

- 2025 г. – окончание 14-й пятилетки и одного из этапов научно-технического развития КНР («Сделано в Китае 2025»);
- 2035 г. – достижение уровня среднеразвитой страны (moderately developed economy), в которой ВВП на душу населения должен достичь показателей других стран этой категории;
- 2049 г. – достижение «второй столетней цели» (КНР должна стать одной из ведущих мировых держав по показателям комплексной/совокупной мощи государства; ВВП на душу населения должен достичь показателей развитых стран).

Необходимо отметить, что, например, для построения среднеразвитой экономики к 2035 г. темпы прироста китайского ВВП в предстоящие 12 лет должны составить в среднем 4,5–4,8% в год. Исходя из этого, руководство КНР будет использовать уже проверенные временем механизмы стимулирования экономического развития, прежде всего инвестиции в инфраструктуру. Однако фокус государственных инвестиций постепенно будет смещаться от «традиционной» инфраструктуры (ж/д, аэропорты, вокзалы, автодороги и т.д.) в сторону «новой» (умные города, системы управления ЖКХ, системы связи следующих поколений, вычислительные центры или центры обработки больших данных, энергосбережение, зеленая экономика и т.д.). Подтверждением этому служит «Программа построения цифрового Китая», стартовавшая в 2023 г.

При этих условиях запланированные средние темпы экономического развития Китая в предстоящий период выглядят достаточно реалистичными. Вероятность масштабного кризиса, который может привести к отрицательным значениям основных социально-экономических показателей на протяжении долгого времени, достаточно низка. Постепенное снижение среднегодовых темпов прироста китайского ВВП будет компенсироваться увеличением «веса» этого прироста в соответствии с увеличением общего объема ВВП (один процент прироста сейчас больше, чем один процент прироста, например, в 2010-х гг.).

«Медленный Китай» как новая нормальность

Согласно последним доступным на момент написания работы статистическим данным, ВВП КНР в первом квартале 2023 г. показал неплохие на фоне среднемировых показателей результаты, увеличившись на 4,5%²⁷. Этот результат достигнут во многом за счет китайской государственной политики, направленной на поддержание экономического роста. Конкретнее, это выражается в следующем.

Во-первых, власти оперативно реализовали разнообразные меры поддержки: предоставили налоговые вычеты, отменили или снизили некоторые виды платежей в бюджеты разных уровней, с опережением исполнили социальные обязательства и произвели стимулирующие выплаты.

Во-вторых, темпы прироста китайского экспорта по итогам 1-го квартала 2023 г. увеличились вопреки негативным ожиданиям: по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. общий объем китайского товарного экспорта вырос на 8,4% в денежном выражении и составил 5,65 трлн юаней²⁸.

В-третьих, формально инвестиции в недвижимость сократились на 5,8%, однако, реально их объем постепенно восстанавливается, так как соответствующий показатель за 4-й квартал 2022 г. сократился на 10%. Общий объем продаж как коммерческой, так и жилой недвижимости вырос на 4,1%, а продажи новых квартир выросли на 7,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Индекс потребительских цен вырос на 1,3%. При этом цены на продукты, табак и алкоголь прибавили 2,9%; одежда – 0,7%; жилая недвижимость потеряла 0,2%; услуги прибавили 1,2%; транспорт и связь – 0,1%; образование, культура и развлечения – 1,7%; медицина – 0,9%, другие услуги выросли на 2,7%. Одновременно цены производителей на промышленные товары снизились на 1,6%.

Общий объем продаж потребительских товаров вырос на 5,8% по сравнению с 1-м кварталом 2022 г., в то время как в 4-м квартале этот показатель сократился на 2,7%.

Государственные инвестиции в основные фонды по итогам 1-го квартала 2023 г. выросли на 5,1%, в частности в инфраструктуру на 8,8%. Частные инвестиции прибавили лишь 0,6% – реально это сокращение, т.к. темпы прироста частных инвестиций в основные фонды по итогам всего 2022 г. составили 0,9%.

Сократилась безработица до 5,5%, что на 0,1 п.п. ниже, чем в 4-м квартале 2022 г. Однако соответствующий показатель для молодежи (16–24 лет) остается чрезвычайно высоким – почти 20%.

Вместе с тем, на фоне относительно неплохих результатов послепандемическое восстановление китайской экономики происходит неоднородно и разнонаправлено. Основная структурная проблема заключается в дисбалансе между увеличивающимся предложением и более медленно расширяющимся спросом. Например, третичный сектор восстанавливается быстрее вторичного, государственные предприятия быстрее частных, а крупные быстрее средних и малых. В долгосрочной перспективе это может усилить дисбалансы, которые могут привести к неприемлемому для достижения стратегических социально-экономических целей сокращению темпов развития экономики КНР.

В дополнение: с одной стороны, общий объем продаж потребительских товаров увеличился, с другой – соответствующий показатель вырос только по отношению к продуктам и некоторым услугам, в особенности туристическим, после сворачивания политики нулевой терпимости к коронавирусу. А продажи товаров долгосрочного

²⁷ Китай улучшил темпы роста ВВП в первом квартале // РБК. 18.04.2023 / <https://www.rbc.ru/economics/18/04/2023/643dfe079a7947ee3eba3f0d> (дата обращения 03.05.2023).

²⁸ Здесь и далее: National Economy Made a Good Start in the First Quarter // National Bureau of Statistics of China, 18.04.2023 / http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202304/t20230418_1938715.html (дата обращения 20.05.2023).

пользования стагнируют или увеличиваются гораздо медленнее, чем продажи товаров повседневного спроса.

На этом фоне 16 июня 2023 г. власти провели заседание Госсовета под председательством нового премьера Ли Цяна, на котором обсуждались возможные меры, направленные на компенсацию усложнения внешней политической и экономической среды, снижения темпов прироста объема мировой торговли и инвестиционных потоков²⁹.

Участники заседания отметили, что внешняя среда стала более сложной, а это, в свою очередь, повлияло на темпы восстановления китайской экономики. Для придания дополнительного импульса экономическому росту КНР в сложившихся условиях необходимо сосредоточить внимание на увеличении платежеспособного спроса, укреплении и оптимизации реального сектора экономики, а также на предотвращении и устранении рисков в ключевых областях китайской экономики. При этом необходимые действия нужно предпринять в срочном порядке.

В итоге традиционные пожелания властей вылились в очередные стимулирующие программы, в т.ч. посредством расширения выпуска специальных ценных бумаг, средства от продажи которых направляются на реализацию инфраструктурных проектов.

Исходя из определенных на заседании Госсовета целей Народный банк Китая (ЦБ) с 15 июня 2023 г. понизил ключевую ставку в отношении механизма среднесрочного кредитования банков на 10 б.п. – с 2,75% до 2,65%. По мнению руководства НБК, это должно влить в китайскую финансовую систему дополнительные 237 млрд юаней.

За неделю до этого «политические банки» Китая (*Промышленно-коммерческий банк, Строительный банк, Сельскохозяйственный банк и Банк Китая*) снизили ставки по вкладам до востребования на 5 б.п., по трех- и пятилетним вкладам на 15 б.п., что, по их мнению, должно снизить стоимость заимствований.

19 июня НБК также снизил годовую базовую ставку с 3,65% до 3,55%, а пятилетнюю с 4,3% до 4,2% для снижения стоимости заимствований для компаний и физических лиц и расширения потребления³⁰.

Однако представляется, что основной вызов для экономики КНР в настоящее время лежит в сфере долговой нагрузки на провинциальные власти.

Трудности провинциальных бюджетов

На фоне разнонаправленного и менее быстрого, чем хотелось бы Пекину, восстановления экономики, провинциальные бюджеты испытывают серьезные трудности.

Из-за медленного восстановления рынка недвижимости спрос на земельные участки со стороны застройщиков остается крайне слабым, что приводит к сокращению доходов провинциальных властей. В среднем, доля доходов провинций от передачи земли под застройку составляет, по разным оценкам, до 40% в их общем объеме³¹. Одновременно с этим Пекин не отменяет требований по локальному инфраструктурному строительству, которое должно поддерживать приемлемые темпы экономического развития и одновременно ограничивает программы разнообразных финансовых стимулов, борясь с высокими темпами прироста провинциальных долгов. Перед регионами остро встает вопрос: где брать деньги?

Одним из возможных вариантов экономии для регионов может стать урезание социально-ориентированных выплат, доля которых в общем объеме провинциальных

²⁹ Lǐqiáng zhǔchí zhàokāi guówùyuàn chángwù huìyì yánjiū tuīdòng jīngjì chíxù huìshēng xiàng hǎo de yī pī zhèngcè cuòshī dèng [Ли Цян председательствовал на исполнительном заседании Государственного совета, посвященном изучению ряда стратегий и мер по содействию устойчивому восстановлению экономики] / https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202306/content_6886887.htm (дата обращения 25.06.2023).

³⁰ China central bank cuts lending rates to spur consumption // Nikkei Asia. 20.06.2023 / <https://asia.nikkei.com/Economy/China-central-bank-cuts-lending-rates-to-spur-consumption>

³¹ Song H. Beijing's Dilemma: Cut Spending or Raise Taxes to Deal with Local Debt? // Macro Polo. 30.06.2003 / <https://macropolo.org/beijing-cut-spending-raise-taxes-local-debt/> (дата обращения 05.07.2023).

расходов составляет примерно 20%. Косвенно это подтверждается и планами центральных властей, которые ограничили рост базовой пенсии в 2023 г. в среднем 3,8% – ниже, чем ориентиры по налоговым поступлениям и росту заработной платы, предоставив право провинциальным властям дополнительно понижать и этот предел³².

Кроме того, Пекин предписал провинциям сократить расходы на базовое медицинское обслуживание, бюджеты которого испытывают значительный дефицит из-за трат во время пандемии в течение предыдущих трех лет.

Однако, поощряя сокращение социальных расходов, Китай может столкнуться с серьезными последствиями, которые угрожают его планам увеличения конечного потребления домохозяйствами и формирования модели экономического развития, основанной на доминировании потребления физическими лицами («двойной циркуляции»).

Например, в течение последующих 20 лет количество лиц старше 65 лет, т.е. пенсионеров, в Китае должно увеличиться примерно вдвое – со 195 до 360 млн чел. Теоретически, негативные ожидания недостаточного пенсионного обеспечения и необходимость откладывать на медицинское обслуживание будет поддерживать в Китае высокий уровень сбережений, который и так за последние 10 лет не опускался ниже 30% доходов. С одной стороны, такой сравнительно высокий уровень сбережения (в США и ЕС он ниже 10%) может быть ресурсом для долгосрочных инвестиций, с другой – это, вероятно, свидетельствует о недостаточном потреблении китайскими гражданами.

Да, сокращение или ограничение роста социальных расходов поможет избежать чрезвычайно высоких темпов расширения дефицита центрального и провинциальных бюджетов в краткосрочной перспективе. Однако позже Пекин опять столкнется с проблемой увеличения таких выплат в связи с прибавлением количества пенсионеров. Кроме того, вопрос увеличения потребления лицами среднего и старшего возрастов сохранит свою актуальность, так как они будут вынуждены содержать не только себя, но и стариков.

Это, в свою очередь, заставляет усомниться в будущей успешности новых китайских программ поддержания или даже увеличения рождаемости, т.к. в таких условиях иметь даже одного ребенка очень дорого.

Дополнительное давление на провинциальные бюджеты продолжает оказывать необходимость выплат по выпущенным ранее специальным ценным бумагам, за счет которых региональные власти реализовывали разнообразные инфраструктурные и жилищные проекты. При этом некоторые из них уже призывают Пекин оказать им помощь.

Например, власти городов Гуйан (столица провинции Гуйчжоу) и Хух-Хото (столица Автономного района Внутренняя Монголия) публично обратились к центральным властям с соответствующей просьбой. Причем первые указали, что дефолт по долгам может произойти в любое время, а вторые – на очень ограниченные возможности управления своим долгом.

По оценкам международных экспертов, в очереди на дефолт или помощь Пекина уже стоят: Ланьчжоу (столица провинции Ганьсу); Лючжоу (второй по величине город в Гуанси-Чжуанском автономном районе); Куньмин (столица провинции Юньнань).

С одной стороны, Пекин регулярно расширяет лимит для провинций по выпуску специальных ценных бумаг, средства от продажи которых они используют, в том числе, и для погашения ранее взятых на себя обязательств. Однако, с другой стороны, объем выплат по ранее выпущенным и новым ценным бумагам тоже растет, и у провинций уже не хватает средств на их погашение. Новые же ценные бумаги выпускать становится сложнее из-за сохраняющегося низкого спроса застройщиков на земельные участки.

По разным оценкам китайских экономистов, на конец второго квартала 2023 г. объем платежей, которые необходимо совершить провинциальным властям по выпущенным ими специальным ценным бумагам, оценивается примерно в 60 трлн юаней – около 50% ВВП КНР.

³² China raises basic retiree pensions by up to 3.8% to better cope with aging society // Global Times. 22.05.2023 / <https://www.globaltimes.cn/page/202305/1291141.shtml> (дата обращения 28.05.2023).

В дополнение к этому просрочка платежей со стороны провинций подрядчикам, участвующим в реализации инфраструктурных проектов, составляет еще примерно 5 трлн юаней.

При этом основные опасения вызывает не общий долг и не долгосрочные выплаты, а краткосрочные. В связи с неопределенным будущим китайской экономики инвесторы предпочитают покупать именно краткосрочные специальные ценные бумаги – на конец второго квартала 2023 г. доля краткосрочных долгов по провинциальным специальным ценным бумагам составила почти 30% по сравнению с примерно 24% по итогам 2021 г.

Занимавший пост председателя НБК И Ган полагал, что для поддержания стабильности на долговом рынке провинциальных ценных бумаг «желательно, чтобы учетная ставка была чуть ниже темпов роста экономики: слишком низкая учетная ставка может поощрять спекуляции, слишком высокая – способствовать неустойчивости ситуации с долгами»³³. Однако китайские эксперты отмечают, что в случае с провинциальными ценными бумагами ставка должна быть значительно ниже темпов роста экономики для поддержания их привлекательности и прибыльности. Большая часть ценных бумаг такого типа направлена скорее на создание доступных общественных благ, а не на генерирование прибыли.

По данным аналитиков КНР, медианный показатель рентабельности активов, сформированных ценными бумагами такого типа, составлял в 2022 г. примерно 1% – это значительно ниже соответствующего показателя для акций китайских компаний типа А, размещенных на биржах КНР.

Предполагается, что создание в рамках административной реформы Государственного управления финансового регулирования, которое подчиняется непосредственно Госсовету, направлено в первую очередь на решение проблемы провинциальных долгов.

Финансовые власти Китая оказались между «Сциллой и Харибдой»: НБК прилагает усилия для предотвращения роста долговой нагрузки на провинции, однако не может ее ограничивать во избежание роста скрытых долгов за счет средств, которые провинции могут получить на «сером» банковском рынке. Кроме того, НБК не может допустить массового дефолта регионов, так как это ударит по всей финансовой системе КНР, а следовательно, не может сильно ограничивать темпы прироста долговой нагрузки на провинции.

К «Сцилле и Харибде» добавляется еще и позиция Си Цзиньпина, который, например, в своей речи в Центральной партийной школе 1 марта 2022 г. негативно высказался о чиновниках, которые думают, что развитие – это запуск проектов, инвестирование и увеличение масштабов. Он отметил, что некоторые госслужащие даже рассматривают загрязняющие окружающую среду или ресурсоемкие проекты как важную часть стимулирования экономического роста. А некоторые вообще прибегают к «сверхзаимствованиям» и слепо расширяют бизнес³⁴.

В итоге, практически любое решение проблемы долговой нагрузки на провинции, сформировавшейся за счет выпуска специальных ценных бумаг, может кардинально изменить всю китайскую экономику, поскольку, скорее всего, приведет к снижению государственных инвестиций в основные фонды, за счет которых в значительной степени поддерживались повышенные темпы экономического роста КНР.

Проблемы конечного потребления домохозяйств

Из-за сочетания ряда негативных факторов (политика «нулевой терпимости», кризисные явления на рынке недвижимости и в энергетической сфере, замедление темпов прироста китайского экспорта, природные катаклизмы и др.), внутреннее потребление за время пандемии 2021–2022 гг. пострадало достаточно сильно. Вклад прироста личного

³³ Feng A., Wright L. Tapped Out // Rhodium Group. 01.06.2003 / <https://rhg.com/research/tapped-out/> (дата обращения 08.06.2023).

³⁴ Watson A. Some cadres cannot keep up / <https://andrewwatson.com/2023/07/02/some-cadres-cannot-keep-up/> (дата обращения 10.07.2023).

потребления (в расчете на душу населения), инвестиций в основные фонды и нетто-экспорта в темпы прироста общего ВВП значительно сократились (рис. 1).

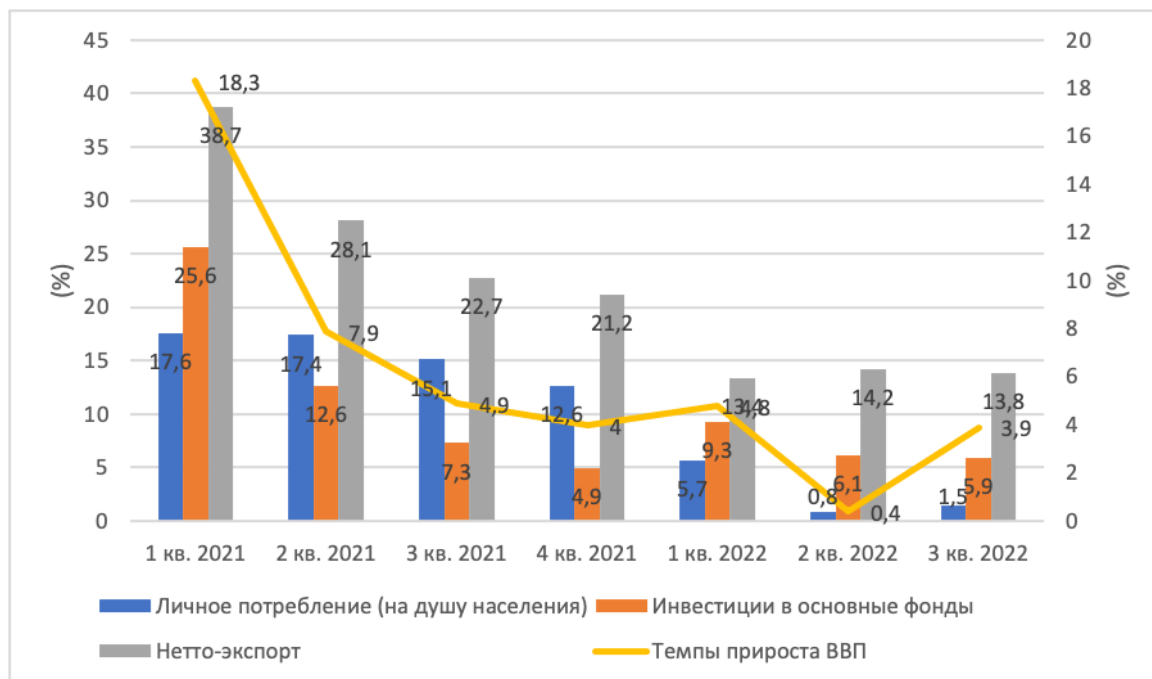

Рис. 1. Вклад прироста подушевого личного потребления, инвестиций в основные фонды и нетто-экспорта в темпы прироста общего ВВП КНР в 2021–2022 гг. (%)

Несмотря на все усилия властей, которые были направлены на стимулирование конечного потребления домохозяйствами (например, предоставление ваучеров на приобретение товаров и услуг и др.), в течение 2022 г. им так и не удалось добиться долгосрочного устойчивого положительного тренда, что отчасти демонстрируют статистические данные, показывающие разнонаправленную динамику объема розничных продаж потребительских товаров (рис. 2).

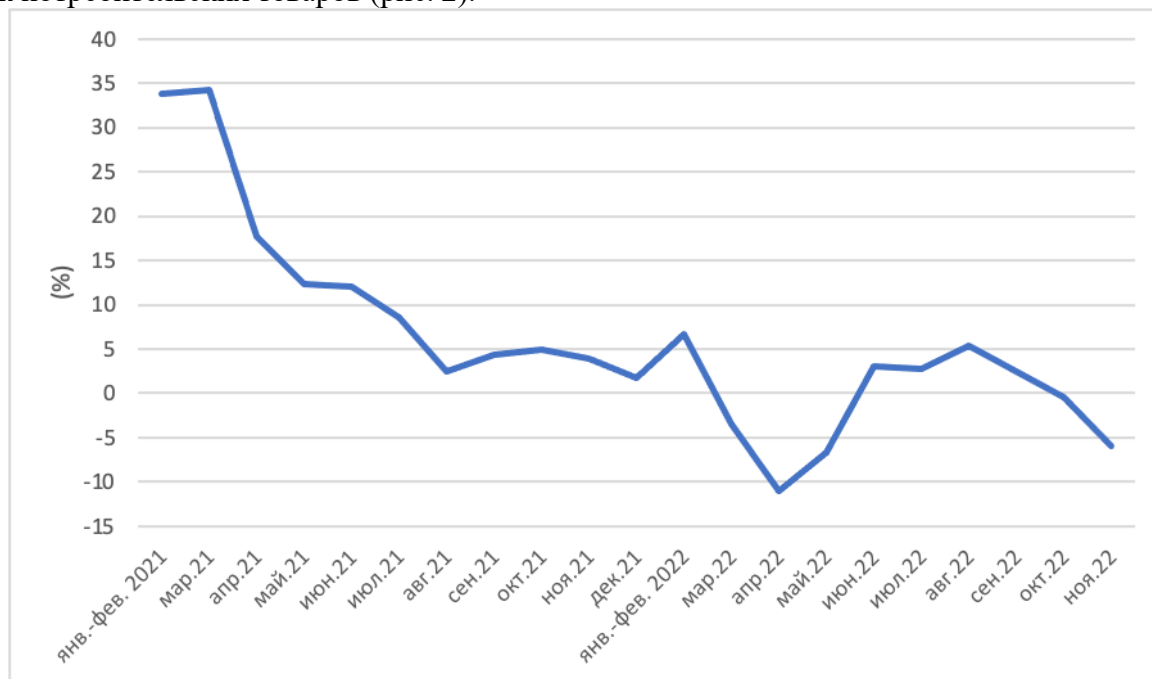

Рис. 2. Темпы прироста общего объема продаж потребительских товаров в 2021–2022 гг. (в % к предыдущему месяцу)

При этом более общий статистический показатель вклада конечного потребления домохозяйствами в общий объем китайского ВВП демонстрирует устойчивое снижение: достигнув пика в 53,4% в 1981 г., к 2021 г. он снизился до 38,5%. Получается, что систематические попытки Пекина все более опираться именно на потребление как основу экономического роста, о чем говорилось еще в 2010 г. при Ху Цзиньтао (12-й пятилетний план социально-экономического КНР на 2011–2015 гг.), оказались не очень успешными (рис. 3). При этом для большей части стран ОЭСР этот показатель составляет более 60%.

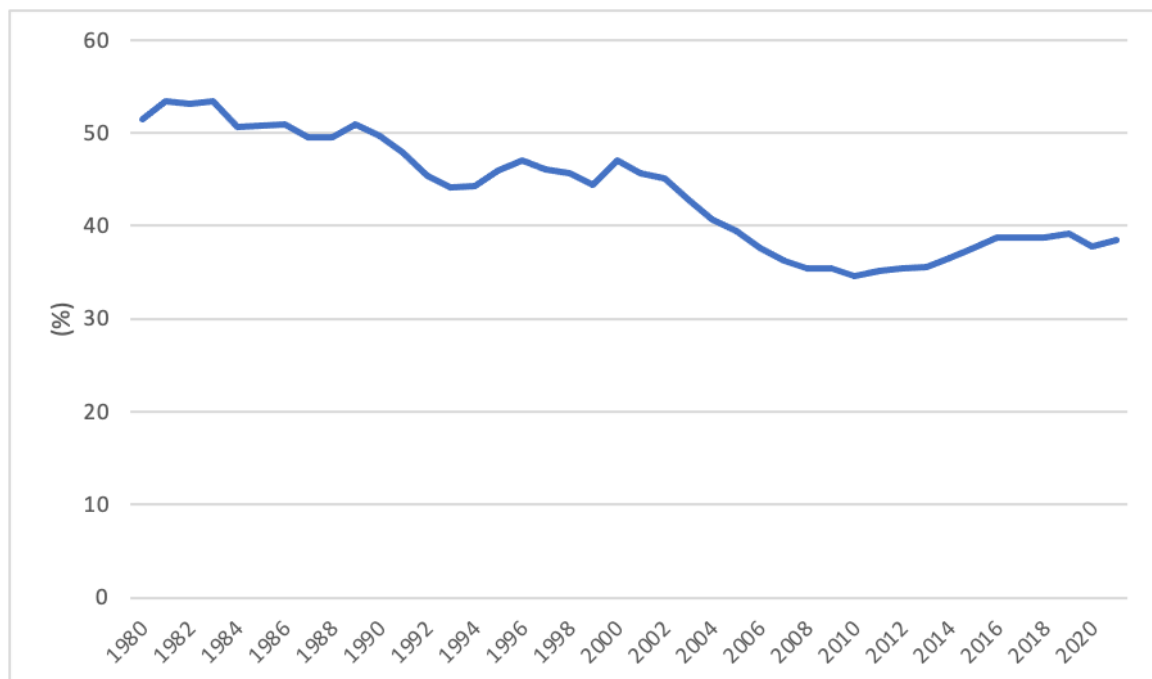

Рис. 3. Вклад конечного потребления домохозяйств в общий объем ВВП КНР в 1980–2021 гг. (в %)

Да, с 2010 г. по 2019 г. этот статистический показатель вырос с 34% до 39%, однако пандемия приостановила восходящий тренд. При этом объем сбережений домохозяйств в общем объеме располагаемых доходов снизился с 42% в 2010 г. до 35% в 2019 г., т.е. можно предположить, что среднестатистический китаец стал меньше бояться завтрашнего дня и тратил большую, чем ранее, часть своего дохода. Значительный вклад в это изменение привычки много сберегать внесло и государство, которое активно внедряло и расширяло охват населения социальными программами (пенсионное обеспечение, разнообразные социальные выплаты, медицинское обеспечение и др.). Например, по данным ВОЗ, объем личных средств, потраченных на медицинское обслуживание, в 2000 г. составлял в КНР 60,1%, а к 2020 г. снизился до 34,8%³⁵.

Однако после пандемии возникает ощущение, которое пока невозможно подтвердить статистическими данными, что что-то могло сломаться в потребительском поведении китайцев. Если теоретически поставить себя на место среднестатистического гражданина КНР, то можно предположить, что в среднем условия его или ее жизни улучшались не просто год от года, а квартал к кварталу на протяжении более 30 лет. А в 2020 г., с началом «коронакризиса» и дальнейшим обострением американо-китайского соперничества, оказалось, что существует и социально-экономический негатив. Например, рост безработицы среди молодежи. Или тот факт, что китайские власти, несмотря на «мудрость веков», «столетнее планирование» и «стратагемы», вполне могут

³⁵ WHO. Global Health Expenditure Database / https://apps.who.int/nha/database/country_profile/Index/en (дата обращения 10.06.2023).

предпринимать шаги, ведущие к усугублению социально-экономической ситуации (нехватка энергии в 2021 г., чрезмерное охлаждение рынка недвижимости, массовые акции протеста против изоляции, сокращение темпов прироста экспорта из-за изоляции и закрытия шанхайского порта).

Весьма вероятно, что свидетельством «слома» веры граждан КНР в светлое будущее является рост доли сбережений в общем объеме располагаемых доходов до 38,1% по итогам 2020 г. Правда, в качестве контраргумента можно предположить, что рост сбережений обусловлен не стремлением создать подушку безопасности («заначку на черный день»), а невозможностью потратить деньги, сэкономленные на фоне изоляции.

Вместе с тем, отчасти проблемы с желанием тратить подтверждается исследованием Народного банка Китая, проведенным в четвертом квартале 2022 г., согласно которому только 20% опрошенных планировали увеличить потребление, в то время как сбережения – 60%³⁶. В дополнение, 90% опрошенных заявили о стагнации или уменьшении своих доходов, а также об ухудшении предложений на рынке труда.

В итоге получается, что для успешной реализации модели экономического развития, основанной преимущественно на конечном потреблении домохозяйств («двойная циркуляция»), необходимо увеличивать доходы населения. А как это сделать на фоне снижения эффективности основных факторов китайского роста (увеличение стоимости труда, снижение отдачи от государственных инвестиций в основные фонды, снижение темпов прироста китайского экспорта, охлаждение рынка недвижимости) пока не совсем понятно.

В качестве новых стимулов роста Пекин рассматривает несколько вариантов. Во-первых, это модернизация экономики в целом, т.е. создание наукоемкой промышленности, производство более дорогих товаров и, в конечном, счете повышение эффективности труда. Отсюда и государственные программы декарбонизации, инвестиций в «новую» инфраструктуру (центры обработки данных, развитие сетей связи пятого и последующих поколений, умные дома, автомобили и т.д.), развития «зеленой» экономики, и др.

Поддержка среднего класса

По мнению Пекина, одним из важнейших стимулов будущего успешного экономического развития Китая по-прежнему является китайский средний класс. Главное статистическое управление Китая достаточно широко трактует критерии отнесения населения к этой категории: в 2022 г. это были семьи, состоящие из трех человек и зарабатывающие в совокупности от 100 тыс. до 500 тыс. юаней в год. На основании этого к среднему классу в Китае по состоянию на середину 2023 г. можно отнести примерно 400 млн чел. или около 140 млн домохозяйств.

По прогнозам китайских и международных экспертов в период с 2022 г. по 2030 г. численность китайского среднего класса может вырасти еще примерно на 80 млн чел. Это означает, что совокупная доля среднего и преуспевающего классов в общей численности населения КНР может составить примерно 40%.

Для реализации этого сценария Пекин прикладывает серьезные усилия и с разной степенью успешности реализует программы повышения благосостояния населения. На первом месте по значимости стоит идея Си Цзиньпина о формировании «общества всеобщего процветания». Основными механизмами реализации идеи Си являются создание системы более равного распределения благосостояния, уменьшение разницы в доходах и стимулирование конечного потребления домохозяйствами.

³⁶ 2022 nián dìsì jìdù chéngzhèn chūhù wènjǔǎn diàochá bàogào [Отчет о результатах анкетирования вкладчиков в городской местности в четвертом квартале 2022 года] / <http://www.pbc.gov.cn/diaochatongjisi/116219/116227/4747441/index.html> (дата обращения 10.07.2023).

Производной от этих механизмов выступает программа урбанизации. В соответствии с правительственными планами, к 2025 г. в городах должно проживать более 65% населения. Для этого Пекин активно развивает разнообразные городские агломерации. По состоянию на середину 2023 г., в Китае насчитывалось более 90 городов с населением свыше одного миллиона человек.

Особое внимание Пекина уделено развитию центральных городских кластеров. Это дельта р. Янцзы (провинции Цзянсу, Аньхой и Чжэцзян, а также г. Шанхай); район Большого залива (провинции Гуандун, Гонконг и Макао); регион Пекин–Тяньцзинь–провинция Хэбэй; а также Экономическое кольцо г. Чэнду – г. Чунцин.

Для успешной урбанизации власти реализуют программы строительства доступного жилья, включая создание рынка аренды, ориентированного на средний и низшие классы. Предполагается, что к 2025 г. будет построено 6,5 млн зданий, апартаменты в которых будут сдаваться в наем.

Исходя из этого, Пекин продолжает прикладывать усилия по реформированию системы регистрации в городах и проводить политику стимулирования расширения ипотечного кредитования.

Дополнительно китайские власти расширяют доступность образования (начальное, среднее и среднее специальное, высшее и концепция «непрерывного образования на протяжении всей жизни»). Действия Пекина по запрету дополнительных платных уроков и т.д. направлены на уравнивание возможностей детей из низшего и среднего классов, а также на снижение финансовой нагрузки на их родителей.

Несмотря на противоречивость и трудности при реализации отдельных программ, в целом властям удастся достигать определенных успехов. Например, согласно последним доступным данным ГСУ, доход на душу населения, полученный за счет зарплаты, по итогам 2022 г. составил 20,5 тыс. юаней (+5% по сравнению с 2021 г.), а средняя месячная зарплата трудового мигранта выросла на 4,1% и приблизилась к 4,6 тыс. юаней.

Соответственно, и потребительские привычки представителей китайского среднего класса становятся похожими на привычки коллег из других стран: до 2021 г. продажи легковых машин в Китае постоянно росли на протяжении последних 30 лет. В допандемийном 2020 г. общий объем продаж составил 20 млн машин – больше, чем в США, Германии и Японии, вместе взятых.

В 2019 г. китайцы совершили 155 млн туристических и деловых поездок за границу, потратив более 255 млрд долл.

Китайский средний класс начал есть больше мяса – ожидается, что по итогам 2023 г. прибыль китайской мясной отрасли достигнет почти 90 млрд долл., а продажи мяса будут прибавлять в среднем по 20% до 2030 г.

Общий тренд развития Китая на ближайшую перспективу состоит в попытках преодолеть, с разной степенью успешности, тенденции, которые могли бы привести к масштабному кризису. Стабилизация внутрипартийной и внутриполитической обстановки происходит на фоне усугубления международного положения КНР: противостояние с США обостряет научно-технологические вызовы китайской экономике, точкой напряженности остается Тайвань, китайские военные и инвестиционные проекты в странах Африки, в ЮВА и Южной Пацифике усиливают американское противодействие.

Экономика оказалась в ситуации балансирования между задачами поддержания приемлемых темпов роста и самостоятельного выживания без высокотехнологического сотрудничества с США.

Текущие показатели экономической динамики: неоднозначность тенденций как поле для различных интерпретаций

Статистические данные и событийный фон 2023 года подтверждают, что в области экономического развития главным потенциалом развития Китая остается государственная финансовая поддержка бизнеса и ресурсы частного мелкого и среднего предпринимательства, на который приходится сегодня 60% ВВП Китая, 70% инноваций и 80% занятых. Вместе с тем в этой области усиливаются дисбалансы финансирования. Частные фирмы жалуются на фактическое «отсутствие финансовой поддержки со стороны государства: все идет госсектору». Другая частая претензия состоит в том, что, по мнению китайских бизнесменов, само государство создает дополнительные проблемы бизнесу, «постоянно меняя правила выдачи кредитов».

Отчасти вследствие этого ухудшилась динамика частных инвестиций (на фоне впечатляющего роста государственных инвестиций), уменьшается доля частных предприятий в общем объеме капитализации крупнейших китайских компаний, чьи акции торгуются на китайских биржах. Последняя с пиковых значений 55% в июне 2021 г. сократилась до 39% в июле 2023 г., а соответствующий показатель для государственных компаний вырос до 60%³⁷.

Пытаясь исправить ситуацию, 19 июля 2023 г. ЦК КПК и Комитет по содействию экономическому развитию частного сектора опубликовали заявление, в котором даны указания по поддержке частных предпринимателей, в том числе: 1) устранять барьеры; 2) способствовать здоровой конкуренции; 3) улучшать доступ к финансированию; 4) улучшать обмен кредитной информацией; 5) совершенствовать систему реструктуризации долгов; 6) поддерживать программы привлечения и удержания талантов; 7) усилить защиту частной собственности, в т.ч. интеллектуальной, и т.д.³⁸

Позднее, 24 июля Госкомитет по развитию и реформе опубликовал постановление об очередном расширении доступа частного капитала в ранее частично закрытые для инвестиций отрасли китайской экономики – транспорт, чистая энергетика, водоснабжение, новая инфраструктура, высокотехнологичное сельское хозяйство и передовая промышленность³⁹.

Однако, по мнению ряда исследователей, эти инициативы имеют ограниченный эффект с точки зрения повышения уверенности в будущем частных предпринимателей и, соответственно, пока не привели к росту их инвестиций в основной капитал.

Уровень безработицы за первое полугодие 2023 г. снизился с 5,5% до 5,2%, однако, соответствующий показатель для молодежи (16–24 лет) за тот же период вырос с 17,3% до 21,3% за аналогичный период времени. И это также связывают с проблемами частного предпринимательства, которое, как отмечалось выше, обеспечивает большую часть занятости.

На необходимость трезвого отношения к вызовам, с которыми столкнулась и продолжает сталкиваться китайская экономика, и учета объективных реалий указывает, в частности, бывший председатель Народного банка Китая (ЦБ), а ныне заместитель председателя экономического комитета Народного политического консультативного совета

³⁷ Huang T., Véron N. China's state vs. private company tracker: Which sector dominates? / The Peterson Institute for International Economics (PIIE). July 27, 2023 / <https://www.piie.com/research/piie-charts/chinas-state-vs-private-company-tracker-which-sector-dominates> (дата обращения 06.08.2023).

³⁸ Zhōnggòng zhōngyāng guówùyuàn guānyú cùjìn mínyíng jīngjì fāzhǎn zhuàngdà de yìjiàn [Позиция Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Государственного совета о содействии экономическому развитию и росту частного сектора] / http://www.news.cn/politics/2023-07/19/c_1129758014.htm (дата обращения 18.07.2023).

³⁹ China's economic chiefs open new doors to private investors to bring sector back to life // South China Morning Post. 24.07.2023 / <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3228761/chinas-economic-chiefs-open-new-doors-private-investors-bring-sector-back-life> (дата обращения 25.07.2023).

Китая И Ган. В своей статье «Несколько характеристик текущей экономической деятельности», опубликованной в сентябре 2023 г., он отметил, что в настоящий момент китайская экономика все еще находится в стадии восстановления после негативного влияния пандемии, поэтому «мы должны запастись уверенностью и терпением»⁴⁰.

По мере восстановления бухгалтерских балансов хозяйствующих субъектов население постепенно будет увеличивать расходы на потребление, а следовательно, и генерировать доходы. В соответствии с мировым опытом в среднем требуется более года на восстановление потребления, а после снятия противопандемийных ограничений в Китае прошло только шесть месяцев, «хотя нельзя не отметить и замедление темпов восстановления со второго квартала». Говоря об особенностях текущей экономической ситуации в КНР, И Ган счел необходимым выделить следующие:

- сокращение темпов прироста потребления, увеличение сбережений, а также досрочное погашение физическими лицами ипотечных кредитов;
- противоречия в финансировании предприятий – вновь выданные кредиты идут, в основном, государственным компаниям, а также в научно-технологическую сферу, отчего уверенность в будущем частных малых и средних предприятий низка;
- трудности у провинциальных властей с выплатой долгов и процентов по ним из-за проблем на рынке недвижимости;
- снижение стоимости недвижимости, объема проданных площадей, инвестиций в недвижимость, а также сложности в финансировании застройщиков;
- сокращение внешнего спроса на китайские товары;
- риски роста уровня безработицы из-за расширения сфер применения искусственного интеллекта;
- дефляция, если она является признаком сужения потребления;
- мягкая денежно-кредитная политика, эффект которой еще не проявился;
- сильный доллар США, снижение стоимости юаня, хотя и с тенденцией к постепенному восстановлению.

По мнению этого авторитетного в КНР экономиста, в интересах стимулирования экономического роста китайские власти должны предпринять следующие шаги.

Во-первых, активнее развивать рынок аренды доступного и качественного жилья, в том числе и за счет предоставления субсидий на такую аренду.

Во-вторых, активизировать реформу процедуры регистрации граждан в городах, чтобы придать урбанизации дополнительный стимул за счет притока трудовых мигрантов из сельской местности и, следовательно, расширить потребительский спрос на городских территориях. Необходимо также гарантировать трудовым мигрантам медицинское и социальное обеспечение, а также открыть их семьям доступ к городским детским садам и школам. Дополнительно требуется улучшить мобильность трудовых мигрантов между сельской и городской местностями, разными городами, а также между западной и восточной частями КНР.

В-третьих, установить систему летних тарифов на электроэнергию, в соответствии с которой ее цена будет максимальной в момент пика потребления, с тем чтобы стимулировать повышение энергоэффективности китайской экономики и сохранять природные ресурсы.

Несмотря на осторожность взглядов широкого круга как китайских, так и иностранных экономистов относительно перспектив роста китайской экономики, ряд экспертов транслирует в своих оценках более оптимистические настроения.

⁴⁰ Текст статьи опубликован на информационном сайте Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). http://dzb.rmzxb.com/rmzxbPaper/pc/con/202309/19/content_49920.html (дата обращения 10.10.2023).

С одной стороны, позитивно настроенные аналитики соглашаются с тем, что китайская экономика действительно столкнулась с достаточно серьезными вызовами: снижающаяся производительность труда; сокращение численности рабочей силы; научно-технологические ограничения со стороны США; коррекция на рынке недвижимости; безработица среди молодежи; кажущееся усиление государственного контроля над экономикой и др. Все это, действительно, может указывать на невозможность возвращения Китая к росту экономики в среднем на 10% в год, что было характерно для периода 1980–2010 гг.

Однако, с другой стороны, имеется слишком мало признаков, которые указывали бы на начало средне- или долгосрочного цикла серьезного замедления китайской экономики. Например, сокращение темпов прироста конечного потребления домохозяйств, возможно, свидетельствует не о начавшемся сокращении потребления, а, скорее, о возвращении к нормальным фундаментально обоснованным показателям. Увеличение банковских депозитов в 2023 г. позитивно настроенными экспертами трактуется не как стремление китайских домохозяйств обладать легкодоступной ликвидностью взамен покупки товаров долгосрочного пользования, а тем, что в период пандемии они просто не могли потратить свои деньги. Темпы увеличения этого показателя в первой половине 2023 г. были примерно такими же, как и в соответствующем периоде 2022 г. и, скорее всего, поддерживались за счет резкого увеличения располагаемых доходов домохозяйств в первой половине 2023 г.

Положительный вклад в будущее расширение потребления, по мнению экспертов, вносит и увеличение средней зарплаты на душу населения на 6,8% по итогам первой половины 2023 г., а также увеличение на 6,5% получаемых в виде процентов и прочих доходов от собственности после уплаты налогов на душу населения.

По мнению некоторых экспертов-оптимистов, дефляция, симптомы которой стали отмечаться в 2023 г., в ряде случаев может быть признаком кризисных явлений: домохозяйства откладывают покупки, ожидая, что товары завтра станут еще дешевле, и тем самым еще больше сокращают потребление и экономический рост соответственно. Однако сейчас этот тезис неприменим к Китаю, где говорить об устойчивой дефляции на основе данных за короткий период времени было бы неправильно.

Относительно малых объемов инвестиций, особенно частных, в основные фонды позитивно настроенные аналитики указывают на то обстоятельство, что во время пандемии китайские власти, в отличие, например, от США, не поддерживали домохозяйства путем предоставления им прямых выплат, а за счет снижения налогов и некоторых других видов платежей стимулировали компании сохранять занятость и не останавливать производство даже в условиях снижения спроса. Соответственно запасы промышленных предприятий в конце первого полугодия 2023 г. достигли исторически максимальных значений, а значит и необходимость инвестиций для расширения объемов производства пока отсутствует.

Как видится экспертам, основными причинами некоторого снижения объема частных инвестиций в первом полугодии 2023 г. стали коррекция на рынке недвижимости и усиление госрегулирования китайских интернет-гигантов. Более того, несмотря на все вызовы, стоящие перед китайской экономикой, частные инвестиции до сих пор составляют более половины от общего объема инвестиций, а утверждение о предположительной утрате доверия государству со стороны предпринимателей представляется им необоснованным.

Отмечается, что усиление госрегулирования «интернет-платформ», которые как правило, являются частными компаниями, в понимании китайского руководства направлено на снижение вероятности финансового кризиса, и началось оно еще в 2020 г. Это привело к сокращению их доходов и, соответственно, к снижению объема инвестиций в основные фонды и найма персонала. Однако в июле 2023 г. китайские регуляторы и власти заявили, что «финансовые проблемы, в целом, устранены». Весьма вероятно, что в ближайшем будущем прибыльность интернет-платформ вновь вырастет. Конечно, она будет меньше, чем в период государственного невмешательства, но выше последних трех

«ограничительных» лет. В свою очередь, следует ожидать и роста их инвестиций в основные фонды.

Что же касается высокого уровня безработицы среди молодежи, то он может быть вызван, скорее, аномальными темпами прироста численности выпускников – на 1,5 млн человек в 2022 г. и еще почти на 1 млн чел. по итогам 2023 г. (при том, что в период с 2016 по 2021 гг. нормальный показатель прироста составлял примерно 280 тыс. чел. в год). С началом пандемии выпускники разного уровня предпочли не искать работу, а продолжить свое образование и отложить выход на рынок труда, что и привело к статистическому всплеску, который сойдет на нет в последующие периоды.

А вот в сфере недвижимости ожидать возобновления быстрого роста инвестиций не следует. Даже эксперты-оптимисты отмечают, что государственная политика «охлаждения» этого сектора экономики для борьбы с экстремально высокой долговой нагрузкой на строительные компании еще не завершена – по итогам 2022 г. инвестиции в недвижимость сократились на 10%, а в первые шесть месяцев 2023 г. еще на дополнительные 8%. Застройщики в настоящий момент заняты сокращением доли заемных средств, а поскольку большая часть из них – частные компании, то и ожидать увеличения вклада строительного сектора в рост общего объема частных инвестиций преждевременно.

В целом, эксперты-оптимисты отмечают, что актуальную китайскую экономическую статистику можно трактовать в позитивном ключе и, следовательно, можно говорить о начале, пусть медленного и неустойчивого, но восстановительного цикла вопреки предсказываемому падению экономики КНР.

В заключение можно сказать, что в начале 2023 г. Китай не стал ближе к масштабному кризису по сравнению с концом 2022 г., но продолжает оставаться в «зоне риска».

Глава 4. Китай – США: формирование конфронтационной модели как основы «новой нормальности» двусторонних отношений

Одним из весомых компонентов, определяющих китайскую «новую нормальность» (замедление экономического роста), является обострение стратегического соперничества между США и КНР и, соответственно, американо-китайская торгово-экономическая война, а также ее частные проявления в виде американских санкций, наложенных на Китай.

Предпосылки для инициирования Вашингтоном полномасштабной политики сдерживания в отношении Пекина складывались по мере наращивания Китаем экономической, технологической и отчасти военной мощи. Выраженный антикитайский вектор внешней политики США, заданный администрацией президента Д. Трампа, с тех пор прочно укоренился в Соединенных Штатах.

В целом политика конфронтации, давления и сдерживания Китая, проводимая Вашингтоном в последние годы, включала несколько аспектов:

- активная поставка вооружений и наращивание военного сотрудничества с Тайванем;
- санкции в отношении физических лиц и организаций, связанных с «нелегальной деятельностью» (строительством насыпных островов) в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях;
- давление на Пекин в связи с акциями протеста в Гонконге;
- повышение импортных пошлин в рамках торговой войны;
- рестрикции в отношении отдельных компаний и организаций как инструмент технологического сдерживания⁴¹.

В условиях формирования «новой нормальности» китайско-американских отношений главные опасения китайского руководства связаны с сохраняющейся зависимостью Китая от западных технологий, которая по-прежнему остается достаточно критичной по отдельным научно-технологическим направлениям: производство микросхем, ВПК, искусственный интеллект, материаловедение, авиастроение, частично программное обеспечение (ПО). Именно на этих направлениях Пекин усиливает курс на достижение технологической самодостаточности.

У Китая сохраняется запас экономической прочности по фактору экспорта в США – даже возможный очередной виток обострения двусторонних противоречий не приведет к «жесткой посадке» китайской экономики: вклад экспорта в США в ВВП КНР составляет примерно 4%, импорта из США – около 1%. Для сравнения, вклад внутреннего потребления – более 60%.

По мнению ряда аналитиков, зависимость Китая от экспорта в США переоценена в силу методологических недочетов: в расчет показателя, составляющего 4%, включены как товары иностранных компаний (в т.ч. и американских), расположенных в Китае, так и самих китайских. Если учитывать только национальные компании, «чистый» китайский экспорт в США будет равен 2% ВВП КНР. Далее, если вычесть китайские товары, в отношении которых были введены повышенные пошлины, то оставшиеся составят всего около 1% ВВП.

Вместе с тем Китай по-прежнему уязвим по фактору иностранных компаний в плане их вероятного ухода с китайского рынка в случае введения США дополнительных рестрикций. В 2015 г. количество иностранных компаний в китайской экономике составляло

⁴¹ Евсеев В.В. Торговая и технологическая война США и Китая // Геоэкономика энергетики. 2019. Т. 7, № 3. С. 110-130.

примерно 480 тыс., они обеспечивали занятость около 14 млн чел., 40% китайского экспорта, 87% продукции китайской электронной промышленности и 59% машиностроения.

Один из потенциально сильных ходов американской стороны – это угроза закрытия части этих компаний. По данным опроса Американской торговой палаты, 31% респондентов ответили, что рассматривают возможность отложить или отменить сделки на китайском рынке, 18% могут вывести из страны производство или отдельные его этапы из Китая, 3% допускают полный уход с китайского рынка.

Согласно опросу Американско-китайского делового совета, 97% опрошенных компаний заявили, что китайский рынок остается для них прибыльным, 87% – что не планируют переносить производства в другие страны⁴².

Большая часть иностранных компаний, открывших производство в Китае, уже изменила стратегию и ориентируется в первую очередь на растущий внутренний рынок КНР, а не на экспорт. Они не заинтересованы в переносе производства в другие страны. Например, американская Caterpillar, у которой в Китае работают более 30 заводов, большую часть продукции продает именно на китайском рынке. В случае переноса производства в США ее продукция станет неконкурентоспособной из-за увеличения себестоимости производства и расходов на транспортировку готовой продукции в Китай.

К тому же стоимость переноса производства очень высока. Иностранные компании уже интегрированы в производственные цепочки, которые базируются в т.ч. и на работе китайских инженеров. В то время как, например, Вьетнам, который иногда рассматривают в качестве потенциального преемника Китая в роли новой мировой фабрики, испытывает перманентный дефицит квалифицированных кадров.

Далее, Китай, согласно данным Всемирного экономического форума, занимает 21-е место в мире по уровню развития транспортной инфраструктуры – это сравнимо с Австралией, Данией или Швецией. Вьетнам по этому показателю занимает только 137-е место – сравнимо с Кенией, Бразилией и т.п. Более того, по консервативной оценке Мирового Банка, для развития инфраструктуры Вьетнаму требуется около 25 млрд долл. ежегодных инвестиций⁴³.

Еще один пример: Apple заключила в 2018 г. соглашение с тайваньской Foxconn на производство 220 млн телефонов. Основное производство расположено в Китае. Если Foxconn будет переносить производство на Тайвань или в США, ей придется искать сотни тысяч рабочих, десятки тысяч инженеров и выстраивать новую схему работы с более 1,5 тыс. поставщиков разных компонентов.

Текущие подходы Вашингтона к Пекину на политико-дипломатическом треке

По оценке разведсообщества США, развитие КНР на сегодняшний день представляет наибольшую угрозу для Вашингтона. В частности, директор национальной разведки США Аврил Хейнс заявила об этом на слушаниях в Конгрессе: «Китай, бросающий США все больший вызов в экономическом, технологическом, политическом и военном плане по всему миру, остается нашим главным приоритетом»⁴⁴.

С начала 2023 г. официальные лица в Вашингтоне неоднократно заявляли, что Китай якобы рассматривает возможность поставок вооружений России, что Пекин, естественно,

⁴² USCBC 2019 Member Survey / <https://www.uschina.org/reports/uscbc-2019-member-survey>

⁴³ Sourcing in Vietnam: a Good Alternative to China? // Insight Quality Services. September 25, 2019 / <https://insight-quality.com/sourcing-in-vietnam-a-good-alternative-to-china/>

⁴⁴ Intelligence chiefs pinpoint China as U.S.'s “unparalleled” // NBC News. March 9, 2023 / <https://www.nbcnews.com/nightly-news/video/intelligence-chiefs-pinpoint-china-as-u-s-s-unparalleled-priority-164743237854>

отрицает. Президент Д. Байден и госсекретарь Э. Блинкен на встречах со своими китайскими визави недвусмысленно предостерегали Пекин от подобного шага.

США информируют своих ближайших союзников, проводя неформальную разъяснительную работу на межведомственном и дипломатическом уровне, о возможности введения новых санкций в отношении Китая, если Пекин все же окажет военную помощь России. Проводятся консультации, в первую очередь с государствами «Большой семерки», с целью заручиться их поддержкой⁴⁵.

Отдельное направление усилий США – это Европа, которую они активно пытаются вовлечь в свою антикитайскую повестку. С одной стороны, Вашингтон предоставляет союзникам в ЕС свои разведанные, свидетельствующие о росте китайской угрозы, в частности, о якобы возможном оказании военной помощи России. С другой – официальные лица США обещают урегулировать торговые споры с ЕС, а также предоставить европейским компаниям налоговые преференции в рамках закона о климате, принятом в 2022 г.

В целом страны ЕС далеки от единства в своей реакции на предложение присоединиться к антикитайским санкциям, поскольку многие из них не намерены уходить с прибыльного китайского рынка, в частности Германия, имеющая с Китаем давние и прочные торговые связи. Таким образом, между США и Европой сохраняются существенные разногласия относительно того, как противостоять растущей экономической и военной мощи Китая⁴⁶.

Санкции США в отношении китайских телекоммуникационных компаний

В августе 2018 г. президент Д. Трамп подписал указ о запрете правительственным ведомствам США использовать оборудование, произведенное китайскими компаниями Huawei и ZTE. В мае 2019 г. Минторг США внес Huawei и 70 аффилированных с ней структур в свой специальный перечень («черный список»), что значительно ограничило возможности компании закупать высокотехнологичное оборудование в США⁴⁷.

В августе 2020 г. введен полный запрет на продажу чипов Huawei, а также их собственное производство компанией с использованием оборудования, компонентов и технологий американского происхождения. Таким образом, под запрет попали архитектура британской компании ARM (используемая для производства чипов HiSilicon от Huawei), а также ПО американских компаний Cadence и Synopsys, необходимое для разработки и производства чипов.

Под давлением санкций Huawei фактически ушла с глобального рынка смартфонов, а ее доля на домашнем рынке сократилась до 6%. В этих условиях компания активно диверсифицирует направления бизнеса, в частности активно инвестирует в разработку технологий автономного вождения, компонентов управления и элементной базы для электромобилей. Решения Huawei уже реализованы в электрокарах от автопроизводителей BAIC Group и SERES⁴⁸.

В стремлении сохранить смартфонный бизнес Huawei организовала производство своих смартфонов под брендом китайской компании TD Tech, производящей

⁴⁵ Hunnicutt T., Martina M. US seeks allies' backing for possible China sanctions over Ukraine war. // Reuters, 01.03.2023 / <https://www.reuters.com/world/us-seeks-allies-backing-possible-china-sanctions-over-ukraine-war-sources-2023-03-01/>

⁴⁶ The U.S. wants Europe to stand up to China. Europe says: Not so fast // Politico, 03.08.2023 / <https://www.politico.com/news/2023/03/08/us-europe-china-00086204>

⁴⁷ Включение компании в данный перечень влечет запрет для американских компаний поставлять ей товары, услуги и технологии без специальной лицензии Минторга.

⁴⁸ Huawei инвестирует \$1 млрд в создание электромобилей и технологий автономного вождения // Mobilr Review. 15.04.2023 / <https://mobile-review.com/news/huawei-investiruet-1-mlrd-v-sozdanie-technologij-avtonomnogo-vozhdeniya-i-elektromobilej>

телекоммуникационное оборудование. На практике же TD Tech закупает оборудование у Huawei и маркирует его своим именем.

TD Tech является 100%-й дочерней компанией TD Tech Holding, которая, в свою очередь, была совместно учреждена Huawei (с долей 49% акций) и Nokia Siemens Networks (51% акций) в сентябре 2003 г.

В ноябре 2020 г. Huawei продала свой бюджетный смартфонный сегмент Honor консорциуму, возглавляемому крупной государственной компанией. Было заявлено, что Huawei не будет владеть акциями и участвовать в управлении новой компанией, получившей название Shenzhen Zhixin Information Technology. Однако в совете директоров и высшем руководстве оказалось множество бывших топ-менеджеров Huawei. Также перед продажей в Honor были переведены более 6 тыс. сотрудников из основного смартфонного подразделения Huawei.

Важным направлением противодействия американским санкциям является активизация Huawei на европейском направлении и продолжение сотрудничества с европейскими властями в сфере внедрения новых технологий. В частности, компания поддержала решение Еврокомиссии о запуске сервисов 5G в 138 европейских городах.

В феврале 2020 г. Huawei объявила о планах по открытию в Европе нескольких производственных центров с целью обеспечения ЕС системами мобильной связи пятого поколения. В частности, речь идет о строительстве во Франции завода по производству оборудования для сетей 4G и 5G с ежегодным объемом выпуска 1 млрд евро.

Политика и действия США в Европе, направленные на выдавливание китайских высокотехнологичных компаний, аналогичны тем, что они проводят в отношении своих конкурентов по всему миру, включая Россию с ее газовым проектом «Северный поток-2» или планами по освоению Северного морского пути (СМП).

При этом главным аргументом и здесь, и там традиционно является повторяющийся тезис об угрозах, которые якобы несут именно те проекты и области сотрудничества, к которым проявляют интерес и в которых могли бы с выгодой для себя принять участие американские компании. И если «Северный поток-2» угрожает энергетической независимости стран Европы, то китайские телекоммуникационное оборудование и технологии угрожают их кибербезопасности. Именно поэтому США настоятельно рекомендуют и даже в жесткой форме требуют от Европы отказаться от сотрудничества с ZTE и Huawei и переориентироваться на «надежных» партнеров, к числу которых относят прежде всего американские компании.

На фоне ограничений со стороны США китайские компании активизировали разработки собственного импортозамещающего ПО. В частности, китайской компанией Brocade разработана ERP-система Yigo-ERP на базе собственного уникального кода. Она была успешно протестирована на предприятиях центрального подчинения и в перспективе сможет заменить на китайском рынке ведущие иностранные продукты (SAP, Oracle и др.). До сих пор у Китая нет собственных ERP-продуктов для крупных предприятий.

Компания Yihui Information разработала крупномасштабную операционную систему реального времени SylixOS. Уровень автономности ядра системы составляет 100%. В настоящее время она проходит сертификацию в Германии, а в перспективе может стать альтернативой ведущей ОС реального времени VxWorks американской компании Wind River Systems.

Операционная система HarmonyOS, разработанная компанией Huawei на базе Android и впервые представленная в 2020 г., по оценкам экспертов, сможет массово использоваться на китайских устройствах в случае введения США жестких ограничений на использование

ОС Android и Windows. Однако Huawei до сих пор может использовать продукты Google и Microsoft⁴⁹.

Американские санкции против полупроводниковой отрасли КНР

В ближайшие годы Китай планирует резко ускорить разработку и производство собственных микросхем. В 2020–2025 гг. в полупроводниковую отрасль будет направлено 1,4 трлн долл.⁵⁰ При этом в процессе импортозамещения полупроводниковой продукции уже наблюдаются отдельные успехи.

Например, компания Loongson Technology (учредители – Институт компьютерных технологий Китая, Академия наук КНР и Jiangsu Zhongy Group), ранее использовавшая существующую архитектуру MIPS для производства собственных чипов, практически с нуля разработала собственную архитектуру, получившую название Loongson Architecture, или LoongArch. На ее основе в 2021 г. компания создала и представила 4-ядерный процессор, выполненный по 12-нм техпроцессу с частотой работы 2,3–2,5 ГГц. На базе нового процессора также был разработан ноутбук.

Компания Zhaoxin Semiconductor (объединенное предприятие Via Technologies и китайского правительства) выпустила 8-ядерный процессор собственной разработки с частотой работы около 2,7 ГГц, выполненный по 16-нм технологии⁵¹.

Крупнейшим институциональным инвестором в полупроводниковую отрасль является Шанхайский фонд интегральных микросхем (создан в сентябре 2014 г. после обнародования Госсоветом КНР Плана по развитию национального производства интегральных микросхем), который был совместно учрежден Шанхайским городским фондом венчурного капитала и частным фондом Summit View Capital⁵².

Первоначальный капитал Фонда составил более 20 млрд долл., дополнительный – 28 млрд долл. Основными инвесторами выступили Министерство финансов КНР (36%) и несколько крупных госкорпораций. Фонд инвестирует в китайские частные компании в сфере полупроводников, а также в другие территориальные фонды, например, в Пекинский фонд интегральных микросхем. Главная задача Фонда – выращивание национальных чемпионов в полупроводниковой отрасли.

Одной из крупнейших сделок, профинансированных Фондом, стала покупка в 2015 г. китайской компанией Jiangsu Changjiang Electronics Technology (дочерняя компания SMIC) сингапурской STATS ChipPAC (4-й в мире компании по сборке и тестированию чипов) за 780 млн долл.

Очередной чувствительный удар по полупроводниковой промышленности Китая был нанесен Вашингтоном в октябре 2022 г., когда Бюро по вопросам промышленности и безопасности Минторга США запретило американским производителям на общих основаниях поставлять чипы китайским компаниям и организациям, в первую очередь микросхемы, применяемые для вычислений с использованием искусственного интеллекта и для производства суперкомпьютеров.

⁴⁹ Huawei confirms it has built its own operating system just in case US tensions disrupt use of Google's Android // The South China Morning Post. 14 March, 2019 / <https://www.scmp.com/tech/big-tech/article/3001685/huawei-confirms-it-has-built-its-own-operating-system-just-case-us>

⁵⁰ China to Plan Sweeping Support for Chip Sector to Counter Trump // Bloomberg. 20.03.2020 / <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-09-03/china-is-said-to-plan-broad-chip-sector-support-to-counter-trump>

⁵¹ Успешное импортозамещение по-китайски: собственная процессорная архитектура и 12-нм чип для серверов и ноутбуков / <https://habr.com/ru/company/selectel/blog/569112/>

⁵² Tianlei Huang. Government-Guided Funds in China: Financing Vehicles for State Industrial Policy // The Peterson Institute for International Economics. June 17, 2019 / <https://piie.com/blogs/china-economic-watch/government-guided-funds-china-financing-vehicles-state-industrial-policy>

На этих же условиях ограничивается сотрудничество граждан США с китайскими производителями чипов. Исключение составляют обладатели специальной экспортной лицензии Минторга, в отношении выдачи которой, однако, действует презумпция отказа. Санкция имеет экстерриториальный характер, т.е. компаниям по всему миру под угрозой вторичных санкций США запрещено поставлять микросхемы в Китай, в случае если они произведены с использованием американского оборудования, технологий или ПО⁵³.

Аналогичный запрет введен и в отношении поставок оборудования для производства чипов (лидерство в этой отрасли принадлежит компаниям из США, Нидерландов, Японии). В первую очередь мера затронет китайские компании, использующие оборудование США и технологии ИИ в сфере автономного транспорта, логистики, разработки лекарств и моделирования изменений климата.

С целью компенсации выпадающих доходов американских компаний в США был принят закон о мерах поддержки национальных производителей полупроводников в объеме 52 млрд долл.

В комментариях официальных лиц в Вашингтоне в качестве обоснования столь жесткого шага приводится стремление сдержать развитие ВПК Китая. Однако в действительности речь, вероятно, идет о задействовании мощного и эффективного инструмента технологического сдерживания отрасли в целом. По оценке экспертов, опрошенных британской *BBC*, это самые масштабные антикитайские санкции начиная с 1990-х годов.

В течение 2022 г. Минторг США разослал письма крупнейшим американским компаниям-производителям микрочипов, включая KLA, Lam Research, Applied Materials, Nvidia и Advanced Micro Devices, с указанием до получения специальной лицензии приостановить поставки оборудования для производства микросхем на китайские заводы, производящие чипы с техпроцессом выше 14 нм.

На этом фоне в сентябре 2022 г. городские власти Шанхая заявили, что на местном заводе корпорации SMIC налажено первое в Китае массовое производство чипов по техпроцессу 14 нм без использования иностранных технологий. Несмотря на то, что микросхемы этого поколения появились на мировом рынке еще в 2013 г., их автономное производство позволит КНР существенно продвинуться на пути к достижению технологической независимости полупроводниковой отрасли. Следующая планка – 7-нм чипы, разработки которых идут со значительным опережением графика.

В настоящее время США активно прорабатывают очередную ограничительную меру. По сообщениям представителей отрасли, она будет заключаться в запрете на поставки в Китай оборудования и технологий для производства микросхем с техпроцессом выше 40 нм. Ведутся консультации с Японией и Нидерландами, в результате которых Вашингтон рассчитывает на их присоединение к эмбарго. Вместе с тем нидерландская корпорация ASML – крупнейший поставщик сканеров для литографии микросхем – уже с 2019 г. по настоянию США существенно ограничивает номенклатуру и объем продаж своей продукции в Китай⁵⁴.

По оценкам экспертов, в случае принятия этого решения китайская полупроводниковая промышленность будет отброшена, как минимум, на 10 лет назад, поскольку фактически для нее останется доступным производство чипов не современнее 48 нм, которые вышли на рынок еще в 2006 г. Причем собственное китайское оборудование на сегодняшний день обеспечивает техпроцесс не выше 90 нм (технология начала 2000-х годов). На сегодняшний день уже в результате ранее принятых ограничений в Китай не

⁵³ China's chip industry set for deep pain from US export controls // The Financial Times 09.10.2023 / <https://www.ft.com/content/e950f58c-0d8f-4121-b4f2-ece71d2cb267>

⁵⁴ Shilov, A. New US Sanctions Against China's Chip Sector May Set it Back by a Decade // Tom's Hardware. May 09, 2023 / <https://www.tomshardware.com/news/new-us-sanctions-against-china-chip-sector-may-set-it-back-by-decade>

поставляются 20 наименований современного оборудования из США и Нидерландов. Однако до сих пор свободно осуществляются поставки сопоставимого оборудования из Японии⁵⁵.

Ограничения в отношении китайских компаний на рынке ценных бумаг США

В конце 2020 г. в США был принят Закон о холдинговой отчетности иностранных компаний (HFCAA), в соответствии с которым в случае непредоставления публичными иностранными компаниями аудиторских отчетов Совету по надзору за бухгалтерским учетом публичных компаний – PCAOB (подразделение Комиссии по ценным бумагам и биржам США – SEC) в течение трех лет подряд их акции, котирующиеся на биржах США, будут подвергнуты делистингу.

В июне 2021 г. был принят Закон об ускорении подотчетности иностранных компаний, который, в сущности, является поправкой к Закону HFCAA и сокращает предельный срок предоставления аудиторских отчетов с трех до двух лет⁵⁶.

В результате регулятивного давления США рыночная капитализация китайских компаний, котирующихся на американских биржах, сократилась на 600 млрд долл. (с максимума в 2 трлн долл.), поскольку все больше китайских эмитентов покидают фондовый рынок США.

Положения закона HFCAA заметно увеличили расходы китайских компаний на обслуживание листинга в США. Для небольших (с капитализацией 1–3 млрд долл.) компаний это обстоятельство служит дополнительным аргументом в пользу добровольного ухода с американских бирж.

В попытке повысить уровень своей конкурентоспособности Гонконгская фондовая биржа упростила требования для получения вторичного листинга, а также разрешила технологическим и биотехнологическим компаниям подразделять акции на различные классы в американском стиле. Ранее требовалось, чтобы в структуре капитала компании любой отдельно взятый объем голосующих прав был эквивалентен доле акционерного участия. Кроме того, ожидается, что Пекин позволит китайским розничным инвесторам свободно покупать акции компаний, перешедших из Нью-Йорка в Гонконг.

12 августа 2022 г. пять крупнейших китайских госкорпораций – нефтяные и нефтехимические PetroChina, China Petroleum & Chemical, Sinopec Shanghai Petrochemical, страховая China Life Insurance и металлургическая Aluminum Corp. of China заявили о намерении добровольно исключить свои акции из оборота Нью-Йоркской фондовой биржи (NYSE)⁵⁷.

Несмотря на то, что, по существу, причиной делистинга стали неразрешенные американо-китайские противоречия по вопросу раскрытия отчетности, хронологически данное решение приурочено к резонансному визиту спикера Палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси на Тайвань. В своем комментарии Комитет по регулированию рынка ценных бумаг КНР (КРЦБ) отметил, что указанные компании неукоснительно соблюдали все регулятивные требования США, а решение о делистинге было принято ими исходя из деловых соображений.

⁵⁵ Chip equipment ban against China to disrupt SMIC sub-40nm process development // Digitimes Asia. March 14, 2023 / <https://www.digitimes.com/news/a20230313PD217.html>

⁵⁶ Why ‘Delisting’ Is a Worry in China-U.S. Market Mess // Bloomberg. 27.07.2021 / <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-07-27/why-delisting-is-a-worry-in-china-u-s-market-mess-quicktake>

⁵⁷ China State-Owned Giants to Delist From US Amid Audit Spat // Bloomberg. 12.08.2022 / <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-08-12/china-state-owned-giants-plan-to-delist-from-us-amid-audit-spat>

Ранее, в мае, китайская компания DiDi, владелец одного из крупнейших в мире сервисов по заказу такси DiDi Chuxing, приняла решение о делистинге с NYSE после продолжительного давления со стороны американских регулирующих органов.

После ухода указанных компаний на фондовом рынке США будут котироваться акции только трех китайских госкорпораций национального уровня – авиакомпаний China Southern Airlines и China Eastern Airlines, а также энергокомпании Huaneng Power International⁵⁸.

По данным SEC, в настоящее время около 300 китайских компаний с совокупной капитализацией примерно 2,5 трлн долл. находятся под угрозой делистинга с американских бирж в соответствии с законом HFCAA, из них 150 эмитентам исключение из котировальных списков может грозить уже в 2023 г.

В целях сохранения американского листинга крупнейших высокотехнологичных компаний Пекин рассматривает возможность предоставления надзорным органам США рабочих аудиторских документов китайских корпораций, не подпадающих под действие Закона КНР о защите персональных данных⁵⁹.

Санкции США в отношении военно-промышленных компаний Китая

В январе 2021 г. одним из последних указов администрации президента Д. Трампа был введен запрет для организаций и граждан США инвестировать в публично торгуемые ценные бумаги китайских компаний, ведущих разработки в интересах ВПК Китая, а также производителей систем безопасности⁶⁰. Американские держатели таких ценных бумаг должны избавиться от них в течение одного года. Под запрет подпадают китайские компании, внесенные в перечень («черный список») Минфина США, который в настоящее время включает 59 наименований⁶¹.

Вместе с тем разрозненность американского законодательства, обтекаемость формулировок создают определенные лазейки для включенных в перечень китайских компаний.

Во-первых, существует возможность оспаривания решения в американском суде, если статус истца не отвечает всем критериям военно-промышленной компании, приведенным в указе, а также если Пентагон не предоставил убедительных доводов для ее включения в перечень.

В ряде случаев названия компаний в перечне не совпадают с наименованиями подразумеваемых эмитентов (например, в случае материнских и дочерних компаний), что также является весомым аргументом для оспаривания решения.

Показателен пример компании Xiaomi, выигравшей дело в суде округа Колумбия. В мае 2021 г. суд признал недействительным решение Пентагона о внесении компании в список китайских военных предприятий, в результате чего американские инвесторы вновь получили право на общих основаниях покупать акции и облигации Xiaomi.

Во-вторых, в соответствии с последними инструкциями Бюро по контролю за иностранными активами Минфина США (OFAC) американские инвесторы могут владеть ценными бумагами санкционных компаний по истечении одного года в случае отсутствия

⁵⁸ Китайские госкомпании уходят с фондового рынка США // Ведомости. 14.08.2022 / <https://www.vedomosti.ru/investments/articles/2022/08/14/935947-kitaiskie-goskompanii-uhodyat-s-fondovogo-rynka>

⁵⁹ Chinese regulators ask some U.S.-listed firms to prepare for audit disclosures – sources // Reuters. March 23, 2022 / <https://www.reuters.com/business/exclusive-chinese-regulators-ask-some-us-listed-firms-prepare-audit-disclosures-2022-03-23/>

⁶⁰ <https://media.defense.gov/2021/Jan/14/2002565154/-1/-1/0/dod-releases-list-of-additional-companies-in-accordance-with-section-1237-of-fy99-ndaa.pdf>

⁶¹ Office of Foreign Assets Control. Non-SDN Chinese Military-Industrial Complex Companies List / <https://www.treasury.gov/ofac/downloads/ccmc/nscmiclist.pdf>

намерения продать их или купить дополнительное количество без разрешения OFAC. Примечательно, что ввиду расплывчатости определения запрещенных для инвестиций ценных бумаг под запрет фактически не попадают производные финансовые инструменты, не торгуемые публично.

В-третьих, определенные «серые зоны» указанного законодательства также вытекают из разрешения гражданам США осуществлять сделки с ценными бумагами санкционных компаний в интересах иностранных организаций и граждан. В частности, в отведенный годовой период американские биржи и другие участники рынка по поручению санкционной компании могут осуществить конверсию депозитарных расписок ADR в базовые ценные бумаги, зарегистрированные на иностранной бирже⁶².

В феврале 2023 г. пять китайских компаний и один исследовательский институт были включены в специальный перечень Минторга США в связи с предполагаемым содействием в модернизации Народно-освободительной армии Китая (НОАК), и прежде всего ее аэрокосмических программ, включая дирижабли и аэростаты⁶³.

Ограничения были введены в том числе в отношении компании Beijing Nanjiang Aerospace Technology и 48-го исследовательского института China Electronics Technology Group Corporation.

Рестрикции последовали вслед за обнаружением двух аэростатов над территорией США. Один из них принадлежал Китаю, происхождение второго не было установлено. По мнению Пентагона, китайский аэростат наблюдал за американскими стратегическими объектами. Пекин же утверждает, что устройство предназначалось для метеорологических наблюдений и случайно вошло в воздушное пространство США.

Согласно опубликованному Минфином США перечню, санкции также вводятся в отношении китайской компании China Aerospace Technology Company. В пояснении ведомства отмечается, что компания базируется в Пекине, предположительно связана с российским предпринимателем Е. Пригожиным и предоставляет спутниковые снимки Украины структурам, связанным с ЧВК «Вагнер». Санкции также затронули гонконгскую компанию King-Pai Technology НК, подозреваемую в поставках оборудования предприятиям российского оборонного комплекса.

В марте 2023 г. Минторг США включил в свой перечень еще 28 китайских компаний. Обоснованием решения стали поставки указанными компаниями в третьи страны комплектующих двойного назначения, которые могут быть использованы для производства ракет и ядерного оружия.

По мнению экспертов, эта мера лежит в русле политики администрации Д. Байдена по противодействию модернизации НОАК, а также возможным утечкам технологий в Россию⁶⁴.

Также в марте 2023 г. OFAC заявило о введении санкций в отношении пяти китайских компаний, ответственных за продажу и доставку в Иран нескольких тысяч компонентов двойного назначения, которые могут быть использованы в иранской программе создания беспилотных летательных аппаратов (БПЛА).

⁶² Issuance of Communist Chinese Military Companies General License 1A and Related Frequently Asked Questions / <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20210127>

⁶³ U.S. adds six Chinese entities tied to balloon program to export blacklist // Reuters. February 11, 2023 / <https://www.reuters.com/world/us/us-add-chinese-entities-tied-balloon-program-export-blacklist-source-2023-02-10/>

⁶⁴ US adds two dozen Chinese groups to trade blacklist // The Financial Times / <https://www.ft.com/content/cb5f9c59-b20f-447a-b288-a518e69948b7>

Глава 5. Китайская стратегия в отношении экономической интеграции в Восточной Азии

Общие подходы КНР к интеграционным процессам в регионе

«Новая нормальность» в американо-китайских отношениях – торгово-экономическая и уже технологическая война – заставляет Пекин активнее расширять свою интеграцию в мировую экономику, в т.ч. по азиатско-тихоокеанскому вектору в целом, и в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии в частности.

В последние два десятилетия Китай начал уделять пристальное внимание экономическим интеграционным процессам в Восточной Азии. Китайские подходы к ним постепенно менялись от осторожно-скептических к активным и даже наступательным по ключевым для КНР направлениям торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия.

Особое значение Китай придает межрегиональной экономической структуре – форуму «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС), в рамках которого, несмотря на его консультативный статус, была начата выработка правил ведения торговли, инвестиционной и финансовой деятельности в Азии (включая Россию), Австралии, Северной и Южной Америке⁶⁵.

В целом отношение Китая к экономическим интеграционным процессам в Восточной Азии можно расценить как позитивное. С одной стороны, эти процессы отвечают интересам китайской политики реформ и открытости. С другой – КНР стремится быть в составе формирующихся общемировых и региональных экономических образований. Подписав Богорскую декларацию АТЭС 1994 г. и Программу действий по ее реализации, Китай прямо заявил о своей приверженности продвижению региональных экономических интеграционных процессов.

В сфере либерализации внешнеэкономической деятельности Китай отдает приоритет поступательному развитию на основе максимального учета индивидуальных особенностей национальных экономик и обеспечения равноправного участия в региональном экономическом сотрудничестве. Вместе с тем, выступает за следование нормам многосторонней торговли, зафиксированным в ВТО, принципу «открытого регионализма», против политики протекционизма, применения односторонних экономических санкций и необоснованных антидемпинговых мер, жестких санитарных норм, технических стандартов и ограничений по передаче технологий.

При этом интеграционные процессы, по мнению Китая, не должны противоречить независимости и суверенитету государств. Исходя из большой разницы в экономическом развитии участников АТЭС и разных приоритетов в региональном сотрудничестве, Китай считает оптимальным сохранять существующий в АТЭС диалоговый механизм консультаций на различных уровнях, обеспечивающий компромиссный характер принимаемых решений. Это соответствует так называемому «атэсовскому подходу» в решении вопросов, включающему признание различных уровней развития стран-участниц, добровольность, гибкость, равноправие, взаимную выгоду, эволюционность, консенсус при принятии решений.

В целом форум АТЭС расценивается Китаем как перспективная структура многостороннего экономического сотрудничества. Отстаивая ее неформальный статус и принцип принятия решений консенсусом, Китай тем самым пытается застраховаться от

⁶⁵ На долю входящих в форум АТЭС экономик приходится более половины мирового ВВП, почти половина мирового товарооборота и более 40 % общего объема прямых иностранных инвестиций.

обязательного выполнения неблагоприятных для его экономики решений АТЭС. На данный момент сроки реализации цели создания «пространства открытой и свободной торговли и инвестиций» путем ликвидации торговых и инвестиционных барьеров в регионе АТЭС или формирования в его рамках азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли отодвинуты на 20 лет⁶⁶. Перспективы создания зоны свободной торговли в рамках АТЭС связываются в Китае с будущей консолидацией региональных интеграционных соглашений более узкого состава, о которых речь пойдет ниже.

С учетом этого Китай делает акцент на сотрудничестве с соседними по региону странами по каналам двусторонних отношений, а также с субрегиональными группировками. Важную роль среди них играет Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

В начале 2000-х годов, стремясь сгладить противоречия с государствами Юго-Восточной Азии в результате обострившейся с ними конкуренции на мировом рынке за товарные и инвестиционные потоки, Китай выступил с инициативой о создании с АСЕАН совместной зоны свободной торговли для предоставления Ассоциации более свободного доступа на свой рынок. В ноябре 2002 г. лидеры Китая и членов АСЕАН на саммите Китай-АСЕАН подписали Рамочное соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве. На основе этого соглашения в ноябре 2004 г. было подписано Соглашение о торговле товарами. Тем самым было начато формирование зоны свободной торговли АСЕАН-КНР (КАФТА).

По этому соглашению с 2005 г. началось снижение действующих в двусторонней торговле таможенных тарифов. К 2010 году торговля между Китаем и ведущей шестеркой стран АСЕАН «нечувствительными»⁶⁷ товарами, охватывающая 90 % взаимного товарооборота, перешла на беспошлинную основу. К 2010 году средняя тарифная ставка на китайские товары, продаваемые в странах АСЕАН, снизилась до 0,6 %, на товары АСЕАН, продаваемые в Китае, – до 0,1 %⁶⁸. К концу 2010-х годов были устранены тарифы на «нечувствительные» товары между Китаем и остальными менее развитыми странами-членами АСЕАН (Вьетнамом, Лаосом, Камбоджой и Мьянмой).

Формирование КАФТА не ограничилось либерализацией взаимной торговли и охватило обязательства в области услуг, инвестиций, упрощения деловых операций. В 2007 г. между КНР и АСЕАН было подписано Соглашение о торговле услугами, в 2009 г. – Соглашение об инвестициях. В итоге с 2010 г. вступил в силу пакет соглашений о всеобъемлющем экономическом партнерстве между АСЕАН и Китаем, и была сформирована зона свободной торговли АСЕАН-КНР, уступающая по своему производственному и торговому потенциалу в мире лишь ЕС и НАФТА.

В ноябре 2015 г. АСЕАН и Китай подписали Протокол о внесении изменений в данный пакет соглашений и некоторые дополнительные соглашения, включая новые обязательства сторон в отношении защиты прав интеллектуальной собственности, соответствия стандартам и технических нормам, о сотрудничестве в области сельского хозяйства.

Реализация соглашений о КАФТА наглядно отразилась на торговле КНР со странами АСЕАН. Так, по данным китайской таможенной статистики, объем их товарооборота вырос за последние годы в 3,3 раза: с 295,06 млрд долл. в 2014 г. до 975,34 млрд долл. в 2022 г., в

⁶⁶ На малайзийском саммите АТЭС в 2020 г. был принят программный документ – Путраджайское видение (ориентиры развития) форума, а спустя год – связанный с ним План действий. В соответствии с этими документами сроки и объем обязательств по выполнению богорских целей АТЭС 2010/2020 гг. были продлены до 2040 года.

⁶⁷ Под «чувствительными» товарами понимаются товары, местные производители которых не способны выдержать конкуренцию с аналогичной импортной продукцией зарубежных поставщиков.

⁶⁸ ASEAN-China Open Free Trade Area. The Sydney Morning Herald. 30.12.2009 / <https://www.smh.com.au/world/aseanchina-open-free-trade-area-20091230-ljht.html> (дата обращения: 18.05.2023).

том числе экспорт – с 167,12 млрд долл. до 567,29 млрд долл., превысив показатели торговли Китая со странами ЕС и Северной Америки⁶⁹.

При этом полностью перейти к свободной от тарифов и пошлин торговле Китаю и странам АСЕАН пока не удалось. Так, у стран-членов Ассоциации действуют повышенные тарифы по ряду позиций импортируемой из Китая продовольственной и сельскохозяйственной продукции (рис, соевые бобы, алкогольная и табачная продукция). Ряд стран-членов Ассоциации опасаются, что в случае полной отмены импортных пошлин на сельскохозяйственную и продовольственную продукцию из КНР их национальным производителям будет нанесен значительный ущерб. Аналогичные опасения присутствуют у Китая в отношении беспрепятственного ввоза из стран АСЕАН риса, пальмового масла, сахара, натурального каучука.

Тем не менее, режим двусторонней торговли и инвестиций последовательно либерализуется, стороны ведут переговоры о дальнейшем углублении сотрудничества в этой области. И в целом КАФТА выглядит наиболее прочным образованием среди региональных проектов сотрудничества с участием АСЕАН, опирающимся на китайскую производственную базу, консолидирующую промышленность Юго-Восточной Азии.

В АСЕАН высоко оценивают динамичный экономический рост Китая и укрепление его позиций на мировом рынке за последние десятилетия. Помнят в Юго-Восточной Азии и то, как Китай оказывал финансовую поддержку странам Ассоциации во время кризиса 1997–1998 гг. и не пошел в тот период на девальвацию своей валюты, что могло бы осложнить выход стран АСЕАН из кризиса. Укрепляя взаимодействие с АСЕАН, КНР рассчитывает на укрепление своей ведущей роли в Восточной Азии, сдерживая тем самым США и Японию в этом регионе. Одновременно Китай стремится показать, что соглашение с ним представляет для АСЕАН не угрозу, а реальную возможность формирования новых торговых и инвестиционных потоков. Импонирует государствам АСЕАН и готовность КНР участвовать в крупных совместных инвестиционных проектах в бассейне р. Меконг, а также в сооружении железной дороги, связывающей страны АСЕАН с Китаем. Все говорит о том, что страны АСЕАН руководствуются ныне не опасениями конкуренции с КНР, а использованием возможностей по завоеванию безграничного китайского рынка.

Одновременно с двусторонним форматом взаимоотношений Китай выстраивает свои интеграционные связи с АСЕАН совместно с Японией и Республикой Корея в рамках зоны свободной торговли «АСЕАН+3». Начиная с ноября 1997 г., когда на саммите АСЕАН в Куала-Лумпуре состоялась первая встреча на уровне руководителей КНР, Японии, РК и государств АСЕАН, стали проводиться регулярные саммиты «АСЕАН+3».

Началась работа над проектом создания восточноазиатской зоны свободной торговли. Главными препятствиями ее создания являются серьезные различия в уровнях экономического развития и среднедушевых доходов стран-участниц (от Лаоса до Японии), обострение взаимной конкуренции стран на мировых товарных рынках, неустойчивое состояние экономик, недостаточный уровень согласования финансово-экономической политики. Есть и политические факторы соперничества в регионе, прежде всего между Японией и Китаем. Однако глобальные и региональные проблемы (периодические финансово-экономические кризисы, угрозы терроризма, стихийные бедствия и эпидемии, рост цен на энергоносители и др.) подталкивают страны региона к экономической интеграции.

Практическое продвижение к восточноазиатской зоне свободной торговли, по нашим оценкам, зависит, прежде всего, от углубления интеграции в Северо-Восточной Азии между Китаем, Японией и Республикой Корея. Китай, судя по всему, не спешит с заключением трехсторонней зоны свободной торговли с Японией и РК. После продолжительных

⁶⁹ Naiguan tongji. Zhonghua renmin gongheguo haiguan zongshu [Таможенная статистика. Главное таможенное управление КНР]. / <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302277/302276/4807727/index.html> (дата обращения: 14.05.2023).

переговоров КНР заключила в 2014 г. соглашение о свободной торговле с Республикой Корея. Переговоры об аналогичном соглашении Китая с Японией продолжаются и еще далеки от завершения.

Китай ныне воспринимает себя естественным экономическим лидером в Восточной Азии. Роль крупнейшего импортера и экспортера в регионе перешла к нему. Естественно, что именно он является основным региональным «интегратором». Существенный рост доли внутрирегиональной торговли во внешнеторговом обороте стран и территорий Восточной Азии достигнут в первую очередь в результате быстрого увеличения торговли каждой из них с Китаем.

Это трудно принять недавнему региональному лидеру – Японии. Мешает и сгусток сложных политических проблем, отягощающих взаимоотношения стран, прежде всего между КНР и Японией (территориальные проблемы, оценки исторического прошлого и т.д.), а также разногласия между сторонами по торговле сельскохозяйственной продукцией, вопросы охраны интеллектуальной собственности. Однако крупный задел для формирования зоны свободной торговли в формате «АСЕАН+3» сделан созданием и успешным функционированием КАФТА.

До последнего времени представлялось, что естественной платформой для формирования зоны свободной торговли в Восточной Азии станет формат зоны свободной торговли «АСЕАН+3», в рамках которого была сформулирована сама идея. Однако после запуска в 2005 г. Восточноазиатского саммита в формате «АСЕАН+6» (с участием Индии, Австралии и Новой Зеландии) появилась альтернатива восточноазиатской зоне свободной торговли «АСЕАН+3» в виде Всестороннего экономического партнерства в Восточной Азии «АСЕАН+6». Страны АСЕАН и Китай поддерживали вариант строительства сообщества на базе «АСЕАН+3», а Япония и три нерегиональных государства (Индия, Австралия и Новая Зеландия) – на основе «АСЕАН+6». Последняя также может рассматриваться в качестве центрального элемента будущего азиатско-тихоокеанского соглашения о свободной торговле (к примеру, на основе АТЭС), к которому могут присоединиться другие страны. Все шесть партнеров АСЕАН по диалогу заключили соглашения о свободной торговле с АСЕАН, которые могут легко приобрести многосторонний характер благодаря общим правилам происхождения.

Поначалу Китай предполагал, что соглашение о восточноазиатской зоне свободной торговли будет сначала подписано в формате «АСЕАН+3», а другие страны смогут присоединиться к нему позднее. Но в последние годы под влиянием активизации политики США на азиатско-тихоокеанском направлении Китай занял более гибкую позицию в отношении будущего интеграционного объединения, допустив возможность использовать в качестве его основы формат «АСЕАН+6» и расширения сфер деятельности интеграционного соглашения (не только торговля товарами, но и услугами, а также инвестиции).

Политика КНР в отношении Соглашения о всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП)

В результате начавшихся в 2012 г. переговоров в ноябре 2020 г. было заключено Соглашение о всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) в составе 15 членов («АСЕАН+6» без Индии), которое вступило в силу в январе 2022 г. Значимость данного Соглашения подтверждается тем, что на долю его стран-участниц приходится около трети мирового ВВП. Неторговые вопросы (поддержка госпредприятий, трудовые стандарты, защита окружающей среды и т.п.) в ВРЭП не входят. Сохраняются индивидуальные изъятия в отношении отмены импортных таможенных тарифов по «чувствительным» товарам. Эти изъятия распространяются и на Китай.

С другой стороны, для Китая выгодно снятие большинства импортных тарифов Японии. А для ускорения производственно-сбытовых цепочек и расширения

внутрирегиональной торговли и прямых инвестиций Китай заинтересован в скорейшей гармонизации правил происхождения товаров, технических стандартов и требований. Все это в совокупности позволит китайским компаниям получить широкий доступ на рынки стран региона и увеличить экспорт своих товаров, услуг и капиталов. В частности, по подсчетам ученых американского Института международной экономики Петерсона, участие Китая в ВРЭП приведет к дополнительным реальным доходам в 2030 г. на сумму свыше 100 млрд долл. и увеличит экспорт на более, чем 250 млрд долл.⁷⁰.

На фоне обострения торговой войны с США членство в ВРЭП благоприятно скажется на диверсификации внешнеэкономических связей КНР и углублении внутрирегионального производственного сотрудничества. Подписав соглашение ВРЭП, Китай впервые объединился с Японией и РК в одном торгово-экономическом блоке (соглашение о свободной торговле между КНР и Японией, напомним, пока не заключено). К тому же, для Китая создание ВРЭП стало первым успешным опытом формирования под его эгидой крупной региональной интеграционной группировки. Ведь, ни США, ни Индия не вошли в число участников ВРЭП, а Япония по степени влияния в регионе с недавних пор уступает Китаю.

Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП)

Одновременно с переговорами в рамках ВРЭП с 2010 г. велись переговоры о заключении Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) с участием США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Мексики, Перу, Чили, Японии, Малайзии, Сингапура, Брунея и Вьетнама. Данное соглашение было разработано при ведущей роли США и предусматривало практически полную ликвидацию к 2030 г. таможенных тарифов, охватывающих 99 % тарифных позиций, на все виды товаров и услуг; всестороннюю глубокую либерализацию инвестиционного режима; обеспечение равных условий конкуренции; жесткие стандарты охраны интеллектуальной собственности; окружающей среды; фитосанитарных норм; трудовых отношений; правил проведения государственных закупок посредством тендеров; регулирования финансовых услуг; унификацию правил определения страны происхождения товаров и т.д.

Неудивительно, что в первоначальный период (2010-е годы) отношение Китая к присоединению к ТТП было отрицательным. Для Китая, к примеру, чувствительными являются вопросы трудовых стандартов, интеллектуальной собственности, электронной торговли, условий работы государственных предприятий, финансовых услуг, степени государственного вмешательства в экономику в целом. Китай вообще не приемлет любые международные проекты и форматы, где он не имеет возможность активно участвовать в определении повестки дня и эффективно блокировать решения, идущие вразрез с его интересами. Поэтому Китай не видел для себя смысла присоединиться к переговорам по ТТП, не имея возможности кардинально повлиять на их содержание и готовящиеся документы.

Однако ситуация изменилась после решения администрации Д. Трампа о выходе США из ТТП в 2017 г., когда оставшиеся 11 стран, производящие 13 % мирового ВВП, в декабре 2018 г. подписали Всеобъемлющее прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПТТП). Проведенные учеными Института международной экономики Петерсона расчеты показали, что для стран, не входящих в ВПТТП, к которым относится Китай, прогнозируются экономические потери из-за ужесточения конкуренции со странами-участницами Соглашения на их рынках. Это касается

⁷⁰ Petri P.A., Plummer M.G. China Should Join the New Trans-Pacific Partnership. Wash., Peterson Institute for International Economics (PIIE), January, 2019 / <https://www.piie.com/publications/policy-briefs/china-should-join-new-trans-pacific-partnership> (дата обращения: 10.05.2023).

снижения темпов роста как внешней торговли, так и реального дохода страны, что практически соответствует показателю национального ВВП. Присоединение же к ВПТТП прибавит Китаю в 2030 г. годовой реальный доход почти в 300 млрд долл. и увеличит экспорт и импорт более чем на 600 млрд долл.⁷¹

В результате, с учетом отсутствия США среди участников Соглашения, в сентябре 2021 г. Китай подал заявку на вступление в ВПТТП. В докладе Председателя КНР Си Цзиньпина на Центральной экономической рабочей конференции в декабре 2022 г. в числе текущих задач было отмечено «активное продвижение присоединения к экономическим и торговым отношениям высокого стандарта, таким как Всеобъемлющее прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве»⁷². Важно отметить, что для Китая вступление в ВПТТП – не только азиатский, но и межрегиональный тихоокеанский проект, укрепляющий позиции КНР в мире.

Однако процесс вступления в ВПТТП не быстрый, для этого требуется консенсус всех участников Соглашения, среди которых такие крупные экономики как Япония, Австралия, Канада, с которыми Китаю придется договариваться отдельно. А пакеты соглашений, несмотря на то что условия для вступления в ВПТТП с уходом США несколько ослабились, тем не менее, весьма разнообразны и чувствительны для китайской экономики. Это, в частности, либерализация движения капитала и доступ зарубежных инвесторов в финансовый сектор, требования по локализации производства и передаче технологий в области инвестиционного сотрудничества, трудовое законодательство, поддержка государственных предприятий, защита окружающей среды, свободная передача данных в области электронной торговли, технические стандарты, и др.

Каковы будут переходный период для достижения соответствия требованиям к вступлению или исключения из этих требований, трудно предсказать. Но отсутствие США в данном объединении дает Китаю шанс договориться о смягчении для себя ряда требований с выгодой для своей экономики и присоединиться к Соглашению.

* * *

С началом нынешнего столетия заметно усилились интеграционные экономические процессы в Восточной Азии. В Китае отнеслись к этому положительно, считая, что образование региональных объединений соответствует принципам многосторонней торговли и служит барьером на пути распространения протекционизма.

На фоне быстрого роста торговли между Китаем и странами АСЕАН в торговле последних снижается доля не только США и ЕС, но и Японии, которая перестала быть основным рынком сбыта продукции восточноазиатского региона. Роль крупнейшего регионального экспортера и импортера перешла к Китаю. Китай фактически сконцентрировал у себя формирующиеся на базе производственного кооперирования восточноазиатских стран товарные потоки, направляя их на рынки развитых стран, прежде всего США и ЕС. Это также касается капиталовложений развитых стран в производственный сектор КНР и ответных поставок готовой продукции (преимущественно с совместных с западными странами предприятий) в США, Японию, страны ЕС и Россию.

Состояние экономических связей КНР со странами Восточной Азии позволяет сделать вывод о том, что Китай глубоко интегрировался в систему регионального международного разделения труда. Региональная экономическая интеграция, по нашему мнению, может стать локомотивом дальнейшего развития Китая и его соседей по региону. Формирование в настоящее время в Восточной Азии наиболее динамично развивающегося рынка в мире, рост

⁷¹ Там же.

⁷² Zhongyang jingji gongzuo huiyi juxing Xi Jinping Li Keqiang Li Qiang zuo zhongyao jianghua. Xinhua she. 2022-12-16 [Состоялась Центральная экономическая рабочая конференция. Си Цзиньпин, Ли Кэцян и Ли Цян выступили с важными речами. Агентство Синьхуа, 16.12.2022]. / http://www.gov.cn/xinwen/2022-12/16/content_5732408.htm (дата обращения: 10.05.2023).

доходов и покупательной способности его населения делают региональную экономическую интеграцию наиболее целесообразной стратегией развития региона.

Региональная экономическая интеграция способна помочь Китаю не «застрять» в категории «государств со средним доходом», открыть новые возможности для предпринимательской деятельности, обеспечить рост занятости. Более того, она может сыграть положительную роль в поиске более эффективных решений общих проблем, таких как поддержание энергетической и продовольственной безопасности, устранение последствий стихийных бедствий, рациональное использование природных ресурсов и т.д.

Ключевым фактором успеха региональной экономической интеграции становится наличие емких развивающихся рынков. Появление в ряде восточноазиатских стран многочисленного среднего класса с растущими доходами и покупательной способностью ведет к формированию растущего спроса на широкий ассортимент потребительских и промышленных товаров и услуг. Такой увеличивающийся спрос уже порождает быстрый рост внутрирегиональной торговли в регионе, что в свою очередь создает основу для региональной экономической интеграции.

По мнению китайских ученых⁷³, для продолжения развития в условиях «новой нормальности» – замедления экономического роста – Китаю необходимо активизировать международное сотрудничество. В частности, продвигать реализацию соглашения о свободной торговле с Японией и РК, а в ответ на американскую политику сдерживания Китая расширять механизмы сотрудничества вне азиатского региона, включая БРИКС, программу сухопутного и морского «шелковых» путей («Пояс и путь»), присоединение к ВП ТТП с учетом собственных интересов. Целью должно служить повышение качества экспортной продукции за счет развития собственных технологий и инноваций, всемерное расширение внутреннего рынка. Инициатива «Пояс и путь» должна создать надежные сухопутные торговые пути на Запад и стать для Китая дополнительным, помимо морского, транспортным маршрутом для товарных поставок.

В целом Китай нацелен на взаимовыгодное сотрудничество с участниками интеграционных соглашений, признает соперничество через взаимодействие, выступает за мирную конкуренцию без обострения конфронтации. Подходы Китая к интеграционным соглашениям увязываются с его собственными экономическими возможностями и интересами (соблюдение баланса развития, реформ и открытости экономики), а также с составом участников соглашений. По мере укрепления экономического потенциала страны Китай в начале 2020-х гг. перешел от осторожной, политики преимущественно двусторонних договоренностей в области экономического сотрудничества в Восточной Азии к активной интеграционной политике в различных многосторонних форматах.

⁷³ Лю Бо. Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве и контрмеры Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 6. С. 56-66.

Глава 6. Индия в поисках новой региональной идентичности: «благожелательный гегемон» и ответственный игрок

«Тот, кто достигнет морского господства в Индийском океане, станет важным игроком на мировой арене. Кто контролирует Индийский океан, тот доминирует в Азии. Этот океан – ключ к семи морям в XXI веке, судьба мира будет решаться в его водах».

Эту цитату, приписываемую американскому военно-морскому теоретику А.Т. Мэхэну, часто можно встретить в индийских работах – как популярных, так и научных, – касающихся проблем морской стратегии Нью-Дели в регионе Индийского океана⁷⁴. Этим словам Мэхэн никогда не говорил и не писал; но сам факт того, что эта цитата была выдумана, снабжена авторитетным автором, пущена в оборот, прочно укоренилась в индийском общественно-политическом дискурсе и используется для обоснования строительства новых кораблей для ВМС Индии и для разработки и реализации новых форматов международного взаимодействия, сам по себе свидетельствует о том, что Нью-Дели ищет почву для того, чтобы обосновать расширение сферы своего влияния в регионе.

В последние два десятилетия Индия все больше заявляет о себе как о потенциальном гегемоне в регионе Южной Азии и Индийского океана. Эта ситуация резко отличается от предыдущих десятилетий, когда Нью-Дели достаточно осторожно проявлял свои амбиции и поддерживал вооруженные силы на уровне, достаточном для ведения полномасштабной войны против Пакистана и ограниченной – против КНР. При этом Индия избегала вмешательства в дела государств, находящихся вне зоны ее непосредственного соседства (Мьянмы, Мальдив, Шри-Ланки, Непала, Сиккима), а с принятием т.н. «доктрины Гуджрала» (1997-98) демонстративно отказалась и от такого ограниченного вмешательства.

Это изменение внешнеполитического курса Индии произошло благодаря как объективным, так и субъективным причинам.

Причины экспансии: объективные и субъективные

Основной объективной причиной стал быстрый рост индийской экономической мощи. Благодаря, с одной стороны, выстроенной за годы правления династии Неру–Ганди промышленной базе, с другой – реформам Нарасимхи Рао, позволившим достичь рекордных 9,6% роста, Индия получила возможность тратить заметно большую часть бюджета на военные расходы. При этом если средства, выделяемые на сухопутные войска, почти в полном объеме тратились на увеличение жалования и пенсий для военнослужащих, то деньги, которые получали ВМС и ВВС, расходовались главным образом на модернизацию имеющейся техники и закупку новой. Стоит отметить, что именно эти два рода войск являются «длинной рукой» государства, позволяя ему проецировать силу на дальние расстояния через труднопроходимые местности и морские пространства.

Кроме того, меняющийся мировой политический ландшафт поставил на повестку дня вопрос о лидерстве в регионе. В годы холодной войны Индийский океан оставался второстепенным ТВД, на котором флоты великих держав не только соперничали, но и сотрудничали, стремясь обеспечить беспрепятственный проход торговых судов в условиях периодических локальных конфликтов. Окончание холодной войны, уход ВМФ СССР из Индийского океана способствовали потере интереса ВМС США к региону. Это привело к

⁷⁴ Amrita Jash. India's ocean: the story of India's bid for regional leadership by David Brewster, Strategic Analysis, 2015. 39:4. P. 466-467. / <https://economictimes.indiatimes.com/blogs/et-commentary/indian-ocean-the-key-to-indias-look-east-policy/>; Kumar, K. Indian Ocean as a Zone of Peace. Problems and Prospects. A.P.H. Pub., 2000.

образованию вакуума силы, и Индия, как наиболее мощный местный игрок, вполне могла претендовать на его заполнение.

Среди субъективных причин стоит выделить рост интереса к вопросам морской стратегии как среди индийских интеллектуальных кругов, так и среди морских офицеров. Он был прямо связан с упомянутыми объективными факторами и в результате привел к образованию в индийских политических и интеллектуальных элитах сплоченной и влиятельной группы, выступавшей за морскую экспансию.

Концептуальное оформление

Нынешняя индийская экспансия слабо напоминает традиционные формы оформления сфер влияния⁷⁵. В программных документах индийских ВМС подчеркивается ответственность всех держав региона, включая Индию, за безопасность морских путей (sea lanes of communications, SLOCs), необходимость кооперации в целях борьбы с пиратством, наркоторговлей, торговлей людьми и оружием⁷⁶. Ключевую роль играет концепция «осведомленности о ситуации на море» (maritime domain awareness, MDA), то есть постоянного информирования о происходящем в морском пространстве Индийского океана⁷⁷. С этой целью Индия выстроила вдоль своего побережья и в ряде других стран интегрированную цепь радарных станций. Дополнением к этой цепи служат цепи подводных датчиков, проложенных в проливах, через которые проходят китайские подводные лодки. Информация, собранная при помощи этой системы, стекается в Центр управления и анализа информации (Information Management and Analysis Centre, ИМАС) в индийском Гургаоне⁷⁸.

Индийская внешнеполитическая доктрина основывается на двух взаимодополняющих концепциях, возникших в 2005–2007 гг. В рамках одной окружающее социальное пространство представлено в виде системы концентрических кругов, в центре которых находится Индия. Ее окружают страны «ближнего соседства» – государства Южной Азии, включая островные, которые имеют важное значение для безопасности Индии. В этом круге Нью-Дели при необходимости применяет силовые методы для обеспечения своих интересов. Далее следуют страны «расширенного соседства», находящиеся в Восточной Африке, Центральной Азии, Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке. Там Индия преследует преимущественно экономические и политические интересы, избегая применения силы и действуя в основном дипломатическими методами. Наконец, третья зона – весь остальной мир, в глазах которого Индия стремится получить статус ответственной великой державы, заслуживающей того, чтобы решать судьбы мира наряду с другими ключевыми игроками.

Второй является концепция Индо-Тихоокеанского региона (далее ИТР). Она также ставит в центр внимания Индию, но не как точку отсчета, а как важного игрока в исторически сложившемся и «естественном» (natural) регионе, простирающемся от берегов Восточной Африки до Южно-Китайского моря. Этой «естественности» уделяется особое значение в противовес «искусственности» колониальных конструктов. Основные элементы ИТР как системы аналогичны тем, что заявлены в индийских морских стратегиях и

⁷⁵ Brewster, D. *India's Ocean: The Story of India's Bid for Regional Leadership*. Routledge, 2014. Pp. 35–37.

⁷⁶ *Indian Maritime Doctrine 2009 (updated 2015)* / <https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian-Maritime-Doctrine-2009-Updated-12Feb16.pdf>; *Ensuring Secure Seas: Indian Maritime Security Strategy (2015)*. https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian_Maritime_Security_Strategy_Document_25Jan16.pdf

⁷⁷ Das, H. *Maritime Domain Awareness in India: Shifting Paradigms*. <https://maritimeindia.org/maritime-domain-awareness-in-india-shifting-paradigms/>; Baruah, D.M. *India's Evolving Maritime Domain Awareness Strategy in the Indian Ocean*. In: *India? China at Sea: Competition for Naval Dominance in the India Ocean*. Ed. by David Brewster. Oxford University, 2018.

⁷⁸ *National Maritime Domain Awareness (NMDA) Project* / <https://www.maritimegateway.com/national-maritime-domain-awareness-nmda-project/>

доктринах: безопасность морских путей, инклюзивность, стремление всех стран-участниц развивать политическое, экономическое, культурное взаимодействие.

Таким образом, нынешнее индийское видение региона представляет из себя сплав двух концепций – концентрических кругов и ИТР, причем страны ИТР относятся к первому и второму кругу соседства.

КНР как потенциальный противник

Подобное разделение призвано сформировать вокруг Индии сферы безопасности, экономического доминирования и культурно-цивилизационного диалога, в пределах которых Нью-Дели мог бы рассчитывать на поддержку всех находящихся в ее пределах государств по факту их принадлежности к «Индосфере» - историческому пространству распространения индуизма и индуистской и мусульмано-индийской культуры. Индия позиционирует себя как «благожелательного» (benevolent) гегемона, который стремится к мирному доминированию в регионе Южной Азии и Индийского океана, признает интересы малых и средних держав, ожидая в ответ от них признания индийских интересов.

Пока особых успехов в реализации этой стратегии Индия не достигла. Это связано в первую очередь с ограниченностью ресурсов: темпы роста ВВП снижаются, и поддерживать численность и оснащенность ВМС и ВВС достаточными для того, чтобы одновременно иметь возможность отражать потенциальную внешнюю агрессию и заниматься охраной порядка в регионе, нет возможности. Отражение внешней агрессии рассматривается как приоритетная задача, причем в роли потенциального агрессора выступает Китай.

Негативное отношение к КНР сформировалось в индийском обществе по итогам войны 1962 г. До того Китай рассматривался как потенциально дружественная держава; в паре с ней индийские политические элиты планировали сформировать третий полюс в холодной войне, к которому бы могли присоединиться недавно освободившиеся от колониальной зависимости азиатские и африканские державы. Однако неблагоприятное развитие событий на границе, переход пограничного спора в вооруженный конфликт и поражение в нем сформировали в индийском обществе синофобский дискурс, который самим своим наличием не позволяет индийскому руководству смягчить позицию в отношении Китая даже в случае, когда это представляется желательным. Постоянные заходы в Индийский океан китайских подводных лодок, аренда военно-морской базы в Джибути, многочисленные региональные инфраструктурные проекты, нарушение китайскими военными линиями фактического разграничения в районах Ладакха и Аруначал-Прадеша воспринимаются индийским обществом как звенья одной цепи, проявления масштабной китайской экспансии в зоне жизненных интересов Индии.

Как следствие, в настоящий момент политические и военные элиты Индии сосредоточены на строительстве «флота обороны», который бы позволил ей защитить свою сферу влияния в Индийском океане от возможного китайского вторжения, что автоматически переводит саму тему безопасности региона в категорию межгосударственного соперничества⁷⁹.

Внутренние факторы

Акцентуализации синофобского дискурса способствуют процессы внутренней трансформации, идущие сейчас в Индии.

⁷⁹ India's Naval Strategy and Asian Security. Ed. by Anit Mukherjee, C. Raja Mohan. Routledge, 2016; India-China Maritime Competition: The Security Dilemma at Sea. Ed. by Rajesh Basrur, Anit Mukherjee and T.V. Paul. Routledge, 2019.

Политически Индия переживает затяжной кризис, связанный с уходом от власти клана Неру–Ганди, на протяжении десятилетий правившего страной либо напрямую, либо через лояльных членов политической элиты (Нарасимха Рао, Манмохан Сингх). Однако на рубеже столетий наметились кардинальные изменения: масштабная социальная трансформация общества привела к появлению феномена «правого фермерства» - слоя крестьянства, которое, с одной стороны, придерживается традиционных ценностей, с другой – все активнее вовлекается в общенациональные и глобальные процессы благодаря растущему доступу к источникам информации (телевизорам, смартфонам, компьютерам). Кроме того, все активнее заявляет о своих интересах «рассерженный средний класс», живущий в городе или пригороде, зарабатывающий сравнительно немного по сравнению с потомственными обитателями элитных кварталов, но постепенно осознающий свою субъектность на фоне массы сельского населения. Как и «правые фермеры», «рассерженный средний класс» консервативен, охотно впитывает идеологию былого величия Индии и необходимости возвращения в золотой век, массово поддерживает правых. Именно запрос этих двух недовольных социальных слоев на альтернативу правившему Индийскому национальному конгрессу помогло «Бхаратия Джаната парти», добавившей к привычным правым лозунгам антикоррупционную риторику, прийти к власти в 2014 г.

Экономически Индия демонстрирует существенный рост и в 2023 г. стала пятой экономикой мира, оттеснив с этой позиции Великобританию. В обозримом будущем, по мнению ряда индийских и зарубежных экономистов, она может выйти на третье место в мире. С другой стороны, экономическое развитие Индии крайне неоднородно. Бурно растет сфера услуг, развивается IT-индустрия; однако ее дальнейший рост зависит от темпов роста спроса на IT-услуги в мире. Неравномерно развивается тяжелая промышленность: на фоне роста автомобильного и химического производства изнашиваются основные фонды остальных отраслей тяжелой промышленности, буксует развитие высокотехнологичных производств, так как эта ниша прочно занята предприятиями КНР, Тайваня, стран Юго-Восточной Азии.

Новая холодная война: шанс для Индии

В сложившейся ситуации индийское руководство восприняло начало американо-китайского противостояния как шанс, который позволит Индии занять место КНР в производственных цепочках. Декаплинг китайской и американской экономик означает, что в обозримом будущем начнется процесс переноса производства в другие, более дружественные США и их союзникам страны. Индия с ее частично англоговорящим населением и дешевой рабочей силой вполне может рассматриваться как площадка для такого переноса.

Этот стратегический план сталкивается с рядом проблем. Ключевыми из них являются неразвитость инфраструктуры (отсутствие интегрированной системы автомобильных и железных дорог, каналов, контейнерных и нефтяных портов и хранилищ) и нехватка квалифицированной рабочей силы, что вынуждает правительство Н. Моды тратить огромные средства на программы массового переобучения населения. Дополнительная проблема – продолжающийся демографический бум, который приводит к тому, что ежегодно на индийский рынок рабочей силы выплескивается около 10 млн молодых рабочих, из которых индийская экономика в состоянии поглотить не более половины 5 млн. Остальные либо эмигрируют, либо пополняют армию «частично занятых», живущих за счет нестабильной поденной работы, что по сути является формой скрытой безработицы.

Для решения этих проблем Индии требуются масштабные инвестиции – как финансовые, так и технологические. Наиболее очевидным их источником выглядит Китай, но глубоко укоренившаяся в индийском обществе синофобия не позволяет реализовать этот вариант. В результате ключевыми партнерами Индии становятся наиболее развитые страны

Запада и их восточные союзники, а также нейтральные развитые страны Азии (США, страны ЕС, Япония, Сингапур, Саудовская Аравия, ОАЭ). Ряд из них имеют территориальные споры с КНР, что позволяет Индии, на территории которой также претендует Китай, задействовать политико-дипломатические инструменты для активизации экономического сотрудничества.

В целом индийское руководство здраво и реалистично оценивает обстановку и интересы потенциальных партнеров, осознавая, что Запад заинтересован в росте экономической, политической и военной мощи Индии просто потому, что в силу синофобии ее общества и элит она представляется естественным противником Китая. Это делает необязательным вовлечение Индии в формальные антикитайские структуры и альянсы, так как она воспринимается как сила, априори враждебная Китаю. Такое представление вполне устраивает индийские политические элиты, позволяя им избежать принятия на себя каких-либо обязательств и при этом использовать западную помощь для стимулирования развития индийской экономики и решения внутренних проблем.

Именно эти соображения определяют отношение Индии к интеграционным проектам в регионе.

Индия и многосторонние проекты в Индо-Тихоокеанском регионе

Проекты, инициированные Индией. Нью-Дели реализует ряд проектов, некоторые из которых носят субрегиональный характер (SAARC, BIMSTEC), а некоторые – общерегиональный (Mausam, SAGAR). При этом первые представляют из себя по сути экономические блоки, доминирующую роль в которых играет Индия, а вторые – сугубо индийские инициативы, не предусматривающие каких-либо формальных механизмов в принципе. В их рамках Индия ставит перед собой задачу наращивать свое влияние в регионе на гуманитарно-экономической (SAGAR) либо культурно-исторической (Mausam) основе. Целью этих инициатив является интеграция в единое пространство безопасности малых (Маврикий, Мальдивы, Сейшелы, Коморы) и средних (Мадагаскар) островных государств региона. Население этих стран в целом благожелательно относится к индийским инициативам, пока речь не заходит о создании в процессе их реализации военных баз⁸⁰.

В целом эти проекты способствуют закреплению «благожелательной гегемонии» Нью-Дели в регионе, но не до той степени, на которую рассчитывают индийские стратеги. Так, формат SAARC оказался парализован соперничеством Индии и Пакистана⁸¹, а страны-участницы альтернативного формата BIMSTEC не считают себя обязанными следовать проиндийским курсом, продолжая к неудовольствию Нью-Дели развивать связи с КНР. Население стран, вовлеченных в инициативу SAGAR, охотно принимая гуманитарную помощь, выступает против размещения на своей территории индийских военных баз.

Индия и «Пояс и путь». Индия категорически отрицательно относится к китайским инициативам «Пояс и путь» и «Сообщество единой судьбы человечества». В любых проектах, реализующихся в их рамках, Нью-Дели видит очередные шаги по усилению китайского влияния в регионе⁸². Имплицитно полагается, что китайское экономическое присутствие мешает деятельности индийского бизнеса и подрывает влияние Индии, способствует превращению экономически слабых стран региона в китайские ресурсные провинции. Наибольшую опасность в рамках «Пояса и пути», с точки зрения индийского руководства, представляют проекты развития портовой инфраструктуры, осуществляющиеся благодаря

⁸⁰ India's Project in Mauritius Faces Protests. Drishti IAS. <https://www.drishtiiias.com/daily-news-analysis/indias-project-in-mauritius-faces-protests>; Protesters say no to naval base on Seychelles' Assumption Island. Seychelles News Agency / <http://www.seychellesnewsagency.com/articles/8634/>

⁸¹ Poudel S.S. AARC Is Dead. Long Live Subregional Cooperation. The Diplomat / <https://thediplomat.com/2022/09/saarc-is-dead-long-live-sub-regional-co-operation/>

⁸² Sidgel, A. India in the Era of China's Belt and Road Initiative: How Modi Responds to Xi. Lexington Books, 2020; The Belt and Road Initiative and the Politics of Connectivity (ed. by Chakma B., Dai Xiudian). Springer, 2022.

китайским инвестициям. Популярен тезис о «китайской долговой ловушке»: декларируется, что КНР может использовать факт крупной задолженности, чтобы преодолеть изначально заложенные в гражданские инфраструктурные проекты ограничения на использование их в военных целях, тем самым превратив их в базы двойного назначения.

Помимо этого, «Пояс и путь» воспринимается в Индии через призму проблем с Пакистаном: наличие Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), частично проходящего по находящимся под управлением Пакистана территориям бывшего княжества Джамму и Кашмир, еще больше осложняет решение Кашмирского вопроса. Порт Гвадар – конечная точка КПЭК – предстает в глазах индийских стратегов еще одним элементом «Нити жемчуга», при помощи которой КНР якобы пытается окружить Индию⁸³. Это, в свою очередь, ведет к росту в Индии симпатий к белуджским сепаратистам.

Индия и ВРЭП. Отношение Индии к Соглашению о всестороннем экономическом партнерстве (ВРЭП) сложное. На рубеже веков среди индийских экономистов был популярен тезис о том, что экономические мегаблоки – это локомотивы развития: страны, которые успели «вскочить на их подножку», окажутся в числе лидеров в новом столетии. Схожее отношение сформировалось и к соглашениям о свободной торговле: представлялось, что любое такое соглашение способствует быстрому развитию торговли и экономики в целом. Впоследствии оказалось, что безоглядное заключение соглашений о ЗСТ приводит к падению эффективности тарифных барьеров, которыми Индия прикрывала свой рынок от иностранной экспансии.

Постепенно менялось и отношение к мегаблокам. Изначально Индия планировала стать членом Транстихоокеанского торгового партнерства, но ее заявка была отклонена. После этого Нью-Дели обратил внимание на ВРЭП. К подаче заявки в этот блок Индию активно подталкивали Япония и страны Юго-Восточной Азии, планировавшие использовать ее как противовес Китаю. По всей видимости, изначально индийское руководство всерьез рассматривало перспективы присоединения к ВРЭП, разработав стратегию его интеграции в свои геополитические концепции. Так, выступая на «Диалоге Шангри-Ла» в 2018 г., премьер-министр Индии Нарендра Моди заявил: «Мы поддерживаем основанную на правилах, открытую, сбалансированную и стабильную торговую среду в Индо-Тихоокеанском регионе, которая поднимет все страны на волне торговли и инвестиций. Это то, чего мы ожидаем от Всестороннего регионального экономического партнерства. ВРЭП должно быть всеобъемлющим, как предполагает его название и декларируемые принципы. Оно должно поддерживать баланс в сферах торговли, инвестиций и услуг»⁸⁴.

В последующем, однако, отношение Нью-Дели к ВРЭП изменилось. Жесткая позиция большинства членов ВРЭП по вопросу тарифных исключений для Индии, неготовность обеих сторон идти на уступки привели к тому, что Индия отказалась войти в состав ВРЭП.

Индия и Quad. Формат Quad в обеих своих итерациях оказался для Индии крайне удобным. Изначально он создавался для сдерживания КНР, причем в силу своей полуформальной природы не требовал от Индии никаких обязательств. В то же время Нью-Дели использовал военно-морские учения, превратившиеся в основной метод взаимодействия стран-членов, как дополнительный инструмент повышения оперативной готовности флота и дипломатический рычаг для давления на Китай. Так, до недавних пор Индия избегала приглашения Австралии на учения «Малабар», но после недружественных действий КНР в Ладакхе, приведших к столкновению в долине р. Галван, нарушила это правило, по сути превратив «Малабар» в учения Quad⁸⁵.

При этом Индия никогда не рассматривала и не рассматривает Quad как исключительно антикитайский формат. В 2021 г. Индия сыграла важную роль в начале постепенной

⁸³ Kanwal, G. Pakistan's Gwadar Port: A New Naval Base in China's String of Pearls in the Indo-Pacific. CSIS. / <https://www.csis.org/analysis/pakistans-gwadar-port-new-naval-base-chinas-string-pearls-indo-pacific>

⁸⁴ https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/pms-keynote-address-at-shangri-la-dialogue/

⁸⁵ Peri D. Malabar 2020: the coming together of the Quad in the seas / <https://www.thehindu.com/news/national/malabar-2020-the-coming-together-of-the-quad-in-the-seas/article61734428.ece>

трансформации Quad из формата для сдерживания Китая в структуру, на основе которой может быть создана региональная система безопасности. Это потребовало расширения рамок Quad как в географическом (появление формата Quad плюс...), так и в институциональном смысле (постепенный переход от практики сдерживания Китая к активному взаимодействию по широкому кругу вопросов, включающих помощь пострадавшим от природных катаклизмов, пандемий, и др. Параллельно индийские дипломаты прощупывали почву на тему присоединения к обновленному Quad других стран региона вплоть до России. Однако в российском внешнеполитическом дискурсе эти шаги закономерно истолковываются как попытка США расширить рамки взаимодействия со странами региона, чтобы заманить в антикитайский, по сути, альянс как можно больше стран.

Очевидно, Индия и дальше продолжит развивать формат Quad в выгодном для себя направлении, избегая взятия на себя конкретных обязательств и постепенно трансформируя его в базовый элемент новой системы безопасности в ИТР (если только давление со стороны других стран-членов Quad не вынудит ее отказаться от этих планов и не начать построение такого базового элемента заново с нуля).

Индия и ШОС. Шанхайская организация сотрудничества, в которую Индия вступила в 2017 г., воспринимается в Нью-Дели не как альтернатива, а как естественное дополнение к Quad. Если Quad ориентирована прежде всего на взаимодействие с партнерами в рамках Индо-Тихоокеанского региона, ставит перед собой стратегическую задачу сдерживания Китая и, следовательно, ассоциируется с океанской составляющей индийской внешней политики, то членство в ШОС символизирует ее континентальный вектор⁸⁶.

Для Индии членство в ШОС выглядит как логичное и неизбежное: это единственный формат, который на данный момент охватывает большинство евразийских стран. Одним из самых больших страхов индийского политикума и экспертного сообщества является возможное дальнейшее сближение КНР и России, формирование оси Пекин–Москва–Исламабад. Это для Индии крайне невыгодно: она заинтересована в наличии возможно большего числа полюсов силы, чтобы опираться на них в той или иной ситуации, используя их в своих интересах. Сближение же России с США или КНР будет означать чрезмерное усиление одной из сверхдержав за счет использования дополнительных ресурсов и стратегических выгод, проистекающих из ее географического положения.

Для Индии находиться вне ШОС – означает лишить себя возможности влиять на процесс сближения Китая и России на почве взаимных геополитических интересов. В то же время в ШОС Индия имеет возможность взаимодействовать с Россией, удерживая ее от дальнейшего сближения с КНР благодаря демонстрации потенциала сотрудничества, в частности в Центральной Азии⁸⁷. Помимо этого, членство в ШОС помогает Индии напрямую контактировать с КНР по ключевым вопросам, входящим в компетенцию организации, включая борьбу с терроризмом в Кашмире.

Благодаря вступлению в ШОС Ирана в 2023 г. важность этой организации для Индии еще больше возросла: теперь в ней состоят практически все крупные азиатские континентальные державы, проводящие независимую внешнюю политику (за исключением Турции). Этим, по всей видимости, объясняется определенная активизация Индии в рамках ШОС вплоть до инициатив о расширении организации за счет Мальдив (в настоящий момент партнер по диалогу)⁸⁸. Учитывая, что во внешней политике Мальдивы руководствуются

⁸⁶ India and SCO / <https://indiainsco.in/home>

⁸⁷ BL Explainer: What does India's presence in Shanghai Cooperation Organisation mean / <https://www.thehindubusinessline.com/blexplainer/bl-explainer-what-does-indias-presence-in-shanghai-cooperation-organisation-mean/article67060295.ece>

⁸⁸ Maldives officially joins the Shanghai Cooperation Organization as a Dialogue Partner / <https://www.gov.mv/en/news-and-communications/maldives-officially-joins-the-shanghai-cooperation-organization-as-a-dialogue-partner>

принципом «Индия прежде всего», очевидно, что этот шаг призван укрепить индийские позиции в организации.

Индия и AUKUS. С точки зрения ряда индийских экспертов, формирование AUKUS для Индии скорее выгодно: во-первых, это означает, что ее партнеры по Quad усилятся, что положительно скажется на динамике противостояния с Китаем; во-вторых, создание альтернативного Quad формата означает, что США прекратят вызывавшие у Индии в последнее время беспокойство попытки превратить Quad в антикитайский военный альянс. Другие опасаются, что рост внимания США и Австралии к AUKUS может повлечь за собой постепенное падение интереса к Quad⁸⁹. Сама по себе сфера ответственности AUKUS лежит вне сферы индийских интересов: Нью-Дели главным образом сосредоточен на укреплении позиций в регионе Индийского океана, а не в Южной Пацифике.

Ситуация может осложниться в случае дальнейшей институционализации AUKUS вплоть до создания полноценного военного альянса и расширения числа его членов. Если включение в альянс Канады как бывшего доминиона Индия воспримет достаточно спокойно, то возможное принятие в его состав Японии уже будет выглядеть как формирование нового Quad, в котором Индию заменит более сговорчивая Великобритания. Присоединение к блоку любой азиатской страны вызовет в Индии волну озабоченности, которая может инициировать дискуссию о возможном вступлении в AUKUS Индии – разумеется, на особых условиях.

Другие интеграционные инициативы. Все остальные интеграционные инициативы оцениваются индийскими элитами через ту же призму. В случае, если проект потенциально может способствовать сдерживанию роста китайского влияния в регионе, не накладывает на Индию каких-либо обязательств и не требует от нее выделения существенного финансирования, Нью-Дели с большой вероятностью его поддержит, как это произошло с Blue-Dot Network (BDN)⁹⁰. Последней на данный момент инициативой такого рода является I2U2 (т.н. «второй Quad») – партнерство США, Индии, Израиля и ОАЭ с целью реализации инфраструктурных проектов и проектов развития⁹¹. По итогам саммита G20, прошедшего в Нью-Дели в 2023 г., было достигнуто принципиальное соглашение о строительстве инфраструктурного коридора Индия – Средиземное море через территорию ОАЭ, Саудовской Аравии и Израиля. Тот факт, что перспективы реализации этого проекта выглядят сомнительно, не помешал индийским СМИ объявить его альтернативой «Поясу и пути».⁹²

Таким образом, разнообразные форматы и проекты, реализуемые в регионе Индийского океана, интересуют Нью-Дели в той степени, в какой участие в них может, во-первых, способствовать решению внутренних задач Индии, во-вторых – сдерживанию роста китайского влияния. Основной проблемой является то, что на данный момент тратить значительные суммы на расширение влияния в регионе может только КНР. Сама Индия не обладает достаточными ресурсами для того, чтобы соперничать с Китаем, и ни один из других крупных игроков, заинтересованный в сдерживании Пекина, не готов инвестировать в масштабные региональные проекты. Это вынуждает Индию уделять основное внимание созданию сферы безопасности с опорой главным образом на собственные силы и расширению участия в любых инициативах, которые могут ей в этом помочь.

⁸⁹ Singh, A. India remains divided about AUKUS / <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/india-remains-divided-about- aukus>

⁹⁰ What Is The US-India 'Blue Dot Network' That Aims To Counter Chinese BRI Initiative? / <https://www.eurasiantimes.com/what-is-the-us-india-blue-dot-network-that-aims-to-counter-chinese-bri-initiative/>

⁹¹ Suri N., Sethi H. The I2U2: Where Geography and Economics Meet. ORF. Issue Brief. Issue No 618, February 2023 / <https://www.eurasiantimes.com/what-is-the-us-india-blue-dot-network-that-aims-to-counter-chinese-bri-initiative/>

⁹² India, US, Saudi Arabia, EU announce mega infrastructure deal to rival China's BRI: Why it's important / <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-us-saudi-arabia-eu-announce-mega-infrastructure-deal-to-rival-chinas-bri-why-its-important/articleshow/103529946.cms>; Ajit Doval is the man behind India's answer to China's Belt and Road Initiative / <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/ajit-doval-is-the-man-behind-indias-answer-to-chinas-belt-and-road-initiative/articleshow/103572843.cms>

Глава 7. Японский политический класс: меняющееся видение места страны в международном контексте

Более или менее детальное видение стратегии экономического и социального развития своей страны, ее позиционирования в системе международных отношений, включая такие аспекты, как политико-дипломатические, хозяйственные связи и обеспечение безопасности, является неременным атрибутом политического класса любой страны, претендующей на роль самодостаточного субъекта мирового развития. Для страны, которая, как современная Япония, видит себя членом привилегированного клуба наиболее развитых и богатых стран, одним из глобальных центров силы, выработка и постоянное переосмысление такого видения является одной из важнейших задач ее политической и интеллектуальной элиты. Чаще всего решение этой задачи принимает форму тех или иных концептуальных документов или деклараций, но важнее здесь факт поиска некоторого если не консенсуса, то доминирующего взгляда на свое место в глобальном контексте, причем не только в настоящем, но и в будущем. Соответственно, и японская элита в течение нескольких последних десятилетий прилагала немало усилий для того, чтобы определить место страны в меняющемся мире и обрисовать для себя перспективы его дальнейшей эволюции.

История вопроса и современный этап

Нынешний этап этого поиска имеет длительную предысторию. После унижающего военного поражения на завершающем этапе Второй мировой войны и длительного периода восстановления достойного места в глобальной иерархии экономической силы Япония в лице ее политического класса приложила немало усилий для формирования национальной стратегии на долгосрочную перспективу. Такая стратегия, нацеленная на стабильное укрепление совокупной мощи страны, была призвана обеспечить ей возможность играть роль по меньшей мере одной из ведущих, а возможно и ведущей азиатской державы на международной экономической и политической сцене. При этом избранная стратегия должна была обеспечить японскому обществу и его активной части не только достаточный для реализации этой задачи экономический рост, но и политическую стабильность, а также разумную степень защищенности от внешних угроз – как военных, так и технологических. При всех оговорках и ограничениях, связанных с историческими и геополитическими реальностями, именно такой комплексный подход к национальной стратегии на длительную перспективу был характерен для последних пяти-шести десятилетий, в течение которых происходила консолидация японской государственности в ее современном виде. Различные аспекты обеспечения национальной безопасности и условий для развития рассматривались как части стратегии реализации единой задачи повышения значимости Японии в мировой иерархии стран по уровню развития и совокупной мощи.

Вместе с тем соотношение различных сторон этой внутренне единой стратегии претерпевало изменения, а их качественное наполнение с течением времени эволюционировало и продолжает модифицироваться. Вплоть до начала нынешнего столетия главное место в видении пути развития Японии занимал экономический рост. Большая часть японской элиты полагала, что обеспечение политическими средствами ускоренного экономического прогресса является ключом к выживанию Японии как перспективной передовой страны, даже если это будет сопровождаться негативными последствиями для экологических, региональных и, возможно, социальных балансов внутри страны. Регулирование этих балансов, смягчение внутренних диспропорций и напряжений,

маргинализация антисистемных элементов и прочие задачи социально-политического характера занимали в стратегической повестке относительно скромное место. Отчасти в силу ограниченности ресурсов, которые могли бы быть направлены на решение этих вопросов, отчасти – в силу убеждения в том, что увеличение доходов через экономический рост является главным условием решения всех остальных вопросов, особенно в долгосрочной перспективе. Явно или неявно предполагалось, что рост доходов на всех уровнях сгладит имеющиеся противоречия быстрее и эффективнее, чем выстраивание сложных схем перераспределения ограниченных ресурсов между различными группами населения.

При этом характер и инструменты экономического роста виделись японской политической элите в традиционном для западного мира ключе. В основе политики роста должны лежать рыночные механизмы, дополненные государственным антициклическим регулированием; стимулирующая научно-техническая политика; развитие системы общего и профессионального образования; экономическая глобализация посредством участия в глобальных и региональных институтах и платформах для либерализации международной торговли и инвестиций.

Вместе с тем в рамках этого традиционного для западного экономического и идеологического мейнстрима набора задач происходила определенная эволюция системы приоритетов. А именно: вслед за соответствующими трендами в евроатлантическом центре мирового капитализма Япония также двигалась от приоритетности макроэкономической стабильности и селективной поддержки отдельных отраслей (*сангё сэйсаку, industrial policy*), к стимулированию ресурсного, инфраструктурного и иного обеспечения инноваций, выполняющих роль драйвера экономического роста. Необходимость поддержки технологических, организационных и поведенческих инноваций, способных стать новыми точками роста экономики, к началу текущего столетия стала своего рода мантрой для японских правительственных идеологов, заполнивших ею официальные программы развития и их презентации населению. Через их призму официальные стратегии в средне- и долгосрочной перспективе видели путь не только к повышению экономического и социального благосостояния общества, но и к сохранению и улучшению положения Японии на мировой лестнице богатства и силы.

В рамках такой эволюции акцентов было объявлено о переходе страны от индустриального к постиндустриальному хозяйственному укладу, в рамках которого материальные факторы производства уступают ведущую роль нематериальным, формирующим в новых условиях все большую часть совокупной добавленной стоимости («софтизация» экономики). Этим, в частности, объяснялся перенос акцента от стимулирования сложных отраслей обрабатывающей промышленности к общему улучшению использования нынешних и будущих человеческих ресурсов и накоплению интеллектуальных активов.

Следующей ступенью экономического развития должно было стать «постинформационное» общество (или «общество 5.0», как оно именуется в японских правительственных программных документах последнего десятилетия) – симбиоз физической и виртуальной реальности, обеспечивающий слияние воедино потребления и производства. Предположительно выход экономики на «постинформационный» этап с его новыми драйверами в виде искусственного интеллекта, «интернета вещей» и перемещения взаимодействия между потребителем и производителем в виртуальную плоскость должен был снять ограничения развития, происходящие из структурного дефицита трудовых ресурсов; из проблем, сопутствующих росту энергопотребления, и экологических ограничителей. При этом общий и во-многом абстрактный характер концепции будущего «постинформационного» общества избавлял официальных идеологов от необходимости детально прописывать обязывающие количественные и качественные ориентиры для текущей политики.

Другой мантрой, неизменно присутствовавшей в экономическом мышлении японской элиты начиная с 1990-х годов, была «глобализация» и ее предполагаемое благотворное влияние на перспективы развития. Под этим термином подразумевался постоянный процесс последовательного увеличения и усложнения трансграничных экономических связей в форме потоков товаров, услуг, капиталов и технологий, а также формирование на этой основе региональных и глобальных торгово-производственных цепочек создания и реализации добавленной стоимости (*value chains*). Условием и методом придания цепочкам создания стоимости международного масштаба виделась последовательная либерализация режима международной торговли и инвестиций на основе согласованных общих стандартов и правил. Достижению этой цели должно было способствовать формирование сети многосторонних платформ и институтов регионального и глобального характера, призванных формулировать и обеспечивать имплементацию этих стандартов и правил, без которых наращивание трансграничных инвестиций и иной трансграничной активности в долгосрочной перспективе не может быть устойчивым и успешным.

Согласование общих правил в качестве частной задачи включало в себя снижение таможенных и административных барьеров для трансграничной миграции продуктов и факторов производства, что, согласно основам экономической теории, должно иметь следствием рост общей эффективности использования ресурсов и создание более благоприятных условий для глобального экономического роста. То есть количественное и качественное укрепление мирохозяйственных связей, а также создание необходимой для этого институциональной инфраструктуры рассматривались как ключ к развитию и прогрессу не только на глобальном, но и на национальном уровне.

Являющаяся продуктом мэйнстрима западной экономической мысли, концепция развития через глобализацию получила горячую поддержку международной бюрократии и, в значительной степени, правительственных ведомств в большинстве развитых стран, став для них своего рода официальной доктриной. Обросшая стараниями академических сообществ соответствующими идеологическими аргументами и клише, она получала одобрение и на многостороннем политическом уровне – в заявлениях и документах «Большой семерки», разнообразных форумов и встреч высокого уровня, в частности глав финансовых и дипломатических ведомств. Вплоть до середины 2010-х годов движение в этом направлении считалось магистральным путем мирового экономического и социального развития, а его идеологическое обеспечение – задачей глобальной политической элиты.

Соответственно, и японский политический класс, во всяком случае публично – в своих документах и нарративах, ориентированных на широкую аудиторию, – придерживался именно такой ориентации.

Действительно, документы программного характера, датируемые серединой и, во многих случаях, концом 2010-х годов⁹³, явно (а в еще большей степени – неявно) исходили из того, что основные направления развития Японии как общества и экономики тесно связаны с глобализацией и усилением роли многосторонних институтов. В них будущая Япония представала как всесторонне интегрированная в мировые институты развитая страна с высоким уровнем жизни, тесно связанная с внешними партнерами бесчисленными

⁹³ Это, в частности, ставшая своего рода политическим манифестом премьерства С. Абэ «Стратегия ревитализации Японии», дважды обновлявшаяся уже в первые годы после ее публичной презентации, «Стратегия инвестиций будущего» в версиях 2017 и 2018 гг., «План реализации стратегии роста», также подвергавшийся уточнению и частичной ревизии после его первого утверждения в 2019 г., пятилетний «Базовый план развития науки, технологий и инноваций» 2016 г. и 2021 г., программа «Долгосрочное видение создания региональной среды, населения и рабочих мест» и принятая на его основе «Комплексная стратегия создания региональной среды, населения и рабочих мест», ряд других документов. Все они, однако, содержат в себе ряд «сквозных» положений – каркас новых представлений о векторе будущего развития и об инструментарии, который предполагается использовать, чтобы стимулировать и удерживать это развитие в рамках желаемого коридора.

производственными цепочками («цепочками стоимости»), переплетением капиталов и общими стандартами и нормами – как юридически оформленными, так и фактически господствующими на практике. Роль Японии в развитом мире и в глобальном аспекте, измеряемая долей в ключевых количественных параметрах либо в качественных оценках, виделась в этих документах как растущая, но в содержательном плане она укладывалась в преобладающие глобальные тенденции.

Отсюда и содержание стратегической повестки, которая была практически неотличима от западного мейнстрима. В международном аспекте – это «либеральный» миропорядок; сохранение и укрепление американоцентричной системы союзов и партнерств; «ценностная» дипломатия, мультилатерализм и развитие региональных платформ международной кооперации, ослабление административных барьеров и унификация стандартов (в широком смысле слова) в интересах развития трансграничных экономических связей. Во внутреннем плане – это поощрение инноваций как двигателя экономического роста, технологическая революция как способ решения социальных проблем и гармонизации общественных отношений, снятие угроз для окружающей среды через «зеленую» экономику, альтернативную энергетику, «декарбонизацию», и т.д., и все это – в рамках глобально скоординированных усилий и стратегий. Национальная специфика проявлялась главным образом в расстановке акцентов, и прежде всего в особой значимости демографической повестки – вопросов снижения рождаемости, повышения доли старших возрастных групп в половозрастной структуре населения и сопутствующих социальных проблем, возникающих дисбалансов на рынке трудовых ресурсов, и т.д. Другой специфической японской особенностью, проявившейся в последние десятилетия, стало повышенное внимание к проблеме сохранения жизнеспособности экономики «регионов» – зон, не вошедших в орбиту крупнейших мегаполисов и стоящих перед угрозой угасания хозяйственной активности и депопуляции. В целом же мысль правительственных стратегов в отношении будущего экономической политики и практики в Японии достаточно полно укладывалась в рамки, задававшиеся западным идеолого-политическим мейнстримом.

Что же касается стратегии обеспечения безопасности, то в силу действия ряда факторов, связанных с историческими и политическими обстоятельствами, ее формулирование вплоть до относительно недавнего времени было прерогативой военного ведомства, которое, в свою очередь, исходило из реалий японо-американского договора безопасности и его безальтернативности в имеющихся политических и экономических условиях. Одной из таких реалий являлось и то, что для США военный союз с Японией является лишь частью, хотя и достаточно весомой, системы зарубежного вооруженного присутствия, союзов и партнерств, и в этом смысле общие рамки курса Японии в сфере военной безопасности задаются стратегическим видением соответствующих вопросов в Вашингтоне. Положение о том, что японо-американский альянс (а по существу – серьезная зависимость от текущей и долгосрочной политики дипломатического и оборонного ведомств США) является важнейшим составным элементом стратегии отношений с внешним миром в этой области, являлось (и продолжает являться) для японского оборонного ведомства аксиоматичным. Соответствующее положение неизменно присутствует в ежегодных официальных «Белых книгах» министерства обороны, а также в среднесрочных программных документах этого ведомства⁹⁴. Естественно, и политические документы, трактующие понятие национальной безопасности и излагающие подходы к ее обеспечению, в первую очередь впервые принятая правительством в 2013 г. и существенно обновленная в 2022 г. «Стратегия обеспечения национальной безопасности», также

⁹⁴ Документ под названием «Основные направления оборонного планирования» (на японском языке оно звучит как *бэй кэйкаку тайко*) в 2010-е годы принимался с плавающим интервалом (в 2010 г., 2013 г. и 2018 г.) в качестве основания среднесрочных планов закупок продукции для японского оборонного ведомства. В 2022 г. он получил новое название – «Стратегия национальной обороны» (*кокка бэй сэнряку*).

неизменно содержали отсылки к «договору безопасности» и альянсу с США как к «основе» («краеугольному камню») обеспечения безопасности страны⁹⁵.

Другой особенностью, органично вытекающей из первой, было то, что японские политики и чиновники, отвечающие за поддержание рамок деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности, в том числе активности военного ведомства, всячески принижали возможности и амбиции страны в отношении автономного от США военного строительства. Даже тема ревизии законодательства, включая конституцию страны, с целью большей легитимации и расширения возможностей национальных вооруженных сил в форме «Сил самообороны» подавалась в публичном поле предельно аккуратно и с множеством оговорок.

Вместе с тем движение в сторону расширения возможностей Японии осуществлять военное строительство начало просматриваться еще в 1990-е годы, а с наступлением нового столетия доктрина обеспечения военной безопасности постепенно стала приводиться в соответствие с закреплявшимся в сознании японских консерваторов тезисом о необходимости «превращения Японии в нормальную страну». За этим внешне бесспорным тезисом стояло (и продолжает стоять) стремление избавиться от ограничений и самоограничений в сфере военного строительства и военной политики, которые были наложены на Японию в результате ее поражения во Второй мировой войне и последовавшей за ним смены ее политического режима по распоряжению военной администрации США как страны-победительницы. Среди этих ограничений – отказ от создания вооруженных сил, способных вести боевые операции за пределами Японии, от их оснащения наступательными видами вооружений, от экспорта вооружений, а также от наращивания военных расходов сверх определенных показателей (долгое время одним из таких показателей служил порог в 1% ВВП страны).

Инструментом преодоления этих ограничений служил периодический пересмотр трактовок и технических параметров соответствующих принципов, которые заново «уточнялись» и реинтерпретировались, с тем чтобы вывести отдельные виды деятельности или связанные с ними расходы из-под ранее установленных запретов. Наиболее заметными вехами на этом пути в 2010-е годы были: фиксация в официальных документах «права на коллективную оборону», подразумевавшего возможность ведения боевых действий за пределами территории Японии в составе союзных сил, выполняющих связанные с ее обороной задачи; участие японских подразделений в миротворческих операциях за рубежом при выполнении определенных условий, а также их участие в международных военных учениях, в первую очередь морских.

Последние годы, однако, внесли в общественное сознание и политическую практику в Японии целый ряд новых моментов на всех обозначенных направлениях.

Эволюция взглядов на развитие и глобальный экономический порядок

В первую очередь, это относится к господствовавшим в японском политическом классе представлениям о будущем глобального экономического порядка, которые оказываются все более нерелевантными в современных условиях. Тенденции, начавшие разворачиваться со второй половины 2010-х годов, нанесли по этим представлениям большой удар. Вначале произошел отход американского политического класса от приверженности либерализации международной торговли и инвестиций на многосторонней основе, что выразилось в утрате интереса к участию в деятельности соответствующих институтов – от Транстихоокеанского партнерства до проектов аналогичной

⁹⁵ Кокка андзэн хосё сэнряку: [Стратегия обеспечения национальной безопасности]. С.18 / <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-j.pdf> (дата обращения 20.02.2023).

трансатлантической платформы (Transatlantic Trade and Investment Partnership, ТТИР) и существующих глобальных институтов (ВТО и ее структуры).

Хотя первые решительные шаги, свидетельствовавшие об отказе подчинять свои действия многосторонним институтам и выработанным ими соглашениям были сделаны администрацией Дональда Трампа (2017–2020 гг.), они в целом отражали уже сложившийся к тому времени двухпартийный консенсус и новое понимание глобализации, исключавшее возможность добровольного отказа от внешнеторгового суверенитета в пользу каких бы то ни было наднациональных институтов. Параллельно в американской политической среде очевидно оживились протекционистские настроения – готовность использовать административные ограничения импорта товаров и экспорта капитала во имя предполагаемого сохранения в США рабочих мест в обрабатывающей промышленности. Это, безусловно, противоречило прежнему, каноническому пониманию глобализации и ее необходимости, но оправдывалось соображениями базовых экономических интересов страны.

В дальнейшем протекционистские практики получили новое формальное обоснование в виде заботы об экономической и политической безопасности. Вначале это была обеспокоенность нарушением логистических и производственных цепочек в связи с введшимися во время пандемии запретами и ограничениями, затем – рост международной напряженности и тревога по поводу растущего экономического присутствия Китая, в котором США и, в меньшей степени, Европа видят главного соперника-конкурента и геополитического оппонента. В том, что касается последнего, акцент делается не столько на ограничение импорта, сколько на блокирование передачи и утечек в КНР передовых технологий, способствующих увеличению ее технического, экспортного и военного потенциалов. Однако и традиционные, классические протекционистские практики типа повышенных импортных тарифов и административных ограничений входа на рынки также стали применяться в отношении китайских компаний достаточно широко. С подачи Д. Трампа основанием для усиления этих практик служили обвинения в нечестной конкуренции и поддержке китайских компаний государством и его ведомствами по политическим мотивам.

Аргументы из сферы национальной безопасности, включая обвинения в промышленном и военном шпионаже, а также подконтрольности авторитарному государству, помогли сформировать негативное отношение к участию в глобализации компаний из КНР и других «недружественных» стран и, косвенным образом, к экономической глобализации вообще – по крайней мере, на современном историческом этапе. Дополнительным элементом в эту общую конструкцию легли новые ограничения на связи с Россией на фоне «украинского» кризиса и общей деградации отношений между Россией и Западом – в частности, в виде официальных экономических санкций и инициативных отказов и бойкотов на уровне компаний. Идея «вовлечения» (engagement) максимально возможного числа стран и экономик в общую сеть взаимоотношений уступила место концепциям локализации производства на своей территории (решоринг) или в узкой группе стран-политических союзников (френдшоринг), а на географию потоков капитала и технологий накладывались не только практические, но и теоретические ограничения в виде произвольно определяемого круга допустимых партнеров. В любом случае это если и не ставило крест на прежней доктрине развития через глобализацию, то во всяком случае существенно ограничивало ее логику, поскольку оптимизация распределения звеньев с целью минимизации издержек и максимизации производительности теперь заменялась административным регулированием, мотивируемым соображениями политической конкуренции и безопасности. Попытки же спасти идею глобализации посредством ограничения ее сферы кругом «нечувствительных» или «нестратегических» отраслей либо условным «свободным миром» оказались неубедительны – хотя бы уже в силу размытости и подвижности соответствующих границ. Сторонники идеи глобализации были вынуждены

уступить место адептам концепции защиты национальных интересов и противодействия враждебным силам и субъектам с использованием всего арсенала политических и административных, а то и силовых мер. Фрагментация мирохозяйственных связей стала одновременно и фактом, и идеологической догмой, и тенденцией на достаточно длительную историческую перспективу.

Все это не могло не сказаться на представлениях японской элиты о будущем курсе экономического развития страны и ее позиционировании в рамках мирового хозяйства, а также в регионе, в котором сосредоточены ее основные интересы и международная активность. В первую очередь, конечно, это нашло отражение в практической плоскости – в приоритетах экономической политики правительства. Первые признаки смены этих приоритетов угадывались еще в 2020–2021 гг., когда прежняя официальная повестка этой политики была вынужденно скорректирована пандемией. Дезорганизация торговых и логистических цепочек, в первую очередь тех из них, что были завязаны на Китай, в результате локдаунов и административного регулирования поставок некоторых товаров, критически важных для борьбы с инфекционным заболеванием, заставила правительство Японии снизить активность по продвижению либерализации международных связей и поднять вопрос о локализации цепочек стоимости в ряде отраслей, хотя на первых порах соответствующие меры трактовались как чрезвычайные и краткосрочные. Вопрос о наличии альтернатив поставкам из КНР, власти которых с началом эпидемии стали широко прибегать к экстраординарным ограничениям на экспорт и на производственную активность, прочно вошел в японскую политическую повестку. Одновременно работа над новыми двусторонними и многосторонними торговыми и торгово-инвестиционными соглашениями была фактически поставлена на паузу, прерывать которую не спешил никто.

Однако в полной мере переосмысление ситуации произошло после того, как в кресле премьер-министра оказался новый лидер правящей партии Фумио Кисида. Уже первые публичные высказывания Ф. Кисиды характеризовались отсутствием прежних клише о важности либерализации международной торговли и инвестиций и о ключевой благотворной роли глобализации как двигателя развития. В тех случаях, когда новый премьер в своих высказываниях отходил от вопросов текущей политики, в частности от борьбы с последствиями эпидемии ковида и внешних ценовых шоков, он предпочитал развивать тему необходимости «нового капитализма», суть которого, по его словам, заключается в более равномерном и «справедливом» распределении плодов экономического развития и в большей социальной роли и ответственности бизнеса. Несмотря на то, что никаких реальных крупных шагов в этом направлении, во всяком случае на первом этапе, предпринято не было, было очевидно, что будущая модель мирового экономического развития видится ему иначе, чем это было изложено в программных документах 2010-х годов. Во всяком случае, предстояла определенная коррекция прежних представлений о желаемой экономической стратегии в свете, согласно его собственной формулировке, «грандиозной трансформации либерального демократического общества»⁹⁶.

Действительно, в официальных документах 2022–2023 гг. уже нашли отражения следующие примечательные моменты. Прежде всего, вместо обещаний всемерного поощрения расширения международных торгово-инвестиционных связей и продвижения либерализации их режима говорится о *приоритете «устойчивости» и безопасности национальной экономики*, в первую очередь в отношении неблагоприятных внешних факторов. Это не означает, что прежняя повестка вообще исчезла из японского официоза – все прежние идеологемы по-прежнему в той или иной степени находят в ней отражение, но они лишились приоритетности звучания и конкретного наполнения на близкую перспективу. Напротив, мотивы обеспечения безопасности, защиты и страховки от

⁹⁶ World Economic Forum. Special Address by Kishida Fumio, Prime Minister of Japan <https://www.weforum.org/agenda/2022/01/japan-new-form-of-capitalism-revive-economy/> (дата обращения: 06.12.2022).

неблагоприятных внешних воздействий, как уже имеющих, так и будущих; тема увеличения возможностей и усиления способности экономики противостоять этим воздействиям, равно как и мер для устранения их последствий – все это присутствует в возрастающей степени и во все более конкретных формах.

Так, правительственный обзор перспектив экономики и экономической политики на 2023 фин. год и среднесрочную перспективу ставит задачу «придания структуре экономических связей устойчивости к внешним воздействиям», в том числе посредством реформирования хозяйственных цепочек и рещоризации компаний⁹⁷. Растущие риски, связанные с нестабильностью внешних условий, отмечаются в качестве главных угроз и в ежегодном правительственном докладе о состоянии экономики и государственных финансов Японии в 2022 г.⁹⁸ Речь при этом идет не только о нежелательной зависимости от импорта энергоресурсов (хотя она называется в числе главных вызовов), но и об уязвимости значительного числа отраслей с точки зрения стабильности поставок производственных компонентов из-за рубежа, в частности полупроводниковых элементов. В качестве производителей в зоне риска называются компании, работающие в транспортном, электротехническом и информационно-коммуникационном сегментах машиностроения.

Несмотря на то, что в официальных документах и сама проблема, и меры по ее нейтрализации формулируются достаточно аккуратно, без драматизации и политического заострения, публикации в СМИ говорят, скорее, о том, что тема приобрела большую значимость. В первую очередь это касается зависимости многих японских компаний от связей с КНР, отношения с которой все больше рассматриваются как элемент большого и, главное, обостряющегося геополитического противостояния, уклониться от которого Япония, скорее всего, не сможет. Однако и более общая постановка проблемы политико-экономической уязвимости перед лицом случайных или намеренных нарушений бесперебойного функционирования глобально интегрированной технологической среды звучит все чаще и с растущей озабоченностью. Поток публикаций в японских деловых изданиях, прямо или косвенно затрагивающих эту тему, в последние годы явно увеличился. При этом содержание этих публикаций не просто повторяет типичный для американских СМИ идеологизированный нарратив, а отражает специфически японские озабоченности возможными последствиями скачков цен на элементы критического импорта и угрозами осложнения доступа к некоторым из них, в частности редкоземельных элементов.

Другим новым моментом в философии и стратегии роста является *изменившийся взгляд на источники и движущие силы дальнейшего роста*. Если в предшествующее десятилетие таковыми считались главным образом прогресс технологий и связанные с ним инновации, которые должны были, по мысли правительственных стратегов, стимулировать и структурно видоизменять спрос, тем самым создавая условия для роста новых производств, то теперь надежды в большей мере возлагаются на преодоление застоя доходов экономических агентов. В цепочке взаимосвязей роста доходов, спроса и производства первые в возрастающей степени рассматриваются как ведущее и ключевое звено, нуждающееся в отдельном стимулировании со стороны государства.

В этом же новый премьер и его экономические советники видят способ окончательного преодоления дефляции и ее негативного влияния на экономическую динамику. Теперь считается, что ключ к решению этой проблемы лежит в плоскости стимулирования роста стоимости труда, что запустит позитивный цикл роста доходов,

⁹⁷ Рэйва 5-нэндо-но кэйдай митоси то кэйдай сэйсаку унэй-но кихонтэки тайдо: [Перспективы экономики в 2023 фин. г. и основные подходы к формированию экономической политики] <https://www5.cao.go.jp/keizai1/mitoshi/2022/r041222mitoshi.pdf> (дата обращения 06.12.2022).

⁹⁸ Рэйва 4-нэндо кэйдай дзайсэй нэнди хококу. Хито-э-но тоси-о гендорёку-то суру сэйтё-то бумпай-но кодзюнкэн дзицугэн-э. [Ежегодный доклад 2022 фин. г. о состоянии экономики и государственных финансов. К реализации позитивного взаимодействия роста на основе инвестиций в человека и отношений распределения] <https://www5.cao.go.jp/j-j/wp/wp-je22/22.html> (дата обращения 26.08.2023).

спроса и цен. Механизмом повышения стоимости труда видится, с одной стороны, давление на бизнес со стороны государства (в духе пропагандируемой Ф. Кисида концепции «нового капитализма» с ее упором на реформирование распределительных отношений). А с другой стороны – объективное повышение ценности имеющихся и будущих трудовых ресурсов через совершенствование профессионального обучения и постоянную переподготовку и гибкое обучение работников в течение всего срока их трудовой активности. Последнее получило теоретическое оформление в виде концепции «структурного повышения заработной платы» (по-японски «кодзотеки тинъагэ»), то есть повышение доходов труда как фактора производства через его структурное изменение в сторону большей ценности и производительности.

Наряду с ростом трудовых доходов фактором обеспечения стабильной позитивной динамики называется сохранение низких процентных ставок на финансовых рынках, а также компенсация уязвимым экономическим агентам резкого удорожания топлива и энергии в случае неблагоприятных ценовых скачков. Последние остаются в фокусе правительственной повестки и обрастают все новыми программами.

Налицо очевидный сдвиг в оценках относительной значимости краткосрочных внешних воздействий по сравнению с действием долгосрочных факторов: признается, что вред, наносимый резкими изменениями ситуации на внешних рынках, может быть не меньшим, а возможно и большим, чем влияние долгосрочных внутренних ресурсных ограничителей. При этом сами эти ограничители (демографические, технологические или финансовые) никуда не исчезают и требуют рассчитанных на длительную перспективу усилий властей по их нейтрализации в форме научно-технической и демографической политики.

Таким образом, в японской стратегии экономического роста наметился качественный сдвиг от технократического детерминизма и почти мистической веры в скорый приход «золотого века» высоких технологий к осознанию необходимости форсированного совершенствования исходных экономических ресурсов – количества и качества трудовых ресурсов, надежного снабжения энергией по относительно стабильным ценам, доступности и дешевизны финансовых ресурсов. При этом роль фактора новых технологий не исчезает, но воспринимается гораздо более реалистично, без иллюзий относительно механизма действия этого фактора и якобы присущих ему почти неограниченных возможностей.

Особенностью нынешнего премьеря является увязка соответствующих тем с его собственными политическими лозунгами («новый капитализм», «общество всеобщего участия», особая роль распределительных отношений и достойная компенсация каждому, примат социальных целей для бизнеса, и др.), но обозначенный сдвиг является более фундаментальным и выходит за рамки политических лозунгов момента. Есть все основания предположить, что на него не повлияют ни последующие перемены в текущей повестке, ни возможная смена лидера правящей партии.

Третьим новым моментом в стратегии роста является явный и, по-видимому, окончательный *отход от прежних критериев успешного развития*, которыми долгое время считались темпы роста ВВП, «здоровье» государственных финансов (то есть бездефицитность бюджета и снижающийся объем государственного долга) и ценовая стабильность. Целевые ориентиры по всем этим критериям сегодня ослаблены, а роль самих этих показателей – существенно понижена. Вместо этого на первый план вышли темы долгосрочной устойчивости, экологичности и «ответственности» развития. В частности, это выразилось в акцентировании таких задач, как увеличение продолжительности активной фазы жизни и повышение его качества, создание экологически чистой энергетики, строительство нового поколения инфраструктуры, стимулирование региональной экономики на базе местных ресурсов. Это, конечно, не может считаться японской спецификой – скорее, все это является отражением соответствующих тенденций в общезападных подходах. Однако при взгляде на японское публичное идеологическое

пространство в историческом аспекте трудно не увидеть явного и демонстративного смещения акцентов и фразеологии в соответствующем направлении.

При всей размытости новых критериев и ориентиров, которым порой трудно придать количественную форму, отказ от приоритетности прежних имеет большие практические следствия. Прежде всего, это позволяет избежать негативной или хотя бы приниженной оценки последнего десятилетия – условно говоря, «эпохи Абэ». Действительно, эта эпоха начиналась с обещания «ревитализации» Японии и ее экономики на горизонте 5–7 лет через повышение темпов роста ВВП до 2–3% (после предшествующих десятилетий околонулевого роста), масштабного увеличения бюджетных доходов, сбалансирования государственного бюджета и прекращения роста государственного долга⁹⁹, но все названные ориентиры оказались недостижимыми. Признание их сегодня малосущественными или нерелевантными снимает негативный привкус с наследия, полученного нынешним лидером правящей партии, позволяя представить его как веху на пути к нынешнему магистральному пути развития. Более того, это позволяет японской элите значительно повысить самооценку себя как класса и своей страны как элемента глобального сообщества, поскольку сравнительно низкие количественные темпы роста оказываются вполне совместимы с важной и даже растущей ролью Японии как части богатого и преуспевающего «западного сообщества», идеологически и технологически идущего, согласно господствующему в обществе нарративу, в авангарде мирового развития. В какой-то мере это даже снимает прежнюю озабоченность, связанную с растущим отставанием Японии от Китая по совокупному объему ВВП: в условиях, когда ВВП перестает быть фетишем, место страны в мировой иерархии богатства и силы уже не измеряется лишь этим показателем, а определяется совокупностью факторов, в рамках которых абсолютные размеры текущей хозяйственной активности, не говоря уже об их динамике, перестают быть довлеющим элементом. Большее значение, в частности, приобретает накопленное богатство с учетом его качественного наполнения – способности служить воспроизводству ресурсов и факторов развития, породить стимулы и возможности для структурных сдвигов в сторону усложнения и повышения адаптивности экономики, роста и совершенствования ее интеллектуальной составляющей¹⁰⁰.

Япония в региональном и глобальном политическом контексте: новые акценты

Однако перемены в сознании властной команды и японского политического класса в целом не ограничиваются вопросами стратегии экономического развития. Не меньшую, а вполне вероятно, что и большую значимость приобретают меняющиеся представления о новой внешнеполитической роли Японии и ее места в международной активности в сфере безопасности – как военной, так и комплексной.

⁹⁹ Программный документ первого правительства С. Абэ, озаглавленный «Стратегия ревитализации (возрождения) Японии: Япония возвращается», главной задачей на предстоящие десять лет называл повышение среднегодовых темпов прироста ВВП в реальном выражении как минимум до 2%, а номинальных доходов домохозяйств на душу населения – до 3%. Объем ВВП в текущих ценах должен был достичь рубежа 600 трлн иен, а валовый доход на душу населения – 1,5 млн иен (Нихон сайко сэньяку – JAPAN is BACK: [Стратегия ревитализации Японии]. P.2 / http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/saikou_jpn.pdf (дата обращения 20.03.2022).

¹⁰⁰ Так, принятые кабинетом министров в 2017–2018 гг. программные документы под названием «Стратегии инвестиций будущего» настаивают на том, что место Японии в будущей мировой иерархии богатства, силы и влияния будет функцией не размера ВВП или накопленного материального капитала, а высококачественных интеллектуальных активов, грамотно позиционированных в глобальном политико-экономическом пространстве. Сами же эти активы являются результатом инновационной активности фирм и отдельных индивидов, наиболее «продвинутых» с точки зрения возможности использования новых технологий производства и управления для рыночных инноваций.

Во-первых, это относится к *самооценке Японии как субъекта политических и военно-политических отношений в международном измерении*. Изменения в этой оценке назревали давно и постепенно, но в последние годы они проступили особенно явственно. Если в начале 2010-х годов японские консервативные политики говорили о превращении Японии в «нормальную страну» как о задаче на будущее, имея в виду избавление ее от несвойственных «нормальной» стране частью добровольных, а частью и вынужденных самоограничений в военном строительстве и международной военной активности, то в последние годы психологически эти самоограничения уже можно считать ушедшими из их сознания. Япония уже сейчас по умолчанию считается правомочной самостоятельно обеспечивать безопасность страны в том виде и в тех формах, которые она сама считает для себя необходимыми и уместными, несмотря на возражения стран, пострадавших от действий Японии в период Второй мировой войны и предшествующие периоды. Японские политики полагают, что современная ситуация позволяет в большей мере, чем прежде, использовать экономические и технологические возможности страны для наращивания потенциала комплексного, в том числе военного противодействия факторам, рассматриваемых ею как угроза безопасности.

Во-вторых, меняется, пусть пока и в нюансах, *отношение к такому «краеугольному камню» японской стратегии военной безопасности, как делегирование значительной части функций и задач в этой области США как старшему партнеру в рамках японо-американского «альянса безопасности»*. Отдавая дань традиционным тезисам о важности включенности Японии в систему союзов и партнерств, созданных Соединенными Штатами как «лидером демократического мира», нынешние японские политики и в бюрократическом, и в сущностном плане переносят акцент на то, что обеспечение внешней безопасности является легитимной функцией и обязанностью японского государства, которое может и должно делегировать эту функцию внешним акторам лишь в той степени, в которой это отвечает национальным интересам¹⁰¹.

В-третьих, за последние годы в сознании японского политического класса укрепилось убеждение, что прежняя, узкая трактовка задач безопасности, сводившаяся к защите территории страны от внешней вооруженной агрессии, более не соответствует ситуации. Сегодня официальные лица свободно обсуждают вопросы региональной военной безопасности на международных площадках и говорят о необходимости активного участия Японии в многосторонних действиях на этом направлении, исходя из понимания, что интересы безопасности сегодняшней Японии не могут ограничиваться ее собственной территорией. Вехами на этом пути стали активное внедрение в общественный дискурс расширительного понимания понятия «права на коллективную оборону»; легитимности возможных действий Японии, включая использование ее вооруженных сил, в интересах союзников; создание потенциала «встречных ударов» (хангэки, counterstrike) по территории потенциальных источников угроз. При том, что обсуждение этих тем на официальном уровне всегда сопровождается техническими и политическими оговорками, сам факт активного обсуждения этих тем говорит о том, что от прежнего представления о вынужденно скромной роли Японии в текущей и будущей региональной военно-политической активности ее элита практически отказалась. Рост конфликтности в международных отношениях в последние годы, наиболее очевидными проявлениями которого стали украинский кризис и нарастание напряженности в американо-китайских отношениях, облегчил и закрепил названный сдвиг в японском общественном сознании. Более того, ожидаемый дальнейший рост конфликтности, масштаба и остроты противостояний на глобальном и региональном уровнях, как представляется, окончательно

¹⁰¹ В «Стратегии обеспечения национальной безопасности» этот тезис формулируется следующим образом: «В итоге, гарантией национальной безопасности нашей страны, обеспечивающей предотвращение угроз, а в случае их возникновения – их ликвидацию, является ее способность к обороне. Мы будем неуклонно наращивать эту способность». См.: Кокка андзэн хосэ сэнряку: [Стратегия обеспечения национальной безопасности]. С.15 .

вытесняет на периферию сознания политически активной части населения пацифистские и изоляционистские настроения, долгое время ощутимо влиявшие на официальную политику¹⁰².

В-четвертых, само *понятие национальной безопасности в возрастающей степени трактуется более широко и нюансированно*. Военная безопасность рассматривается как всего лишь часть этого понятия, причем тенденция состоит в том, что к этой категории причисляются все новые аспекты обеспечения нормальной жизнедеятельности населения и экономики. Это можно, в частности, проследить на примере трактовки этого понятия в главном официальном документе этого профиля – «Стратегии обеспечения национальной безопасности». Версия этого документа 2013 г.¹⁰³, в сравнении с документом-предшественником¹⁰⁴, включила в число главных вызовов террористические угрозы различного характера, а также такие материи, слабо связанные, согласно прежним представлениям, с национальной безопасностью, как бедность и неравенство на глобальном уровне, проблемы эпидемиологической и продовольственной безопасности, климатические и иные природные изменения, экологические и техногенные катастрофы в различных частях мира, а также сопутствующие им гуманитарные кризисы.

Как вызов стабильности и безопасности страны трактуется также рост экономического и ресурсного национализма в современном мире, который, как утверждается, ставит под угрозу функционирование глобальных производственных и сбытовых цепочек, а значит – и устойчивое функционирование экономики и систем жизнеобеспечения в Японии. Отдельно упоминается кризис системы международного торгового регулирования, в которой, как утверждается, накапливаются противоречия и нарастают попытки отказаться от уже действующих норм и правил, что угрожает дестабилизировать критически важную для Японии институциональную инфраструктуру глобального товарообмена.

Новая версия того же документа, принятая в 2022 г.¹⁰⁵, идет еще дальше и фактически распространяет понятие национальной безопасности на реальное или потенциальное воздействие любых факторов, нарушающих или способных нарушить стабильность окружающей Японию среды на региональном или глобальном уровнях. Список идентифицируемых документом угроз безопасности расширяется до огромных размеров, а постановка задач приобретает характер описания общего видения политики нынешнего и будущих кабинетов. Другими словами, теперь практически любые шаги японского правительства, нацеленные, хотя бы формально, на решение тех или иных глобальных или региональных проблем, рассматриваются в качестве деятельности, направленной на обеспечение национальной безопасности. А сама Япония, соответственно, видится не только авторам документа, но и, очевидно, политической элите в целом, гораздо более значимым субъектом существующего миропорядка, чем было принято полагать еще десять-пятнадцать лет назад. Это относится не только к экономико-технологическим, но и к политическим и даже идеологическим аспектам глобального пейзажа.

¹⁰² Это влияние проявлялось, в частности, и в том, что японские политики и гражданские бюрократы, формально или фактически представлявшие миру официальную позицию по проблемам внешней безопасности, предпочитали избегать демонстративных заявлений и словесных формулировок, которые могли бы дать повод для обвинений в возрождении в стране милитаристского сознания и стремления к военно-стратегическому доминированию в Восточной Азии. Более того, даже в непубличном поле неосторожные высказывания на эту тему могли иметь для публичных фигур неприятные практические последствия.

¹⁰³ Кокка андзэн хосё сэнряку: [Стратегия обеспечения национальной безопасности]. <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-j.pdf> (дата обращения 20.03.2021).

¹⁰⁴ Таковым можно считать принятые в 1957 г. «Основные направления оборонной политики», считавшиеся главным документом, излагающим основы государственной политики в этой области.

¹⁰⁵ Кокка андзэн хосё сэнряку. Рэйва 4-нэн 12-гацу: [Стратегия обеспечения национальной безопасности. Декабрь 2022 г.] <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-j.pdf>

Конечно, упоминание столь широкого спектра прямых и косвенных вызовов мировому экономическому порядку имеет во многом ритуальный характер. В значительной степени авторы документа отдают дань наиболее популярным темам в общественной повестке, реагируя на реальные и мнимые озабоченности глобальной бюрократической и интеллектуальной элиты. Тем не менее, включение подобной тематики в документ со столь серьезным и обязывающим названием говорит о растущем понимании необходимости пусть и постепенно, но выходить за рамки узкого восприятия национальной безопасности как защиты от иностранного вооруженного вторжения или нарушения жизненно важных коммуникаций. В частности, очевидно, что возможность дестабилизации мировой экономики уже сейчас всерьез рассматривается как угроза безопасности Японии, способная вызвать ничуть не менее серьезные последствия для нормальной жизнедеятельности населения и функционирования государства, чем вооруженный конфликт на его границах. И несмотря на то, что это понимание пока, в основном, не выходит за рамки словесных конструкций, в дальнейшем вероятно ожидать от японского правительства практических мер для реальной или мнимой защиты от возможных дисфункций существующей мировой экономической системы.

Глава 8. Корейский полуостров в условиях новой реальности

В индо-тихоокеанскую эру два корейских государства вступают порознь, независимо друг от друга. Они идут разными, порой диаметрально противоположными путями, по-разному определяют свои стратегические цели и задачи; те роли, на которые они претендуют в новом региональном порядке, находящемся в процессе становления.

Южная Корея по своему комплексному потенциалу, возможностям использовать «мягкую силу» для продвижения национальных интересов выдвигается на место державы средней величины (*middle power*). Она претендует на то, чтобы стать крупным региональным игроком, способным влиять на международные расклады и даже вносить свой вклад в определение «правил игры», участвуя в строительстве региональных институтов.

Северная Корея, напротив, остановилась в развитии и уходит в международную изоляцию, консервируя те практики и порядки, которые сложились и были установлены, по сути, еще в шестидесятые и семидесятые годы прошлого века. Не имея возможности не только догнать РК, но даже и приблизиться к уровню развития, достигнутому южным соседом, Пхеньян стремится к самоутверждению в качестве военной державы, ищет свою идентичность через обладание мощным ракетно-ядерным потенциалом. Последовательные шаги в этом направлении привели к созданию Северной Кореей опасных вооружений, которые теперь не только представляют угрозу для соседних стран, но и способны серьезно дестабилизировать региональную военно-политическую обстановку.

Конфронтационная политика КНДР в последние годы становится одним из главных факторов роста напряженности на Корейском полуострове, что выражается в свертывании межкорейского диалога и сотрудничества, обострении конфронтации между Севером и Югом Кореи. После ряда взаимных усилий, предпринятых сторонами в 2018 г. с целью «наведения мостов», в последний период эти отношения откатились далеко назад, и риск военного столкновения между ними не может быть полностью исключен.

Ядерная проблема КНДР и ее влияние на региональную ситуацию

Во внутренней жизни КНДР в последние годы происходил откат к прежним социальным и экономическим реалиям и практикам, сложившимся еще в конце прошлого века.

Следует сказать, что вскоре после своего прихода к государственной власти в конце 2011 г. Ким Чен Ын осуществил ряд важных нововведений, которые предусматривали снятие многих ограничений для частной трудовой деятельности, повышение самостоятельности госпредприятий и поощрение рыночной торговли. Это позволило несколько оживить экономическую жизнь в стране, облегчить социальное положение население. Курс на консервативную модернизацию в рамках «социализма корейского образца» и повышение благосостояния населения стал важной составляющей экономической политики властей. В своих первых публичных выступлениях новый северокорейский руководитель декларировал, что народу больше никогда не придется жить, «затягивая пояса».

О серьезности намерений Пхеньяна идти по пути развития свидетельствовали также планы создания в стране целого ряда специальных экономических зон («парков экономического развития») для привлечения инвестиций, технологий из других стран, в первую очередь Южной Кореи. По сути дела, речь шла о перспективе закладки и сосуществования «двухконтурной» экономики, при которой «внешняя» (рыночная, основанная на интеграции в региональные хозяйственные связи) могла бы способствовать получению передового опыта, накормить страну и обеспечить ее развитие.

Вместе с тем, с самого начала эти шаги оказались слишком робкими и недостаточно последовательными, чтобы принести осязаемый положительный результат. Кроме того, стратегия государственного развития оказалась внутренне противоречивой, поскольку в нее были заложены несовместимые цели и задачи, что в итоге привело к появлению серьезных проблем. Как вскоре выяснилось, планы гражданского экономического строительства оказались подчиненной, второстепенной задачей, в то время как на первое место выдвинулись цели форсированного наращивания военного потенциала.

В марте 2013 г. пленум ЦК Трудовой партии Кореи по настоянию Ким Чен Ына утвердил курс на параллельное развитие экономики и укрепление военного ядерного потенциала. Северокорейский лидер объяснял необходимость этой меры осложнением международной обстановки и опасностью «военного вторжения» в страну извне. На состоявшейся в апреле того же года сессии Верховного народного собрания был принят закон «Об обладании ядерным оружием в целях самообороны». В нем подтверждалось, что КНДР не откажется от ядерного оружия, которое является «условием выживания страны», и будет форсировать его производство¹⁰⁶.

Мотивы, побудившие руководство КНДР к переводу экономики на военные рельсы, до сих пор не вполне понятны. Тем более в условиях, когда страна декларировала задачи развития внешнеэкономических связей и нуждалась в притоке иностранных инвестиций. Несмотря на традиционные трения с Южной Кореей, реального возрастания уровня внешних угроз в тот период не отмечалось. Кроме того, доставшийся Ким Чен Ыну в наследство от его предшественника ограниченный ракетно-ядерный и конвенциональный военный потенциал вполне позволял осуществлять функции сдерживания. Вполне возможно, что, действуя подобным образом, Пхеньян намеревался оказать давление на своих соседей, чтобы «стимулировать» их к большей кооперативности и предоставлению экономической помощи на более выгодных условиях.

Однако эффект оказался прямо противоположным ожидаемому. Чем дальше страна продвигалась по пути наращивания военного потенциала и проведения рискованных ракетно-ядерных тестов, тем жестче становилась позиция ключевых игроков. Россия, Китай и США оценили характер северокорейских военных программ как опасный и в 2016–2017 гг. провели через Совет Безопасности ООН серию резолюций, устанавливающих жесткие ограничения в отношении КНДР.

Попытки руководства Северной Кореи в последующий период, используя ядерную «карту», лавировать между диалогом и конфронтацией закончились безуспешно. В ходе двух саммитов КНДР–США вопрос был поставлен ребром: либо полная и верифицируемая денуклеаризация, либо сохранение санкций в полном объеме.

С начала 2020 г. КНДР вступила в полосу затяжного глубокого кризиса, который охватил все основные сферы. В одно время сошлись несколько негативных факторов, резко осложнивших социально-экономическую ситуацию. К секторальным международным санкциям, приведшим к резкому сокращению внешней торговли, добавились проблема нехватки продовольствия и беды, связанные с пандемией COVID-19. С целью предотвращения проникновения в страну вируса власти пошли на беспрецедентно жесткие меры, полностью блокировав внешние границы как для въезда в страну, так для экспортно-импортных операций. Внутри КНДР также был объявлен строжайший карантин.

По оценке КОТРА (Корейской ассоциации содействия развитию торговли), в 2020 г. внешний товарооборот КНДР сократился на 73,4% по сравнению с предыдущим годом – с

¹⁰⁶ Seventh Session of 12th SPA of DPRK Held // KCNA Watch. 2013, April 1 / <https://kcnawatch.org/newstream/1451900680189966020/seventh-session-of-12th-spa-of-dprk-held/> (дата обращения: 28.02.2023).

3,24 млрд долл. до 863 млн долл. При этом объем зарубежных грузоправлений снизился до уровня 89 млн долл.¹⁰⁷

По сути, единственным значимым внешнеторговым партнером КНДР оставалась КНР. Определенное потепление межкорейских отношений благодаря проведению трех саммитов между Севером и Югом в 2018 году не принесло Пхеньяну никаких ощутимых бонусов. Последний совместный проект – Кэсонский технопарк – был закрыт еще в 2016 г., а попытки президента РК Мун Чжэ Ина восстановить двустороннее торгово-экономическое сотрудничество закончились безрезультатно ввиду невозможности обойти установленный СБ ООН санкционный режим. Недовольный такой пассивностью Пхеньян фактически прервал коммуникации с Югом, взорвав в июне 2020 г. находившееся на его территории здание межкорейского офиса связи¹⁰⁸.

Несмотря на эти сложности Пхеньян, против всех ожиданий, не только не свернул свои ракетно-ядерные программы, но, напротив, взял курс на обострение, обнародовав новые амбициозные планы в этой области. В начале 2020 г. Ким Чен Ын объявил о формальном выходе КНДР из добровольного моратория на ядерные испытания и пуски баллистических ракет большой дальности, которого страна придерживалась с 2018 г. в соответствии с американо-северокорейскими договоренностями. На состоявшемся в январе 2021 г. съезде ТПК была поставлена задача закрепления ядерного статуса страны и принята долгосрочная масштабная программа совершенствования и наращивания ядерных вооружений и средств их доставки. В качестве приоритетной стратегической цели была анонсирована разработка таких систем вооружений, как «сверхкрупные» ядерные боеголовки; облегченные ядерные боеприпасы малой мощности тактического назначения; гиперзвуковые планирующие блоки; баллистические ракеты высокой точности с дальностью до 15 тыс. км; крылатые ракеты и БРПЛ. Была сделана заявка на то, что КНДР приступит к созданию разведывательных спутников и атомных подводных лодок-ракетоносцев¹⁰⁹.

Судя по всему, именно в этот период у руководства Северной Кореи сложилось представление о том, что использование ядерного и ракетного «козырей» – это игра «вдолгую». Фактически на съезде, а также в последующих решениях партийных и государственных органов была сформулирована линия на «лобовое» противостояние с США как главной экзистенциальной угрозой. При этом обладание ядерным оружием, в принципе позволяющим нанести удар не только по американским базам в Южной Корее, но и по континентальной части США, стало рассматриваться как единственная надежная гарантия безопасности, способная удержать противника от гипотетического вторжения. В дальнейшем следование Пхеньяна в русле этой линии неизбежно вело к обострению отношений, эскалации военной конфронтации на Корейском полуострове и вокруг него.

Развертывание проектов военного строительства и нацеленность на массовое производство дорогостоящих вооружений имели крупные негативные последствия для самой КНДР, поскольку легло тяжелым бременем на ослабленную санкциями экономику страны. Концентрация скудных ресурсов на задаче осуществления ракетно-ядерных программ лишала средств гражданскую экономику, создавая риски серьезных дисбалансов и перекосов, ведущих к «выгоранию» невоенных отраслей. Уже в своем выступлении на VIII съезде ТПК Ким Чен Ын вынужден был признать, что выполнение задач в области социально-экономического развития, заложенных в пятилетний план развития на

¹⁰⁷ North Korea's trade down 73.4 percent in 2020: KOTRA // Korea Times. 2021, July 29 / https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/07/103_312988.html (дата обращения: 01.03.2023).

¹⁰⁸ Chronology of major events leading to restoration of inter-Korean communication lines // Yonhap. 2021, July 27 / <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210727006800325> (дата обращения: 01.03.2023).

¹⁰⁹ On Report Made by Supreme Leader Kim Jong Un at 8th Congress of WPK // KCNA Watch. 2021, January 9 / <https://kcnawatch.org/newstream/1610155111-665078257/on-report-made-by-supreme-leader-kim-jong-un-at-8th-congress-of-wpk/> (дата обращения: 03.03.2023).

2016–2020 гг., было сорвано вследствие «многочисленных ошибок и упущений». В самой партии, по его словам, наблюдались пораженческие настроения и дух упадничества.

Одной из составляющих тяжелой внутренней ситуации остается острый хронический продовольственный кризис, связанный с неспособностью архаичной и отсталой сельскохозяйственной отрасли производить в достаточном количестве зерно и другие необходимые продукты питания. По оценкам ФАО и Всемирной продовольственной программы, среднегодовой дефицит продовольствия в КНДР составляет от 500 тыс. до 1 млн тонн, в зависимости от погодных и иных условий. В прошлые годы он частично покрывался за счет импорта, а также помощи со стороны международного сообщества. Однако после закрытия границ страны и ухода из нее представителей гуманитарных организаций системы ООН положение существенно ухудшилось¹¹⁰.

Руководство Северной Кореи с недавнего времени вынуждено публично признавать наличие серьезных проблем, равно как и то, что государственные планы по сбору зерна из года в год не выполняются¹¹¹. Вместе с тем очевидно, что без значительных инвестиций, улучшения агротехники и изменения системы хозяйствования в сельской отрасли положение дел едва ли может быть кардинально улучшено. Эта и другие нерешенные проблемы «в тылу» будут оставаться одним из самых серьезных внутренних вызовов для реализации стратегических планов Пхеньяна по расширению возможностей имеющегося ОМУ и средств его доставки.

В течение двух лет, прошедших после VIII съезда ТПК, в КНДР, с одной стороны, был форсирован перевод экономики на военные рельсы, а с другой – происходило существенное ужесточение политических и общественных порядков и практик. Запущенные ранее процессы их некоторой либерализации остались незавершенными. После перехода страны в режим строгой самоизоляции административная система быстро восстановила себя в прежних параметрах. Это, в частности, тотальное огосударствление экономики, недопущение частной инициативы и предпринимательства в любых их формах и сосредоточение всей хозяйственной деятельности в руках государства.

Прежний курс на одновременное развитие экономики и укрепление ядерного потенциала был существенно скорректирован. Убедившись в невозможности с учетом реального потенциала страны решать одновременно две задачи, власти окончательно и бесповоротно отдали приоритет наращиванию военных усилий и форсированию ракетных и ядерных программ. Именно на эти направления были переключены все национальные ресурсы – людские, финансовые, технические, в то время как гражданская экономика фактически обречена на постепенное истощение и деградацию.

Озвученные руководством КНДР планы неизменно сопровождались соответствующими практическими шагами с целью демонстрации новых возможностей страны в военной области. Хотя Южная Корея и США, начиная с 2018 г., «в качестве жеста доброй воли» договорились воздерживаться от проведения крупных военных учений, Северная Корея не ответила взаимностью. После провала диалога с США и фактического замораживания межкорейских отношений Пхеньян не только активизировал проведение полевых маневров, но и возобновил запрещенные резолюциями СБ ООН тесты баллистических ракет средней и меньшей дальности.

С начала 2022 г. эскалационная риторика, равно как и военная активность КНДР, стали быстро набирать обороты. На состоявшемся в январе заседании Политбюро ЦК ТПК было констатировано, что «военная угроза подошла к опасной черте» и поэтому стране

¹¹⁰ Agricultural Production Situation in DPR Korea: 2020 // FAO Office in DPR Korea. March 2020. https://www.fao.org/uploads/media/Crop_Production_in_2020_in_DPRK_narrative_report_revised_020421_01.pdf (дата обращения: 05.03.2023).

¹¹¹ 3rd Plenary Meeting of 8th Central Committee of WPK Opens // KCNA Watch. 2021, June 16 / <https://kcnawatch.org/newstream/1623813034-126262257/3rd-plenary-meeting-of-8th-central-committee-of-wpk-opens/> (дата обращения: 05.03.2023).

следует готовиться к «долгосрочному противостоянию американскому империализму». В соответствии с этим было признано необходимым осуществить практические меры для укрепления «физических средств сдерживания», а также возобновить «все ранее приостановленные действия»¹¹². По сути, это означало прекращение добровольного моратория на проведение пусков баллистических ракет и ядерные испытания. Обстановка на Корейском полуострове вступила в фазу быстро раскручивающейся острой конфронтации.

Начиная с марта 2022 г., КНДР интенсивно проводила пуски баллистических ракет большой и средней дальности, включая испытания прототипов новых МБР с предположительной дальностью до 15 тыс. км. Были также испытаны ракетные снаряды различных классов и модификаций: тактические управляемые, гиперзвуковые глайдерные ближнего радиуса действия, средней дальности с использованием железнодорожных платформ и мобильных пусковых установок. По оценкам МАГАТЭ и военных экспертов, КНДР демонстрировала непрерывную и возрастающую активность на своих объектах, связанных с программами создания ядерного оружия. Продолжалась наработка расщепляющегося материала – оружейного плутония и высокообогащенного урана; приводился в рабочее состояние полигон Пхунгери, где в прошлом осуществлялись ядерные испытания¹¹³.

Резкий разворот внешней и военной стратегии Пхеньяна в этот период времени можно объяснить несколькими обстоятельствами. 2021 г. был для северокорейцев временем ожиданий и определенных надежд после прихода в Белый дом Джо Байдена. Однако расчет на то, что новый президент смягчит требования к КНДР по сравнению со своим предшественником, не оправдались. Позиция новой администрации по северокорейскому досье оказалась вялой, размытой и безынициативной.

Политическая ситуация на Юге Кореи также изменилась в худшую для Пхеньяна сторону. На смену Мун Чжэ Ину, который был поборником политических компромиссов и даже уступок КНДР, на президентский пост был избран Юн Сок Ёль, сторонник жесткой линии и проведения «политики сдерживания». Урегулирование ядерной и других проблем Корейского полуострова мыслилось новым лидером с позиций достижения военного превосходства и оказания всестороннего давления на КНДР. Поэтому одной из первых его инициатив стало согласованное с США решение о возобновлении регулярных и полномасштабных американо-южнокорейских военных учений.

Наряду с этим власти РК не отвергали возможность возобновления межкорейского диалога и сотрудничества. В августе 2022 г. Юн Сок Ёль заявил о готовности предоставить широкое экономическое содействие КНДР в случае ее денуклеаризации. Речь, в частности, шла о возможности участия в модернизации на Севере транспортной, энергетической инфраструктуры, помощи в развитии сельского хозяйства и здравоохранения, но только при условии полной остановки всех ядерных программ и демонтажа накопленного потенциала¹¹⁴.

Против ожиданий эта инициатива не только не способствовала восстановлению межкорейских отношений, но, напротив, привела к дальнейшему отчуждению сторон. Ким Ё Чжон, сестра северокорейского лидера, часто выступающая в качестве его пресс-секретаря, заявила, что в КНДР не хотят иметь дело с Юн Сок Ёлем. По ее словам, Пхеньян не собирается разменивать свой ядерный потенциал, «символ величия государства», на

¹¹² 6th Political Bureau Meeting of 8th C.C., WPK Held // KCNA. 2022, January 20 / <http://www.kcna.kp/en/article/q/40c2150762138d6c3fc54f89bfceacb0.kcmsf> (дата обращения: 10.03.2023)

¹¹³ IAEA Director General's Introductory Statement to the Board of Governors. // IAEA News center. 2022, September 12 / <https://www.iaea.org/newscenter/statements/iaea-director-generals-introductory-statement-to-the-board-of-governors-12-september-2022> (дата обращения: 10.03.2023).

¹¹⁴ Address by President Yoon Suk Yeol on Korea's 77th Liberation Day // Office of the President Republic of Korea. 2022, August 15 / <https://eng.president.go.kr/sub/Speeches.php> (дата обращения: 10.03.2023).

экономические подачки. Поэтому Северу и Югу лучше существовать порознь друг от друга, не строя планов на взаимное общение¹¹⁵.

Сегодня у северокорейского руководства сложилось ясное убеждение в нереальности расчетов на получение каких-либо серьезных бонусов или даже ослабления санкционных мер без отказа от ядерного оружия, к чему оно не готово. Это не подтолкнуло Пхеньян к сговорчивости или поиску компромиссных развязок, а лишь углубило ресентимент, что в свою очередь побуждало к дальнейшему ужесточению позиции. В этих условиях диалог или даже просто поддержание рутинных коммуникаций с основными оппонентами – США и Южной Кореей – теряли смысл. Часто воспроизводимый Ким Чен Ыном тезис о том, что стране нужно приспособляться к длительному периоду существования в условиях «враждебного окружения» и внешних санкций, служит иллюстрацией долгосрочного стратегического курса КНДР.

Другим серьезным фактором, повлиявшим на действия КНДР, стал усугубляющийся кризис вокруг Украины. Новые европейские реальности рассматриваются Пхеньяном как лишнее подтверждение важности ядерного оружия для выживания страны и сдерживания гипотетического «вторжения извне». Это дает новые основания для вывода о том, что вопрос об обладании ядерным оружием ни при каких обстоятельствах не может стать предметом переговоров или политических разменов. В практическом же плане у северокорейцев появился соблазн воспользоваться «благоприятной» ситуацией, когда внимание США и других держав отвлечено от Корейского полуострова. Это давало шанс на овладение политической инициативой, чтобы навязать противнику свою линию, оказать на него массивное военное давление, не опасаясь последствий.

В течение 2022 г. в Северной Корее продолжалась интенсивная разработка новой государственной ядерной доктрины, которая была призвана заменить прежнюю стратегию, принятую еще в 2013 г. При этом основной акцент был демонстративно сделан на намерении существенно понизить порог применения ОМУ в случае военного конфликта на Корейском полуострове. В соответствии с концепцией «немедленного возмездия» северокорейские вооруженные силы уже на начальном этапе столкновения будут готовы применить ядерное оружие с целью «захвата инициативы, предотвращения затяжной войны и подавления воли противника»¹¹⁶.

Принятый в сентябре 2022 г. «Закон о политике в области ядерных вооруженных сил» закрепил ранее провозглашенный статус страны как «легитимной ядерной державы». В документе были зафиксированы опции применения военных ядерных средств в качестве «оружия поле боя», в том числе и в превентивном порядке, в случае угроз «фундаментальным интересам страны». Кроме того, фактически допускалась возможность его применения и против неядерной страны¹¹⁷. Эти концептуальные новшества в последующий период были подкреплены демонстративным проведением военных учений по развертыванию средств доставки и имитации использования тактического ядерного оружия в случае военного конфликта на Корейском полуострове.

Формулируя приоритетные цели политики государства в военной области на 2023 г., Ким Чен Ын поставил задачу налаживания массового производства тактических ядерных

¹¹⁵Press Statement of Vice Department Director of C.C., WPK Kim Yo Jong. // KCNA Watch. 2022, August 19 / <https://kcnawatch.org/newstream/1660867493-526689014/press-statement-of-vice-department-director-of-c-c-wpk-kim-yo-jong> (дата обращения: 10.03.2023).

¹¹⁶ Press Statement of Vice Department Director of C.C., WPK Kim Yo Jong // KCNA Watch. 2022, April 5 / <https://kcnawatch.org/newstream/1649109873-854413851/press-statement-of-vice-department-director-of-c-c-wpk-kim-yo-jong/> (дата обращения: 13.03.2023).

¹¹⁷ Law on DPRK's Policy on Nuclear Forces Promulgated // KCNA Watch. 2022, September 9 / <https://kcnawatch.org/newstream/1662687258-950776986/law-on-dprks-policy-on-nuclear-forces-promulgated> (дата обращения: 13.03.2023).

боеприпасов, а также обеспечения «экспоненциального» роста всех ядерных вооружений в интересах сдерживания¹¹⁸.

Таким образом, в настоящее время в вопросах урегулирования на Корейском полуострове – будь то ядерная проблема или вопросы межкорейских отношений – сложилась тупиковая ситуация. Нет инструментария, который мог бы сработать как тормоз на пути неограниченной эскалации напряженности. Не существует даже приемлемого для всех вовлеченных сторон понимания, какие первоочередные меры следует предпринять, чтобы вернуть ситуацию в более спокойное и контролируемое русло. Сейчас не только КНДР, но также Вашингтон и Сеул делают основную ставку на ужесточение как единственный способ продавить свои требования и добиться очевидных результатов. Так, например, в американской «Стратегии национальной обороны» закреплено положение о том, что использование Пхеньяном ядерного оружия «стал бы концом северокорейского режима»¹¹⁹.

Основные оппоненты Пхеньяна – США и Южная Корея – отмечают появление и рост «экзистенциальных угроз» национальной безопасности, однако об источниках этих угроз они судят по-разному. В Вашингтоне опасаются в первую очередь северокорейских МБР с разделяющимися головными частями, которые, по некоторым оценкам, способны не только достигать любой точки континентальной части США, но и преодолевать национальную систему ПРО. В Южной Корее, в свою очередь, обеспокоены наличием у Пхеньяна тактического ядерного оружия и высокоточных оперативно-тактических ракет, оснащенных ядерными боеголовками¹²⁰. Следует отметить при этом, что никто не располагает достоверными и надежными сведениями о реальном состоянии северокорейского ракетно-ядерного потенциала, его качественных характеристиках и боевых возможностях. Практически все оценки и аналитические выкладки строятся на многочисленных и противоречивых допущениях, а также впечатлениях от показов в ходе военных парадов и демонстрационных испытаний. Это усиливает неопределенность, что, в свою очередь, затрудняет выработку адекватных мер реагирования в политической и военной сферах.

После провала дипломатии саммитов с США и Южной Кореей руководство КНДР неизменно заявляет, что не видит смысла в возобновлении диалога в условиях, когда американская сторона проводит исключительно «враждебную политику». Суть этой претензии никогда не расшифровывалась, что позволяло Пхеньяну подверстывать под нее различные пропагандистские требования – от прекращения вмешательства США во внутренние дела КНДР под предлогом защиты прав человека до вывода американских войск из Южной Кореи.

Анализ позиции США – единственной страны, от которой в КНДР ожидают встречных действий, – также показывает, что в Вашингтоне не располагают свежими практическими идеями, которые могли бы лечь в основу содержательной платформы будущих переговоров. Предложения о переговорах с Северной Кореей «в любом месте и в любое время», с которыми периодически выступают представители Белого Дома и госдепартамента, являются выхолащенными и не включают привлекательной для Пхеньяна повестки. Отсутствие внятного и реалистического плана урегулирования сопровождается разногласиями в американской экспертной среде, где бытуют полярно противоположные мнения о приоритетах в диалоге с КНДР. По-прежнему преобладает утверждение о

¹¹⁸ Report on 6th Enlarged Plenary Meeting of 8th WPK Central Committee. // KCNA Watch. 2023, January 1 / <https://kcnawatch.org/newstream/1672543894-200963704/report-on-6th-enlarged-plenary-meeting-of-8th-wpk-central-committee/> (дата обращения: 14.03.2023).

¹¹⁹ Pentagon Press Secretary Brigadier General Pat Ryder and PTDO DUSD(Policy) Dr. Mara Karlin Hold a Press Briefing // U.S. Department of Defense. 2023, March 14 / <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/3329354/pentagon-press-secretary-brigadier-general-pat-ryder-and-ptdo-dusdpolicy-dr-mar/> (дата обращения: 16.03.2023).

¹²⁰ Bruce Klingner. North Korea's Growing ICBM Threat: How America and South Korea Should Respond // The Heritage Foundation. 2023, February 15 / <https://www.heritage.org/asia/commentary/north-koreas-growing-icbm-threat-how-america-and-south-korea-should-respond>. (дата обращения: 14.03.2023).

необходимости усиления нажима с целью достижения полной, проверяемой и необратимой денуклеаризации. Однако наряду с этим ряд политиков и экспертов считают это условие невыполнимым, полагая уместным заинтересовать Пхеньян обсуждением темы «контроля над вооружением и снижения военных рисков», а также перспектив нормализации американо-северокорейских отношений¹²¹.

Все эти неопределенности усугубляются растущими разногласиями между соседними державами, исторически вовлеченными в ситуацию на Корейском полуострове. Если в 2016–2017 гг. члены Совета Безопасности ООН фактически имели единую позицию по вопросу об экономических санкциях против КНДР, то теперь ситуация кардинально изменилась. Еще в конце октября 2021 г. Россия и Китай распространили в ООН проект политико-гуманитарной резолюции, предполагающей внесение смягчающих корректив в международный санкционный режим в областях, не связанных с ракетно-ядерной программой. Принятие данной резолюции было призвано помочь установлению доверия между вовлеченными государствами и создать стимулы для возобновления политического диалога¹²².

США и их ближайшие союзники в ходе обсуждений в Совете Безопасности заняли диаметрально противоположную позицию, настаивая на ужесточении санкционного режима, мотивируя это необходимостью реакции на участвовавшие северокорейские ракетные пуски. Появление этих расхождений, по существу, блокировало дальнейшие усилия для формирования позитивной повестки урегулирования.

Тупик в урегулировании корейского ракетно-ядерного кризиса имеет негативные последствия не только для военно-политической ситуации в Северо-Восточной Азии, но и в первую очередь для самой КНДР.

За последние десять лет эта страна прошла длинный и извилистый путь, в пределах которого наблюдались значительные и глубокие политические перепады и «смены вех». Вектор ее развития, цели и ориентиры многократно корректировались. После энергичных, пусть и ограниченных, экономических экспериментов, произошел откат к состоянию, где не только идеология и политика, но и вся сфера экономической деятельности полностью контролируется государством. Осторожно запущенные реформы сменились тенденцией к консервации и изоляции из опасения внутренней дестабилизации.

Начавшаяся еще в 2013 г. и форсированная после 2021 г. ядерная гонка, стала необычайно серьезным испытанием для системы, потребовав напряжения всех скудных ресурсов и переориентации их на военные нужды. Это привело к обострению комплекса проблем – социальных, гуманитарных, продовольственной. За рамками своих ракетно-ядерных планов страна оказалась без внятной стратегии развития, без ясного видения будущего и перспектив отношений с внешним миром. Географически присутствуя в Индо-Тихоокеанском регионе, КНДР помимо своих эпизодических связей с Китаем слабо взаимодействует с регионом, выпадая из него политически, экономически, ментально и в культурном отношении.

Внешинополитические приоритеты Республики Корея в регионе

Для Южной Кореи период 2020–2022 гг. стал своего рода переломным этапом, на котором страна столкнулась с целым рядом серьезных внешних и внутренних вызовов. Это,

¹²¹ Christian Davies 'North Korea has already won': US urged to abandon denuclearisation 'farce' // Financial Times. 2022, October 9 / <https://www.ft.com/content/bf3fd056-8d74-4626-ba80-08bad80ca7dd> (дата обращения: 15.03.2023).

¹²² Ответы Министерства иностранных дел Российской Федерации на вопросы СМИ, поступившие к пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2021 году. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 21 января 2022 года / <https://www.mid.ru/ru/maps/kp/1795407/> (дата обращения: 16.03.2023).

прежде всего, нарастающие сложности в отношениях с КНДР и обострение военно-политической ситуации на Корейском полуострове на фоне тупиков в урегулировании ядерной проблемы.

На внешней арене остро обозначилась необходимость внесения корректив в международный курс страны в условиях динамичных изменений ситуации в Индо-Тихоокеанском регионе и обострения противоборства между США и Китаем. На эти обстоятельства также накладывались и факторы внутреннего порядка: нарастание структурных проблем в экономике страны, замедление темпов развития и связанная с этим социально-политическая поляризация общества. Это, в свою очередь, вело к новому витку традиционного для Южной Кореи внутреннего конфликта между «прогрессистами» и представителями консервативных сил.

К концу президентского срока Мун Чжэ Ина стал очевиден провал проводившегося им курса на «наведение мостов» с Северной Кореей. Настойчивые попытки Сеула возобновить межкорейские контакты и обмены, инициировать мирный процесс во взаимных отношениях, что рассматривалось как важнейшая предпосылка для денуклеаризации, не увенчались успехом. Все предложения о налаживании диалога решительно отводились Пхеньяном, который исходил из того, что в условиях сохранения жесткого санкционного режима вопрос о восстановлении межкорейского сотрудничества лишен какого бы то ни было смысла.

Такими же бесплодными оказались и другие южнокорейские инициативы. В сентябре 2021 г. Мун Чжэ Ин выступил с идеей прекращения состояния войны и установления мира на полуострове, с тем чтобы соответствующая декларация была принята представителями трех-четырех держав (Республики Корея, КНДР, США и, возможно, Китая)¹²³. Данный план носил довольно противоречивый характер, поскольку о «прекращении войны» предлагалось объявить чисто символически, без дальнейших шагов военно-политического или международно-правового характера. На этот раз реакция была сдержанной не только со стороны КНДР, но и США, которые опасались, что реализация южнокорейских идей может привести к расшатыванию механизмов перемирия и неясностям с судьбой находящегося на Юге «Командования войсками ООН»¹²⁴.

Итоги деятельности демократической администрации в РК, связанные с ее неуверенным маневрированием на северокорейском направлении, вызывали растущее разочарование в стране. Это оказало влияние на настроения элит, что послужило одной из причин разворота вправо в политической жизни, наметившегося к концу 2021 г.

В сфере внешнеполитической деятельности происходили схожие процессы. Попытки Мун Чжэ Ина сохранять «равноудаленность» по отношению к США и КНР в условиях разгорающегося конфликта между сверхдержавами оказались малоэффективными. Отношения с Пекином, несмотря на растущие объемы торгово-экономических связей, оставались прохладными после решения о размещении противоракетных комплексов ТНAAD в Южной Корее. В Вашингтоне, в свою очередь, были недовольны низким уровнем поддержки американской стратегии «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» и замыканием Сеула преимущественно на вопросах налаживания отношений с Пхеньяном. Расхождения в оценках ситуации на Корейском полуострове и по проблемам региональной политики отрицательно сказывались на работе двусторонних координационных механизмов.

Новый президент РК, прежде всего, решительно порвал с прежней линией на «умиротворение» Северной Кореи, упирая на то, что Пхеньян воспользовался передышкой для количественного и качественного наращивания своего ракетно-ядерного потенциала. Вследствие этого, по его мнению, безопасность Южной Кореи и само ее существование были

¹²³ Full text of President Moon Jae-in's speech at U.N. General Assembly // Yonhap. 2021, September 22 / <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210922000500315> (дата обращения: 06.04.2023).

¹²⁴ Sukjoon Yoon. What Would an End-of-War Declaration for the Korean Peninsula Actually Mean? // The Diplomat. 2021, December 3 / <https://thediplomat.com/2021/12/what-would-an-end-of-war-declaration-for-the-korean-peninsula-actually-mean/> (дата обращения: 06.04.2023).

поставлены под угрозу. Эти выводы послужили поводом для перехода от дипломатии к задействованию преимущественно силового инструментария для «сдерживания» КНДР и противодействия ее ядерным амбициям.

Юн Сок Ёль не отказывался от диалога с КНДР, однако исходил из того, что обязательной предпосылкой для нормализации взаимных отношений должна стать полная денуклеаризация. Выдвинутая им «смелая инициатива» (*audacious initiative*) предусматривала возможность оказания значительной экономической помощи Пхеньяну, но лишь при условии свертывания всех его ядерных программ¹²⁵.

В сфере внешней политики его администрация ставила задачу укрепления международного влияния страны с претензией на статус «глобального ведущего государства» (*global pivotal state*). При этом подразумевалось, что Южная Корея станет «ответственным и достойным членом мирового сообщества, способным выступать в защиту мира и международного сотрудничества и вносить вклад в защиту либерально-демократических ценностей»¹²⁶.

На первый взгляд, это видение производило впечатление несколько искусственно сконструированной доктрины, в которой не просматривалось ни конкретного содержания, ни практических целей и задач. Важно, однако, то, что Юн Сок Ёль подавал свои теоретические наработки в тесной увязке с идеей выстраивания «всеобъемлющего глобального альянса» с США, что рассматривалось в качестве главной цели внешнеполитического курса.

В принципе, эта цель далеко не нова, поскольку все предыдущие администрации – как консервативные, так и либеральные – неизменно расписывались в своей приверженности союзническим отношениям с Вашингтоном в военной области и в сфере безопасности. Тем не менее, по этому пути новый президент пошел дальше своих предшественников. Так, если Мун Чжэ Ин пытался поднять престиж страны до уровня «державы второго ряда» (*middle power*) за счет повышения политической автономии и сложного балансирования между США и Китаем, то Юн Сок Ёль заявлял о безальтернативности стратегии, состоящей в ориентации преимущественно на Вашингтон.

Соответственно, возможность дальнейшего «возвышения» Южной Кореи виделась на путях плотного присоединения к американской внешнеполитической платформе, воспринимаемой в качестве основы для создания неформального альянса «государств-единомышленников», которым суждено определять правила игры в глобальном и региональном масштабе. Во всяком случае, уже в первые месяцы пребывания на посту президента Юн Сок Ёль сделал заявку на разработку национальной «индо-тихоокеанской доктрины», созвучной с аналогичной стратегией США, а также постепенную интеграцию РК в систему американоцентричных региональных политических и экономических группировок. Аналогичным образом был взят курс на сближение с НАТО и углубление координации с его политическими институтами.

Подобное видение идентичности Южной Кореи как своего рода «западной страны в Восточной Азии», причем сквозь призму особых отношений с США, довольно необычно для ее политической идеологии. Убедительных разъяснений этому в официальном Сеуле не предлагают, если не считать ссылок на резкие и неблагоприятные для РК изменения в международной и региональной обстановке, которые якобы заставляют менять устоявшиеся политические стереотипы.

Южнокорейские эксперты объясняют вышеуказанные новации действием целого ряда причин и условий, которые требуют быстрой и адекватной реакции на государственном

¹²⁵ Address by President Yoon Suk Yeol on Korea's 77th Liberation Day // Office of the President Republic of Korea. 2022, August 15 / <https://eng.president.go.kr/sub/Speeches.php?pagenumber=1&at=view&idx=4> (дата обращения: 09.04.2023).

¹²⁶ *Yoon Suk-yeol* South Korea Needs to Step Up. The Country's Next President on His Foreign Policy Vision // Foreign Affairs. 2022, February 8 / <https://www.foreignaffairs.com/articles/south-korea/2022-02-08/south-korea-needs-step> (дата обращения: 10.04.2023).

уровне. Это обеспокоенность в связи с развертыванием Северной Кореей своих ракетно-ядерных программ; тревога по поводу возросшего уровня конфликтности в регионе и опасения в отношении все более напористой политики Китая как в военной, так и экономической сфере; усложнившаяся военно-политическая ситуация в Восточной Европе¹²⁷.

С другой стороны, в условиях глобальной экономической нестабильности и ужесточившихся условий международной конкуренции можно отметить стремление Сеула заручиться поддержкой США по широкой линейке вопросов, добиться встраивания Южной Кореи в систему глобальных и региональных институтов и партнерств узкого формата, продвигаемых Вашингтоном. Во всяком случае, указывается, что сфера двустороннего союзничества сегодня уже не сводится только к вопросам совместной обороны, но распространяется и на обширный круг тем, включающий экономическую безопасность, новые технологии, глобальное управление и обеспечение устойчивости региональных торгово-производственных цепочек.

С приходом к власти администрации Юн Сок Ёля актуальной проблемой стал вопрос о возможности обретения Южной Кореей собственного ядерного потенциала. Тема отнюдь не новая, поскольку и в прошлом отдельные консервативно настроенные политики и отставные военные настаивали на принятии правительством соответствующего решения на том основании, что это единственный действенный способ противостоять «растущей северо-корейской угрозе». Тем не менее, до недавнего времени подобные дебаты оставались на периферии политической жизни и общественного внимания. Следует сказать и о том, что либеральная администрация категорически отвергала идею ядерного вооружения страны, поскольку это не только осложнило бы отношения с северным соседом, но и могло окончательно поставить крест на перспективе денуклеаризации.

В настоящее время Сеул стремится найти новые подходы к вопросам «ядерного сдерживания», причем не только совместно с США, но и индивидуально. Так, Юн Сок Ёль стал первым действующим президентом страны, который публично заявил о возможности создания Южной Кореей собственного ядерного оружия в сжатые сроки на базе уже имеющихся научных и технических разработок¹²⁸.

Впоследствии представители официальных кругов пытались смягчить остроту этих высказываний, подчеркивая, что речь идет не о немедленных планах, но лишь о гипотетической или даже умозрительной опции. Тем не менее, наблюдатели расценивают произошедшее как серьезный качественный сдвиг в позиции Сеула, который в немалой степени отражает изменения в настрое общественного мнения по данному вопросу. Социологические опросы последнего времени показывают неуклонный рост числа граждан, которые считают желательным или даже необходимым обретение Южной Кореей ядерного потенциала. За это выступает более 70% всех респондентов. Меньшее число южнокорейцев (50%) настаивает за возвращение в страну американского тактического ядерного оружия¹²⁹.

В значительной мере эта ситуация связана с неверием общественно-политических кругов в надежность американских гарантий безопасности. Многие, в частности, считают, что Вашингтон не придет на помощь Южной Корее в случае нападения извне, поскольку столкнется с угрозой северо-корейского «удара возмездия» по континентальной части США.

В американских государственных ведомствах на этот счет сейчас придерживаются недвусмысленной позиции: США выступают в пользу полной денуклеаризации Корейского полуострова, поэтому не считают актуальным рассматривать вопрос о повторном размещении

¹²⁷ *Yun Byung-se* Global pivotal state vision and Korea's new multilateral diplomacy // Korea Times. 2022, July 7 / https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2022/07/785_332242.html (дата обращения: 10.04.2023).

¹²⁸ *Kang Hyun-kyung*. President Yoon keeps possibility of South Korea's possession of nuclear weapons open // Korea Times. 2023, January 12 / https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/01/356_343477.html (дата обращения: 12.04.2023).

¹²⁹ 7 of 10 S. Koreans support independent development of nuclear weapons: poll // Yonhap. 2023, January 30 / <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230130005551325?section=nk/nk> (дата обращения: 12.04.2023).

своих тактических ядерных средств на территории РК. Что же касается гарантий безопасности, то они носят «железобетонный и нерушимый» характер. Поэтому в случае чрезвычайной ситуации для обороны Южной Кореи будет задействован весь диапазон американских военных средств, включая не только конвенциональные, но и ядерные¹³⁰.

Следует, однако, отметить, что в США нет однозначного унифицированного подхода к этим вопросам. В экспертных кругах некоторые придерживаются мнения, что создание Южной Кореей своего ядерного оружия могло бы стать неплохим выходом. Это не привело бы к миру и гармонии, но могло бы стать прологом к укреплению стабильности через достижение военного равновесия между РК и КНДР за счет неизбежности «взаимного ядерного уничтожения» в случае вооруженного конфликта, как это было между США и Советским Союзом в годы холодной войны¹³¹.

Как бы то ни было, вопрос об объеме американских гарантий безопасности и модальностях их практического применения для защиты РК в настоящее время становится предметом интенсивных консультаций между двумя странами, проходящих, как правило, в закрытом режиме. Судя по всему, на нынешнем этапе Сеулу уже недостаточно устных заверений со стороны Вашингтона. Поэтому он намерен добиваться разработки сценариев, предусматривающих активное вовлечение корейской стороны в процесс принятия решений о задействовании американского ядерного оружия в случае возникновения «чрезвычайной ситуации» на Корейском полуострове. Одна из возможных опций – создание механизма совместного использования этих средств наподобие натовской «группы ядерного планирования»¹³².

Все чаще звучит тема целесообразности создания многосторонних механизмов расширенного сдерживания, которые могли бы дополнить двусторонние американо-южнокорейские координационные структуры. В качестве наиболее подходящего третьего участника предлагается, например, Япония. До последнего времени этот вариант в практической плоскости не рассматривался по причине традиционно напряженных политических отношений между Сеулом и Токио. Юн Сок Ёль, в отличие от своего предшественника, с первых дней пребывания на президентском посту прилагал целенаправленные усилия, чтобы вернуть эти отношения в нормальное русло. Заметный прогресс на этом пути был достигнут по итогам его официального визита в Японию в марте 2023 г., в ходе которого, помимо прочего, удалось договориться об активизации сотрудничества в сфере безопасности и на северокорейском направлении.

Курс на сближение облегчается выработкой общего понимания внешних угроз. Разрабатываемые Пхеньяном новые системы вооружений, такие как тактические ракеты с ядерными боеголовками и беспилотные морские аппараты, по оценкам корейских экспертов, могут быть использованы не только против портов и военных баз в РК, но также и против аналогичных объектов в Японии. Этим оправдывается тесное взаимодействие трех стран, включая США, в области обеспечения «ядерного сдерживания»¹³³.

Наряду с этим в американском экспертном сообществе рассматриваются и более масштабные проекты, вроде создания «азиатской группы ядерного планирования», которая, помимо стран «тройки», могла бы включать и других союзников США в регионе. Речь в этом случае могла бы пойти о решении более широкого круга задач, чем «сдерживание» Северной

¹³⁰ Pentagon Press Secretary Air Force Brig. Gen. Pat Ryder Holds an On-Camera Press Briefing // U.S. Department of Defense. 2023, January 12 / <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/3267095/pentagon-press-secretary-air-force-brig-gen-pat-ryder-holds-an-on-camera-press/> (дата обращения: 12.04.2023).

¹³¹ Latham A. The South also rises: How the Korean nuclear threat could gradually, then suddenly, lead to war // The Hill. 2023, February 23 / <https://thehill.com/opinion/national-security/3841138-the-south-also-rises-how-the-korean-nuclear-threat-could-gradually-then-suddenly-lead-to-war/> (дата обращения: 12.04.2023).

¹³² Lee Hye-ah Yoon vows to further strengthen extended deterrence against N.K. threats // Yonhap. 2023, March 10. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230310003700315?section=national/defense> (дата обращения: 12.04.2023).

¹³³ Jung Min-ho North Korea's underwater drones mean additional defense costs for Seoul: analysts // Korea Times. 2023, April 10 / https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/04/103_348765.html (дата обращения: 14.04.2023).

Кореи. Конечно, сегодня эти идеи едва ли могут носить прикладной характер, тем более что Южная Корея пока фактически не видит для себя ядерных угроз за пределами Корейского полуострова¹³⁴.

В декабре 2022 г. в Южной Корее впервые была разработана и принята государственная стратегия в отношении Индо-Тихоокеанского региона (Strategy for a Free, Peaceful and Prosperous Indo-Pacific Region), которую теперь принято считать основной внешнеполитической доктриной правительства¹³⁵.

Как известно, предыдущая администрация в своей деятельности руководствовалась «Новой южной политикой», предполагавшей развитие экономических и гуманитарно-культурных связей и сотрудничества преимущественно со странами Юго-Восточной Азии и Индией. В отличие от этого, новая концепция носит более целостный и комплексный характер и нацеливает на повышение не только экономического, но и политического статуса РК в ИТР. Подразумевается, что Южная Корея будет играть существенную роль в региональных процессах, включая обеспечение безопасности, поиск коллективных ответов на существующие вызовы и угрозы, продвижение «либерально-демократических ценностей», установление и поддержание «порядка, основанного на правилах». Большое значение придается взаимодействию по этому кругу вопросов со странами-единомышленниками, прежде всего с США, Японией и Австралией, как на двусторонней основе, так и в рамках «тематических» многосторонних форматов, созданных в последние годы.

В новой доктрине существенное внимание уделено таким новым для РК темам, как обеспечение морской безопасности и свободы безопасности в Южно-Китайском море, сохранение мира и стабильности в Тайваньском проливе, который объявлен «жизненно важным районом» для интересов страны. Тем не менее, по «китайскому» вопросу Южная Корея несколько дистанцируется от позиций своих «единомышленников». В отличие от них, Сеул декларирует цели сохранения и приумножения «зрелого партнерства» с КНР, которая рассматривается как фактор мира и процветания в ИТР.

Тема взаимоотношений с Россией в стратегии никак не отражена. В этих вопросах руководство РК продолжает занимать выжидательную позицию, избегая как прямой критики на официальном уровне в адрес нашей страны, так и намерений выстраивать планы сотрудничества с ней на более или менее отдаленную перспективу.

Новая южнокорейская доктрина на данном этапе задает лишь самые общие политические ориентиры, которые еще предстоит детализировать и воплотить в будущую региональную повестку. Для этого у администрации, приступившей к работе в 2022 г., имеется неплохая временная фора.

По мнению многих экспертов, правительству предстоит сфокусировать приоритетное внимание на нескольких основных направлениях. Это активное участие в региональном строительстве, понимаемом как оформление «мягкой» системы безопасности, в которой вопросы экономики, торговли, технологий будут прямо или косвенно сопряжены с военной составляющей. В таком случае Южная Корея, как считают авторы этой концепции, сможет не только продемонстрировать свои неоспоримые преимущества, но и получить новый опыт и знания, необходимые как для продолжения экономической модернизации, так и в интересах обеспечения национальной безопасности.

В Сеуле внимательно присматриваются в первую очередь к деятельности Quad (Quadrilateral Security Dialogue), а также таких форматов, как AUKUS и Five Eyes. Возможность подключения к ним оценивается как длительный, поэтапный и разноскоростной

¹³⁴ Report by Ivo H. Daalder, Chuck Hagel, Malcolm Rifkind, and Kevin Rudd. Preventing Nuclear Proliferation and Reassuring America's Allies. // The Chicago Council on Global Affairs. 2021, February 10 / https://globalaffairs.org/sites/default/files/2021-02/report_preventing-nuclear-proliferation-reassuring-americas-allies_0.pdf (дата обращения: 14.04.2023).

¹³⁵ Strategy for a Free, Peaceful, and Prosperous Indo-Pacific Region. Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. 2022, December 28 / https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do (дата обращения: 15.04.2023).

процесс с учетом практической целесообразности и мнения их участников, которые в большинстве случаев еще не готовы приветствовать появление Южной Кореи в качестве полноправного члена. С учетом этого РК хотела бы заложить условия для своего включения в эти форматы, например в Quad, за счет взаимодействия в рамках существующих там рабочих групп по актуальным для страны темам. Одним из приоритетов в деле многостороннего экономического сотрудничества является участие в формате IPEF (Indo-Pacific Economic Platform) с момента учреждения этой «платформы» в мае 2022 г.

Для Южной Кореи Индо-Тихоокеанский регион – это широкое поле и набор перспективных площадок, где будут формироваться новые технологические контуры узкого формата, привлекательные для местного бизнеса. Это сулит новые возможности, но может обернуться и серьезными вызовами, что связано со сложной и быстро меняющейся расстановкой сил в ИТР.

В своей региональной внешнеэкономической политике Сеул все более явственно делает разворот в сторону Вашингтона и складывающегося вокруг США технико-экономического центра, куда стягиваются интересы других передовых стран и территорий, способных производить сложную наукоемкую продукцию, в частности Японии и Тайваня. Потенциально это должно обеспечить доступ к передовым технологиям, емкому американскому рынку, к получению финансовых стимулов и льгот, предусмотренных законодательством США. А главное – создать определенные гарантии экономической безопасности за счет включенности в короткие устойчивые торгово-логистические цепочки путем реализации стратегии «френдшоринга».

Вместе с тем, для Южной Кореи важным партнером в экономической области остается Китай, куда экспортируется не менее 40% всех производимых местными компаниями полупроводников. Отношение к сотрудничеству с Пекином двоякое. С одной стороны, сохранение этого экономического плацдарма, где расположены многочисленные предприятия корейских индустриальных гигантов – “Samsung Electronics” и “SK hynix” – жизненно важно для обеспечения экономического роста в РК. С другой стороны, южнокорейцев пугает перспектива оказаться в сфере притяжения этого мощного центра силы, проводящего к тому же все более наступательную экономическую политику. Проблемы появляются и со стороны США, которые вводят в отношении КНР все новые меры экспортного контроля, создающие серьезные препятствия для дальнейшей деятельности корейского бизнеса.

Новый этап антагонизма с Китаем связан с деятельностью группировки Chip 4 (США, РК, Япония, Тайвань), призванной консолидировать союзников США на почве новых запретов экспорта высоких технологий в эту страну. Усугубление «чиповых войн» в подобном коллективном формате может иметь неблагоприятные последствия не только для работы южнокорейских компаний в КНР, но и для экономики страны в целом.

В Южной Корее пока нет однозначного и приемлемого для всех ответа на вопрос о том, как решать эту сложную дилемму. Высказываются разные, порой полярно противоположные точки зрения, и до консенсуса еще далеко. Наличие этих новых проблем отягощается постоянным присутствием чисто корейской специфики – необходимостью действовать с постоянной оглядкой на северокорейский «угол», с которого для страны создаются вызовы, воспринимаемые обществом как «экзистенциальная угроза».

При всем длительном и позитивном опыте успешного политического и экономического развития сейчас Южная Корея находится в начале выстраивания новой долгосрочной модели региональной стратегии, реализация которой позволила бы стране органично и с пользой для себя вписаться в нынешние индо-тихоокеанские реалии.

Глава 9. АСЕАН в контексте «индо-тихоокеанской инициативы» США

Вводные замечания

Удерживает ли сегодня Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) ту центральную роль, которую она обрела на исходе XX и в начале XXI века в рамках проекта азиатско-тихоокеанского регионального сотрудничества (далее – проект АТР) – едва ли не самого масштабного и успешного из всех подобных начинаний? Или на этапе, когда США круто меняют региональную повестку дня, продвигая с опорой на группу «стран-единомышленников» альтернативную этому проекту «индо-тихоокеанскую инициативу»¹³⁶, внешнеполитический статус АСЕАН неизбежно снижается? Если так, то суть вопроса – не в самом факте снижения, а лишь в его степени (как и в том, обратим ли этот процесс в принципе).

С чисто формальной точки зрения дела у АСЕАН вроде бы неплохи. Многосторонние механизмы переговоров и консультаций – Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Восточноазиатский саммит (ВАС), Расширенное совещание министров обороны (СМОА+) и Расширенный морской форум (на которых, вместе с десятью странами ЮВА, представлены их восемь официальных диалоговых партнеров, а на АРФ еще и целый ряд других государств) – функционируют достаточно исправно. То же относится и к самой Ассоциации как к конструктору и «системному администратору» этих площадок. Число ее саммитов (созываемых после принятия Устава АСЕАН в 2007 г. с периодичностью дважды в год) уже перевалило за 40. Помимо пространных совместных коммюнике, в ходе встреч на высшем уровне регулярно утверждаются всевозможные «планы действий» и «дорожные карты», отражающие позицию АСЕАН по актуальным проблемам ее собственного и регионального развития. В июне 2019 г. перечень документов такого рода пополнился *«Индо-тихоокеанским видением АСЕАН»* – текстом, указывающим на необходимость сохранения центральной роли Ассоциации в меняющейся региональной обстановке. Характерно, что данный тезис находит позитивный отклик и у адептов индо-тихоокеанской фразеологии (то есть у США с их союзниками, полноценными и ситуативными), и у держав, откровенно не приемлющих этой фразеологии (то есть у России и Китая). Отметим, наконец, что в настоящий момент в стадию реализации вступает *Соглашение о всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП)*, объединяющее страны «десятки» с Австралией, Китаем, Новой Зеландией, Южной Кореей и Японией. Немалой части экспертов этот замысел, родившийся опять-таки у АСЕАН, внушает (во всяком случае – пока) надежды на восполнение ущерба, нанесенного ЮВА и Азии в целом пандемией COVID-19; торговой войной, развязанной США против Китая; и глобальным эффектом антироссийских санкций.

Одновременно, налицо контраст между инерцией в восприятии самой себя (печатью которой отмечены, увы, слишком многие моменты в деятельности АСЕАН), и беспрецедентной эскалацией напряженности на тех самых региональных пространствах, на которых Ассоциация хочет оставаться субъектом, уполномоченным мирить «всех со всеми», поддерживать всеобщую гармонию и стабильность. При всем уважении к приложенным ею стараниям, ни сама АСЕАН, ни созданные ею диалоговые платформы до сих пор не внесли существенного вклада в разблокирование конфликтов, доставшихся Азии в наследство от эпохи «холодной войны». Теперь эти конфликты заиграли новыми красками в гуще жесткого военно-политического, торгово-экономического и технологического противостояния США и

¹³⁶ Несмотря на использование индо-тихоокеанской матрицы многими игроками, здесь и далее под этим термином понимается именно американская стратегия и практика ее реализации.

Китая. Способны ли асеаноцентричные структуры хоть как-то притормозить дальнейшее раскачивание ситуации, не говоря о большем? Сомнительно – особенно если учесть, что в этих структурах широко представлены игроки, одновременно являющиеся не только стратегическими партнерами Ассоциации, но также членами Quad и AUKUS. Ведь и само создание только что упомянутых группировок без какого бы то ни было согласования с АСЕАН, и их небезуспешные попытки втягивать в сферы своего влияния отдельных членов Ассоциации, растаскивая ее на части, – очевидные симптомы маргинализации силы, до недавних пор наделенной в регионе особой миссией.

Сказав все это, подчеркнем: ни глубинных причин того, что творится сейчас с АСЕАН, ни подлинных масштабов урона, наносимого ей, не понять, не освежив в памяти некоторых изначальных особенностей проекта АТР. Ведь именно в качестве его активного участника АСЕАН нащупала и освоила свою центральную роль.

Подготовка к запуску проекта АТР, совпавшая по времени с окончанием «холодной войны», набирала ход в атмосфере ожиданий безальтернативного будущего, уготованного человечеству. Слом политико-идеологических барьеров, воздвигнутых в эпоху биполярного соперничества, словно бы открывал перспективу поистине планетарного самоутверждения капитализма, не связанного более никакими «сдержками и противовесами» – и, соответственно, перспективу самоутверждения Америки как единственной сверхдержавы и главного двигателя однополярной глобализации. В Тихоокеанской Азии, как и повсюду в мире, покладистое сотрудничество с США воспринималось правящими элитами (за редчайшими исключениями типа Мьянмы и КНДР) в качестве единственно разумной линии поведения.

Вплотив в себе сквозные смыслы *однополярного момента* и выразив тем самым его дух, проект АТР вовлек в свою орбиту столь же многочисленных, сколь и несхожих друг с другом участников. На форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС, с созыва которого в начале 1990-х гг. реально стартовал проект АТР) были представлены, вкупе с США, Канадой, Австралией и Новой Зеландией, экономические тяжеловесы Северо-Восточной Азии в лице Японии и Южной Кореи; шесть тогдашних членов АСЕАН (Бруней, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины); Тайвань с Гонконгом (приглашение которых обосновали тем, что АТЭС задуман как площадка взаимодействия экономик, а не суверенных государств); и, наконец, Китайская Народная Республика, уже широко шагавшая по дороге «четырёх модернизаций», но при этом хранившая верность коммунистическому учению. Какой бы пестрой ни казалась эта комбинация действующих лиц, их всех объединяло понимание того, что триумф Америки в «холодной войне», разрешивший фундаментальные геополитические противоречия второй половины XX века, предвещает наступление *эры геоэкономики*, и Тихоокеанская Азия имеет все шансы стать ее главным бенефициаром. В итоге проект АТР приобрел тот *уникально инклюзивный характер*, который чуть позже был закреплён приемом в АТЭС Социалистической Республики Вьетнам, Российской Федерации, Мексики, Папуа-Новой Гвинеи, Перу и Чили.

Ярчайшим подтверждением того, что инклюзивность – не внешний признак, а содержательная особенность проекта АТР, стало формирование устойчивой и в высшей степени динамичной системы торгово-экономических и инвестиционных взаимодействий Америки и Китая. По сути дела, *связка США–КНР выполнила функцию «разгонного блока» всего проекта*, показав остальным его участникам, что работать с китайцами можно и нужно, и обозначив для АТР перспективу сотрудничества «всех со всеми». Сыграла свою роль и специфика однополярного момента. Отказываясь видеть в Пекине потенциального соперника, Вашингтон слишком долго пребывал в уверенности, что рыночный опыт сам собой доведет китайцев до демократии, тогда как те держали себя, сообразно заветам Дэн Сяопина, столь же прагматично, сколь и скромно.

Наконец, свою немалую лепту в закрепление инклюзивности как организующего принципа проекта АТР внесла и АСЕАН. Приобретя на исходе «холодной войны», по ходу поисков камбоджийского урегулирования, полезный опыт интенсивного общения с великими державами и маневрирования в их кругу, Ассоциация применила его на этапе доработки концепции АТЭС, выговорив себе роль координатора деятельности этого форума, инициатора определения его целей и ориентировочных сроков их достижения. В течение двух последующих десятилетий Ассоциация сделала все от нее зависевшее, дабы эта привилегия переросла в идею ее центральной роли – идеи, воплощенную в практике упомянутых выше асеаноцентричных платформ и механизмов. Согласно представлениям средних и малых держав, сгруппировавшихся в АСЕАН, инклюзивность подразумевала максимальную диверсификацию внешних связей, особенно с крупными развитыми странами, дабы обеспечить себе и высокие темпы экономического роста, и *коллективную стратегическую автономию* (прежде всего, у себя дома в ЮВА, но в какой-то степени и в масштабах АТР).

Пока на глобальном и региональном уровнях события развивались в более или менее эволюционном ключе, эта линия поведения представлялась вполне оправданной – с поправкой на то, что в оболочке однополярного момента неуклонно зрели противоречия, грозившие ее болезненным разрывом.

Не вдаваясь в детали того, как и почему нечто подобное в конце концов произошло, зафиксируем главное: придав стремительное ускорение социально-экономической модернизации в странах Тихоокеанской Азии, проект АТР жестоко обманул ожидания своего главного спонсора. Ведь наибольшую выгоду извлекли из него не Соединенные Штаты, желавшие посредством этого проекта перезагрузить свое глобальное верховенство и продлить его сроки, а Китай, усилившийся, с точки зрения американцев, столь же впечатляюще и системно, сколь и непозволительно.

По всем признакам, последним доводом в пользу того, что с Пекином пора разводиться – и чем скорее и больше, тем лучше – стала для Вашингтона китайская *инициатива «Пояс и путь»* (ИПП). Поскольку территориально-пространственной и политико-экономической базой, опираясь на которую Китай разворачивал свою глобальную экспансию, являлся АТР, бить надо было именно туда – что и сделал Дональд Трамп уже в начале своего президентства.

Объявив Китай и Россию стратегическими конкурентами Америки (читай – ее экзистенциальными противниками); подвергнув обе державы экономическому прессингу; реанимировав Quad и «упаковав» эту сумму мер и демаршей в индо-тихоокеанскую фразеологию, *администрация Д. Трампа фактически вывела Америку за скобки проекта АТР – что нельзя расценить иначе, как закрытие данного проекта* вместе с его инклюзивностью, с американо-китайской экономической связкой как драйвером роста и с той региональной архитектурой безопасности, в которой АСЕАН отводилась центральная роль. Ныне эту разрушительную работу с упоением доводит до логического завершения администрация Дж. Байдена – попутно и при каждом удобном случае заверяя АСЕАН, что ей беспокоиться не о чем.

Задним числом напрашивается параллель между «обнулением» проекта АТР и подрывом «Северных потоков». В обоих случаях налицо атаки таранного типа на инфраструктуру многостороннего международного сотрудничества, ставящие крест на исторически мимолетном торжестве геэкономике над геополитикой. *Разом уходят в прошлое и однополярная глобализация, и проект АТР, и производная от него центральная роль АСЕАН.* Восстановить в прежнем виде что-либо из перечисленного, тем более все это вместе взятое, не представляется возможным.

Как оценить, в свете этого тезиса и в обстановке не прекращающихся индо-тихоокеанских маневров США, нынешнее состояние АСЕАН и курируемых ею диалоговых платформ, вероятность продуктивной реализации соглашения о ВРЭП, а также тенденции внутриполитического и экономического развития, характерные сейчас для стран ЮВА?

Попробуем кратко ответить на эти вопросы, имея в виду, что они, строго говоря, относятся уже не к поддержанию центральной роли, а к перспективам сохранения АСЕАН как более или менее целостного субъекта международных отношений.

АСЕАН в конце первой четверти XXI века: риски и угрозы

Поначалу во многих странах, охваченных прежним проектом АТР, смена азиатско-тихоокеанской фразеологии на индо-тихоокеанскую воспринималась как подобие поверхностного «ребрендинга» давно известных подходов и не вызвала особого беспокойства. Даже сегодня понимание того, что под этой «дымовой завесой» США пытаются «отменить» процессы региональной интеграции, набравшие силу в рамках проекта АТР, пробивает себе дорогу с трудом. Чем мотивирована эта разрушительная операция, и что она означает для АСЕАН? Разбираясь в этом, вспомним о стратегической заповеди, которой Вашингтон руководствуется в Тихоокеанской Азии уже более ста лет.

Согласно Генри Киссинджеру, она сводится к тому, чтобы не допускать в этой части мира появления конкурента, сопоставимого по совокупной мощи с самими Соединенными Штатами и способного бросить оттуда вызов их глобальному доминированию¹³⁷.

В качестве претендента на эту роль американцы рассматривают сейчас Китай. При таком раскладе на других участников региональных взаимодействий взирают уже сквозь призму противостояния с ним, уделяя особое внимание тем ближайшим партнерам, от которых его – посредством «индо-тихоокеанской инициативы» – необходимо отсекал перво-наперво.

К категории таких партнеров Китая безусловно относятся АСЕАН и ее члены. Высочайшую взаимозависимость обеих сторон отражают данные о совокупном товарообороте: по имеющимся оценкам, в 2022 году он вплотную приблизился к 1 трлн долл. США¹³⁸. Сам порядок цифр говорит о том, что нынешние отношения КНР со странами ЮВА и их Ассоциацией как единым целым ни коим образом не сводятся к «голой» экономике, носят всеобъемлющий характер и не могут не иметь геополитической составляющей.

Запоздалое прозрение на этот счет вынуждает Вашингтон примеряться к разрыву связки КНР с АСЕАН в момент, который отнюдь не кажется благоприятным для решения столь трудной задачи (даже если взвесить всю сумму противоречий, осложняющих взаимопонимание между Пекином и асеановскими столицами). Во всяком случае, делать ставку в подобной операции главным образом на методы кнута, пренебрегая методами пряника, представлялось бы недалководным. По-хорошему (если это слово вообще здесь уместно) громадные материальные и нематериальные потери, понесенные асеановцами по воле Америки, надлежало бы смягчить соизмеримой компенсацией, удовлетворяющей некий жизненно важный запрос потерпевшей стороны.

Гипотетически такая компенсация могла бы выразиться в щедрой финансовой поддержке инфраструктурного обустройства Юго-Восточной Азии, являющегося общим приоритетом для государств региона. Пока, однако, складывается впечатление, что ни к чему подобному американцы – сколь бы энергично они ни настаивали на обратном – не склонны. И дело тут, по-видимому, даже не в вопросе о наличии или отсутствии у них соответствующих денежных средств (хотя можно спорить уже и об этом). Дело в самой сути американской «индо-тихоокеанской инициативы», «заточенной», в отличие от проекта АТР, не на интеграцию, а на фрагментацию «всех со всеми»; не на инклюзивную геоэкономику, а на агрессивную геополитику; не на реализацию собственных проектов, а на срыв чужих.

¹³⁷ Kissinger H. World Order. Penguin Books, 2014. P.233.

¹³⁸ Trade between China and ASEAN grows 15% in 2022, first year of RCEP's enforcement // Global Times, January 13, 2023 / <https://www.globaltimes.cn/page/202301/1283779.shtml> (дата обращения: 09.06.2023).

Между тем сорвать их не так-то просто – особенно в случае с Китаем, не просто предлагающим миллиардные инвестиции под объекты критической инфраструктуры, но и методично возводящим таковые по внешнему периметру своих юго-восточных границ. При всех претензиях к инициативе «Пояс и путь» (высказывавшихся, в том числе, и в ряде стран АСЕАН), Китай не отмахивается от критики, принимает ее во внимание и продолжает действовать, добываясь вполне конкретных результатов. Мьянма, Лаос и Камбоджа уже накопили солидный опыт сотрудничества с КНР по линии ИПП¹³⁹. Вполне вероятно, что при отсутствии иных источников финансирования их примеру последуют другие «братья и сестры» по АСЕАН.

Что не устраивает в таком развитии событий американцев? Возможно, тот факт, что, проектируя и создавая по своим стандартам системы связи, энергетические мощности, пути сообщения и логистические хабы как внутри государств ЮВА, так и между ними и самим собой, Китай преуспевает на двух направлениях сразу. Во-первых, укрепляет свои собственные взаимосвязи с асеановцами, не прибегая к методам внеэкономического принуждения. Во-вторых, приближая их к себе, способствует сплочению стран АСЕАН на почве общей близости с собою же.

В ситуации, складывающейся в начале 2020-х гг. в Тихоокеанской Азии, сценарий синхронного укрепления внутреннего единства Ассоциации и связки КНР-АСЕАН смотрится как заведомо неприемлемый для Вашингтона и его союзников. При администрации Дж. Байдена, как и при администрации Д. Трампа, напряженные поиски откликов на этот вызов начинаются под девизом «разделяй и властвуй» и им же заканчиваются. Судя по тому, как развиваются события, одно из предложений заключается в том, чтобы, систематически провоцируя разногласия внутри АСЕАН, отколоть от нее столько участников, сколько получится, и инкорпорировать их в антикитайский фронт во главе с Соединенными Штатами, лишив КНР возможности координировать свои региональные планы с единой АСЕАН.

Достоин сожаления, что уже не первый год для продвижения в эту сторону всячески используется широкое представительство коллективного Запада на таких асеаноцентричных площадках, как АРФ и ВАС. В их повестке дня удерживаются темы, по которым у членов Ассоциации согласия заведомо нет и в обозримой перспективе почти наверняка не будет. Это, прежде всего, территориальные споры в Южно-Китайском море и кризис в Мьянме. В последнее время сопоставимое значение приобрели ситуации вокруг Тайваня и Украины.

Пример Мьянмы внушает особую тревогу за будущее АСЕАН. После введения в феврале 2021 г. чрезвычайного положения в этой стране остальные члены Ассоциации, уступая давлению внерегиональных сил и с нарушением собственных процедурных норм, фактически отказали ей в представительстве на регулярных асеановских совещаниях и отстранили от процесса принятия решений.

Нажим извне, которому Ассоциация подвергалась в течение всего 2022 года, вынудил ее пойти на такой труднообъяснимый шаг (в том смысле, что принцип невмешательства распространяется в рамках АСЕАН не только на сами государства «десятки», но и на их диалоговых партнеров), как присоединение Украины к Балийскому договору. Дебаты о ситуации в этой стране, состоявшиеся на саммите АСЕАН-ЕС, были зафиксированы в его итоговой декларации в форме, весьма далекой от объективной¹⁴⁰. Подобные сюжеты вряд ли подкрепляют претензии АСЕАН на стратегическую автономию.

Популярным приемом постановки Ассоциации под внешний контроль становится ее «окружение» всевозможными минилатеральными структурами. Помимо Quad и AUKUS, возникают трехсторонние форматы, в рамках которых участники тех же Quad и AUKUS (в

¹³⁹ China Announces New ASEAN Belt & Road Initiative Projects Centered Around Cambodia // ASEAN Briefing, November 14, 2022 / <https://www.aseanbriefing.com/news/china-announces-new-asean-belt-road-initiative-projects/> (дата обращения: 09.06.2023).

¹⁴⁰ EU-ASEAN Commemorative Summit Joint Leaders' Statement. Council of the European Union, December 2022 / <https://www.consilium.europa.eu/media/60846/eu-asean-leaders-statement.pdf> (дата обращения: 06.06.2023).

частности, Япония и Австралия) предлагают себя в партнеры то Филиппинам, то Индонезии. Отрабатываются и процедуры вовлечения отдельных членов АСЕАН (к примеру, Вьетнама) в сотрудничество по модели Quad+. И хотя все эти объединения дружно высказываются в поддержку центральной роли АСЕАН, на деле они помогают дробить «десятку» и оттеснять ее от реального участия в региональных делах.

Наконец, свидетельством того, как далеко заходят инициаторы и исполнители этих вредоносных акций (но также и сигналом о том, что желаемых результатов они пока не приносят) стал выход США и их союзников по НАТО на идею *единого евро-атлантического и индо-тихоокеанского стратегического пространства*¹⁴¹. Этот тезис закрепляется в риторике Альянса и доктринальных документах его членов. Так делается заявка не только на превращение акваторий и побережий двух океанов в арену противоборства коллективного Запада с Китаем и Россией, но и на низведение Тихоокеанской Азии, включая АСЕАН, до уровня площадки очередного неокOLONиального эксперимента, предоставляющего бывшим метрополиям возможность напомнить миру о своем «славном прошлом».

Подобный событийно-информационный фон не оставляет места благодущию. Во избежание отката назад, во времена, когда их Ассоциации еще не было даже в проекте, странам Юго-Восточной Азии, по отдельности и вместе, пора признать всю серьезность вызова, который им брошен, и вплотную заняться разработкой стратегии адекватного ответа.

Вопрос в том, насколько близка «десятка» к осознанию этого императива. Данная тема будет еще раз затронута в заключительном разделе главы.

Геоэкономические пожелания АСЕАН и реалии геополитики

Публикуя в июне 2019 г. «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН», лидеры стран-участниц Ассоциации давали понять: кто бы и как бы ни пробовал переименовать или перепроектировать широкий регион, с которым они себя отождествляют, этот последний должен оставаться зоной, в которой всеобщая установка на экономическое сотрудничество превалирует над тенденциями к соперничеству (в том числе военно-политическому) и некоторым образом держит их в узде. В связи с этим предлагалось положить в основу совместной деятельности такие приоритеты, как

- достижение к 2030 г. целей устойчивого развития, намеченных ООН;
- наращивание инфраструктурной, логистической и иной взаимосвязанности посредством мер, предусмотренных специально разработанным на эту тему Генеральным планом АСЕАН (Master Plan on ASEAN Connectivity 2025);
- скорейшее завершение переговоров по ВРЭП и оформление соглашения, приводящего к единообразию прежние договоренности АСЕАН с ее диалоговыми партнерами о режимах свободной торговли.

Фактически асеановцы выступали с призывом дополнить «индо-тихоокеанскую инициативу» США основательной экономической программой, адресованной региону в целом. Причем программой, выдержанной в духе инклюзивности и бережного отношения ко всему лучшему, что наработано в проекте АТР (включая асеаноцентричное соглашение о ВРЭП с участием КНР, но без Соединенных Штатов). Другими словами, администрацию Дональда Трампа, только что решительно покончившую с этим проектом, убеждали одуматься и дать задний ход.¹⁴²

¹⁴¹ Relations with partners in the Indo-Pacific region // NATO, April 11, 2023 / https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_183254.htm (дата обращения: 09.06.2023).

¹⁴² ASEAN Outlook on the Indo-Pacific // ASEAN Secretariat, <https://asean.org/asean-outlook-indo-pacific/> См. также: Сумский В.В. «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» и вертикальный взлет американо-китайских противоречий // Международная жизнь. 2021. №4. С. 74–89.

Некое подобие отклика последовало лишь три года спустя в виде предложения о создании *Индо-тихоокеанского экономического рамочного соглашения* (Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity), представленного Дж. Байденом 14-ти партнерам из Тихоокеанской Азии и принятого ими (май 2022 г.). Коротко говоря, это не более чем декларация заинтересованных сторон о намерении уточнить совместные планы путем переговоров. Таковые должны пройти по четырем направлениям: «честная торговля», «устойчивые цепочки поставок», «инфраструктура, чистая энергетика и декарбонизация», а также «налогообложение и борьба с коррупцией»¹⁴³. При этом тема доступа участников на рынки друг друга, исключительно важная для асеановских экспортеров, в этом списке не значится. Нет ответов и на вопросы о том, кто, в каких объемах и на каких условиях готов финансово вложиться в создание новых объектов инфраструктуры, без чего поддерживать динамику производственной и коммерческой интеграции в той же ЮВА затруднительно.

Зато лишний раз подчеркнуто, кого Вашингтон считает в Тихоокеанской Азии «своими», а кого – «чужими». Среди приглашенных в новую группировку – все три партнера США по Quad, но только семь из десяти членов АСЕАН. Легко заметить, что отсутствуют те, кто развивает устойчивые отношения с КНР, – Камбоджа, Лаос и Мьянма. Ну и, само собой, Китай, в торгово-технологической войне с которым США доходят до попыток самовольно перестроить под себя «азиатскую фабрику» полупроводников, устанавливая свой контроль над ключевыми звеньями в ее цепочках добавленной стоимости¹⁴⁴.

Как соотносятся очередные ходы Америки на индо-тихоокеанской «шахматной доске» с соглашением о ВРЭП, подписанным в 2020 году? Возможна ли тут в принципе какая-то позитивная синергия или хотя бы прагматичный диалог? Как-никак, одиннадцать из пятнадцати подписантов ВРЭП допущены также в «Индо-тихоокеанское экономическое рамочное соглашение». Но дело в том, что те четверо, кому в допуске отказано, – это КНР, Камбоджа, Лаос и Мьянма. С какой стороны ни посмотреть на индо-тихоокеанские «активности» США, отовсюду хорошо видна их антикитайская геополитическая доминанта и обусловленная ею установка на расшатывание и фрагментацию АСЕАН как субъекта международных отношений.

Раз так, то не разумнее ли, с точки зрения Ассоциации, сосредоточиться на сотрудничестве с партнерами по ВРЭП? Доводом в пользу такого подхода служит, в частности, тот факт, что ядром ВРЭП является диалоговый формат АСЕАН+3, действующий по сей день и исторически зарекомендовавший себя как едва ли не самая перспективная из всех асеаноцентричных конструкций. В относительно недавнем прошлом его участникам – «десятке» стран ЮВА вместе с Китаем, Японией и Южной Кореей – удавалось поддерживать такой уровень взаимопонимания (в том числе между экономическими гигантами Северо-Восточной Азии, далеко не во всем и не всегда согласными друг с другом), который позволял им сообща и методично наращивать масштабы торгово-инвестиционных связей.

Однако формат АСЕАН+3 приносил позитивные результаты не сам по себе, а в теснейшей увязке с проектом АТР и теми его базовыми особенностями, о которых уже не раз упоминалось – инклюзивностью, экономической связкой США–КНР и центральной ролью АСЕАН в регионе. Но так ли это теперь? И если нет, то что отсюда следует для АСЕАН+3 и для ВРЭП? Как, например, могут выглядеть взаимодействия в обоих этих форматах между китайцами и японцами, если последние (согласно откровениям генерала Джоэла Воувелла, командующего контингентом сухопутных войск США в Японии) воспринимают свою страну в нынешней Азии как аналог Польши в условиях конфликта вокруг Украины, а Китай – как

¹⁴³ Statement on Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity // The White House, 23.05.2022 // <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/statement-on-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/> (дата обращения: 11.06.2023).

¹⁴⁴ Гамза Л.А. Технологический аспект азиатского турне Нэнси Пелоси // ИМЭМО РАН. 10.08.2022 / <https://www.imemo.ru/news/events/text/tehnologicheskij-aspekt-aziatskogo-turne-nensi-pelosi/> (дата обращения: 11.06.2023).

аналог России?¹⁴⁵ И если в этом есть доля правды, то по силам ли АСЕАН не только модерировать китайско-японский диалог, но и направлять всю деятельность ВРЭП – сегодня и в обозримом будущем?

К непростым вопросам такого рода добавляют свою толику сомнений специалисты по техническим аспектам внешней торговли. Напоминая, что ВРЭП – нечто большее, чем простая сумма договоренностей о зонах свободной торговли (ЗСТ), которых АСЕАН достигла с партнерами по ВАС в «прежней жизни», они констатируют: новое многостороннее соглашение содержит немало пунктов и обязательств (включая существенные снижения таможенных тарифов), исполнение которых может быть проблематичным для целого ряда стран-подписантов¹⁴⁶. Некоторые направления сотрудничества в новинку едва ли не всем членам ВРЭП, ибо раньше вообще не фигурировали в соглашениях о ЗСТ, заключенных по формуле АСЕАН+1. Это, в частности, положения о конкуренции с участием госпредприятий, защите прав интеллектуальной собственности, электронной торговле и государственных закупках. Порой желание создать по-настоящему «продвинутой» документ оборачивается курьезным промахом. Так, правила, регламентирующие инвестиционную деятельность, изложены во ВРЭП с большей степенью детализации, чем даже в материалах ВТО, но механизм разрешения споров между инвестором и государством при этом не раскрыт.

Эти и подобные им моменты в сочетании с давлением лоббистских групп на правительства стран ЮВА и дефицитом специальных знаний у тамошней бюрократии порождают у части наблюдателей неуверенность в том, что Ассоциация в состоянии выступить в роли эффективного координатора ВРЭП.

Не отрицая, что подобные опасения возникают не на пустом месте, подчеркнем: в настоящее время есть куда более серьезные причины для беспокойства за судьбу этого проекта. Суть дела в том, что разработка концепции ВРЭП и подготовка к ее реализации пришлось на период, когда движение к неуклонно возрастающей свободе торговли воспринималось – по крайней мере, на уровне властвующих и деловых элит – как альфа и омега азиатско-тихоокеанских интеграционных процессов, безусловное благо для всех и в некотором роде самоцель. Запускать же в работу и отлаживать механизмы ВРЭП приходится в ситуации, когда реальную свободу торговли урезают всеми возможными способами – от незаконных санкций и эрзац-законов типа «Акта о противодействии противникам Америки посредством санкций» до тиражирования fake news и превращения мировой резервной валюты в орудие убийства «неправильных» товаропроизводителей и экономик, народов и государств.

Стояние одной ногой во ВРЭП, а другой – в «Индо-Тихоокеанском экономическом рамочном соглашении» представляется худшим, что могли придумать в данных обстоятельствах Бруней, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины. Чем бы ни был мотивирован их шаг, они объективно сделали выбор в пользу дальнейшей фрагментации АСЕАН, а тем самым и в пользу ослабления ее роли как координатора ВРЭП. Иначе говоря, сыграли против себя. И если дело дойдет до того, что позиция координатора окажется де-факто вакантной, то, кроме Китая, занять ее некому. Такой поворот событий не понравился бы, конечно, ни «великолепной семерке», ни американцам, но если он случится, то кузнецами своего несчастья и те, и другие будут сами.

¹⁴⁵ Digital Press Briefing with Major General Joel Vowell, Commanding General, U.S. Army Japan // U.S. Department of State, 20.04.2023 / <https://www.state.gov/digital-press-briefing-with-major-general-joel-vowell-commanding-general-u-s-army-japan/> (дата обращения: 11.06.2023).

¹⁴⁶ *Armstrong S., Drysdale P.* The Implications of the Regional Comprehensive Economic Partnership for Asian Regional Architecture // RCEP: Implications, Challenges and Future Growth of East Asia and ASEAN / Ed. by Kimura F., Thangavelu S., Narjoko D. Jakarta, ERIA, 2022. P. 251.

Дееспособность АСЕАН и внутренние проблемы ее членов

По многим причинам (главная из которых – *незавершенность процессов национально-государственной интеграции*, наблюдающаяся в ЮВА едва ли не повсеместно) АСЕАН до сих пор не создала эффективно работающих наднациональных институтов управления. В настоящий момент, как и на всем протяжении ее истории, дееспособность Ассоциации во внешних делах определяется в весьма значительной степени экономической и политической конъюнктурой в каждом из 10 входящих в нее государств¹⁴⁷.

Достижения, с которыми они вступали в XXI век, представлялись в целом неоспоримыми. Специфика проекта АТР и превращение Китая в главного торгового партнера «десятки» благоприятствовали тому, что модели экспорт-ориентированного индустриального роста прижились и заработали не только в странах, стоявших у истоков АСЕАН, но и в тех, которые присоединились к Ассоциации позже, особенно во Вьетнаме¹⁴⁸. Строительный бум и подъем космополитичных мега-городов, бурное развитие туристической отрасли и широчайшего спектра услуг, замыкавшихся на нее, повышали спрос на рабочую силу, стимулировали ее трансграничные перетоки туда, где он был выше, и открывали многим миллионам людей возможности трудоустройства на приемлемых для них условиях. Инвестиционная привлекательность ЮВА подтверждалась готовностью крупнейших ТНК, задававших тон в наукоемких производствах, обустраивать там свои филиалы и подключать их к глобальным цепочкам добавленной стоимости.

Со стороны политики оптимистичные ожидания поддерживались процессами «демократического транзита» в трех крупных странах. На Филиппинах, в Индонезии и Таиланде к власти тем или иным путем приходили лидеры и силы, обещавшие порвать с авторитарным прошлым, побороть коррупцию, поддержать динамизм экономики и, развернув государство лицом к «простому человеку», позаботиться о росте его благосостояния. Громкое эхо этих деклараций разносилось по всей ЮВА, подспудно формируя запрос на демократию и социальную справедливость даже там, где он, казалось, не имел особых шансов быстро претвориться в ощутимые перемены. Приметой времени стало становление, при финансовой подпитке из-за рубежа, сетей неправительственных организаций (НПО), пронизывавших региональное пространство и ориентированных на борьбу с бедностью, охрану природы, правозащитную агитацию и пр. Очаги перманентной активности этого рода образовались, помимо продвинутой по асеановским меркам Малайзии, в Камбодже и Мьянме.

Так, в самых общих чертах, выглядела ситуация 20-летней давности. Что можно сказать о положении, складывающемся сегодня? Начнем опять с экономики. Согласно имеющимся прогнозам, в среднем по АСЕАН реальный рост ВВП составит 5,6% в 2022 г. и 4,6% в 2023 г.¹⁴⁹ Хотя для пост-ковидного периода это более чем ободряющие сигналы, приходится считаться и с фактом крупной задолженности – как частной, так и государственной – накопленной в странах Ассоциации по ходу борьбы с пандемией; с ростом бюджетных дефицитов, обозначившимся по той же причине; с некоторыми другими тревожными моментами, отражающими состояние экономик и обществ накануне или в приходе пандемии.

В частности, по данным на самое начало 2020-х гг. разрыв в доходах самых богатых и самых бедных 10% населения в странах «бывшего АТР» был в 2 раза больше, чем в странах

¹⁴⁷ Весьма последовательно и аргументированно эту точку зрения отстаивает видный сингапурский дипломат и общественный деятель Билахари Каусикан. См.: Bilahari Kausikan. Singapore is not an Island. Views on Singapore Foreign Policy. Singapore. Straits Times Press, 2017. P. 112-118.

¹⁴⁸ ВВП Вьетнама с 1996 г. по 2019 г. вырос в 10 раз, доходы на душу населения – в 8 раз. См.: Сумский В.В. Вьетнам: на гребне успеха и в раздумьях о будущем // Вьетнамские исследования. М.: 2021, Т.5, №3. С.169.

¹⁴⁹ Economic Outlook for Southeast Asia, China and India 2023: Reviving Tourism Post-Pandemic // OECD, 2023 / https://read.oecd-ilibrary.org/development/economic-outlook-for-southeast-asia-china-and-india/volume-2023/issue-1_f677c529-en#page21/ (дата обращения: 12.06.2023).

ОЭСР. Примерно тогда же замеры коэффициента Джини более чем в половине стран Ассоциации выдали результаты, близкие к показателю 0,40 или превосходящие его, что говорит о достаточно высоком уровне социального неравенства¹⁵⁰.

Затяжные локдауны, закрытия границ и остановки авиарейсов не могли не осложнить и эту картину: привычных источников существования лишилась масса работников мелких и средних сервисных компаний, живших за счет туризма. Бесчисленные уличные торговцы и другие самозанятые, подвизавшиеся в той же сфере, наверняка пострадали еще больше.

В ситуацию форс-мажора попали, естественно, и крупные компании-экспортеры, зависящие от стабильного спроса на их продукцию на внешних рынках, от бесперебойных поставок комплектующих и сырья, от своевременных платежей заказчиков. Всю эту предсказуемость практически снесло, когда на коротком временном отрезке наложились друг на друга эффекты закрытия проекта АТР, пандемии COVID-19, американо-китайской торгово-технологической войны, вала антироссийских санкций и беспрецедентного нарастания геополитической турбулентности.

Как вернуться теперь, когда выясняется, что эпоха перемен пришла всерьез и надолго, на траекторию ускоренного экономического роста? Реально ли добиться этого, перезапуская экспорт-ориентированную модель без каких-либо корректив, и стоит ли она такого перезапуска? Ведь уже лет десять как слышны предупреждения, что чрезмерная приверженность данной модели с ее упором на дешевизну рабочей силы как главное конкурентное преимущество обрекает страны АСЕАН (кроме Сингапура) на увязание в *ловушке дохода среднего уровня* и продолжительную стагнацию. Если нечто подобное уже случилось, то поиски конструктивного выхода из создавшегося положения становятся для асеановцев вопросом вопросов.

Типологически схожие проблемы, не решаемые ни с одного, ни с двух, ни с трех подходов и кажущиеся неподъемными, встают и в области внутренней политики государств ЮВА. Пример Королевства Таиланд позволяет проиллюстрировать этот тезис как нельзя более наглядно.

На рубеже веков там вышел на политическую авансцену Таксин Чинават – яркий и амбициозный деятель популистского склада. Заступив в 2001 г. на пост премьер-министра, он развернул экономические реформы, упрочившие его электоральную базу в самых густонаселенных, но отнюдь не процветающих районах страны – ее северных и северо-восточных провинциях. Бангкокская элита в лице высшей аристократии, военно-бюрократической верхушки и их бизнес-партнеров усмотрела в этом дерзкое покушение на свои привилегии. В 2006 г. премьера, обвиненного в коррупции и неуважении к монархии – правонарушении, которое сурово карается местными судами, – сместили путем военного переворота. Однако этот прием, широко применявшийся во второй половине XX в. носителями реальной власти для второстепенных подновлений ее фасада, сработал лишь отчасти: ни самого Таксина, ни его активных сторонников изгнать из политики не удалось¹⁵¹. Находясь в эмиграции более 15 лет, он и сегодня остается одной из самых влиятельных фигур у себя на родине. Между 2007 г. и 2019 г. партии, дистанционно руководимые им, четырежды побеждали на парламентских выборах, но методично и жестко оттеснялись от рычагов государственного управления. Характерно, что в тот же период имели место и такие события, как срыв председательства Таиланда в АСЕАН из-за серии обострений внутривнутриполитической борьбы (2009); кровавые столкновения в Бангкоке между сторонниками и противниками Таксина на грани срыва в гражданскую войну (2010); и, наконец, еще один военный переворот (2014), по большому счету лишь поставивший кризис «на паузу»¹⁵².

¹⁵⁰ Society at a Glance: Asia/Pacific 2022 // OECD, 2022 / <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/01bc89ac-en/index.html> / (дата обращения: 11.06.2023).

¹⁵¹ Pavin Chachavalpongpun (ed.). “Good Coup” Gone Bad: Thailand’s Political Developments since Thaksin’s Downfall // Singapore. ISEAS. 2014. 290 p.

¹⁵² Nirmal Ghosh. Unquiet Kingdom: Thailand in Transition // Singapore. Straits Times Press. 2017. 267 p.

Последние по счёту парламентские выборы состоялись в Таиланде 14 мая 2023 г. Еще до официального оглашения их итогов стало известно, что оппозиция (ведомая на этот раз «Движением вперёд», опирающимся на «сердитый» молодой средний класс столицы, и партией «Пья Тай», хранящей верность Таксину) лидирует по совокупному числу голосов и готова сформировать коалиционное правительство. Но опыт последних полутора десятилетий взывал к осторожности в прогнозах, и наблюдатели отнюдь не исключали «повторений пройденного» типа очередного путча и ответного выплеска протестов на улицы Бангкока. Однако к октябрю 2023 г. представителям консервативных элит, завязавшим диалог с более умеренными элементами в руководстве «Пья Тай», удалось склонить верхушку этой партии к созданию правящей коалиции без участия «Движения вперед». Насколько жизнеспособен этот альянс? Состоится ли примирение Таксина с нынешними носителями реальной власти? Если да, то на каких условиях? Если нет, то с какими последствиями для страны? Внятных ответов на эти вопросы пока не слышно¹⁵³.

Мучительное зависание Таиланда в политической неопределенности (говоря весьма условно – между авторитаризмом и демократией) может быть понято как *пример непродуктивного равновесия между тем, что отживает свое, но еще не вовсе обессилело, и тем, что нарождается, но пока не дозрело до самореализации*. При таком понимании таиландского феномена он не покажется чем-то особенным в рамках АСЕАН. Скорее напротив, предпосылки «зависания по-тайски» либо какие-то вариации на эту тему зримо проступят если не во всех странах Ассоциации, то в подавляющем их большинстве.

Проблема, однако, в том, что, при всей желательности совместного поиска откликов на эти трудные вызовы, окончательный выбор в пользу того или иного отклика должен оставаться за соответствующим государством. Этого требуют принципы верховенства национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга, лежащие в основе всей деятельности АСЕАН со дня ее основания.

Если на всех этапах «зависания по-тайски» (включая два военных переворота) АСЕАН соблюдала собственные нормы, предоставляя тайцам самим искать урегулирование своих проблем, то применительно к кризису в Мьянме, вспыхнувшему два года назад, она повела себя совершенно иначе.

Коротко напомним, что на рубеже 2010-х гг. командование *вооруженных сил Мьянмы (Тамадо)*, стремясь стабилизировать положение в стране и выйти на договоренности о национальном примирении, активизировало диалог на эти темы с умеренной гражданской оппозицией, привлекло ее к участию в политическом процессе, а далее и к работе в структурах исполнительной власти. По итогам парламентских выборов 2015 г. лауреат Нобелевской премии мира и лидер Национальной лиги за демократию Аун Сан Су Чжи фактически встала во главе правительства. В свете новейшей истории Бирмы/Мьянмы подобные перемены вполне заслуживали позитивной оценки¹⁵⁴. Тенденцию к нормализации политической жизни сломала, однако, вспышка кризиса в отношениях властей с мусульманским меньшинством рохинджа, пришедшаяся на 2017–2018 гг. Глобальные СМИ восприняли эти события как сигнал к информационному натиску на Тамадо. По мере приближения новых выборов, назначенных на ноябрь 2020 г., набирала обороты международная кампания по дискредитации не только военных, но и Аун Сан Су Чжи. И ее партию, и ее саму прямо вынуждали дистанцироваться от армии. Итог известен: в преддверие голосования практически все, что было наработано в ходе военно-гражданских диалогов,

¹⁵³ См.: Editorial Board, ANU. After Thai Elections, an Unstoppable Force Meets an Immovable Object // EAF, 29.05.2023 / <https://www.eastasiaforum.org/2023/05/29/after-thai-elections-an-unstoppable-political-force-meets-an-immovable-object/> (дата обращения: 11.06.2023); Pesek W. Elections Won't Rescue Middle-Income Trapped Thailand // Asia Times, 12.05.2023 / <https://asiatimes.com/2023/05/elections-wont-rescue-middle-income-trapped-thailand/> (дата обращения: 11.06.2023).

¹⁵⁴ См.: *Ефремова К.А.* Бирма/Мьянма: парадоксы демократического транзита (1987–2017) // М.: МГИМО-Университет. 2018. 187 с.

предали забвению. Празднуя «победу за явным преимуществом», Национальная лига давала понять, что готова воспользоваться ею для выдавливания Тамадо из политики. Поскольку попытки армии склонить оппонентов к компромиссу ни к чему не привели, ей оставалось лишь ввести чрезвычайное положение, что и было сделано 1 февраля 2021 г. Хотя конституция давала военным такое право (при условии, что единство нации и ее суверенитет оказываются под угрозой), на Западе их шаг заклеили как противозаконный государственный переворот¹⁵⁵.

Подхватывая эту оценку и эту терминологию, девять стран-участниц Ассоциации одновременно солидаризируются и с евроатлантическими критиками Мьянмы, и с мьянманской оппозицией¹⁵⁶. Налицо, таким образом, вмешательство во внутренние дела одного из членов АСЕАН. Отсюда следует, что в период с февраля 2021 г. и по настоящее время АСЕАН фактически нарушает свой собственный Устав – ввиду чего кризис в Мьянме проецируется внутрь самой Ассоциации.

По иронии судьбы, пытаясь подтвердить на мьянманском направлении свою дееспособность, АСЕАН добивается прямо обратного эффекта. Вряд ли этот момент можно считать случайным, если принять во внимание не только описанные выше коллизии регионального и мирового масштаба, но и те осложнения, с которыми страны-участницы Ассоциации сталкиваются по ходу их собственного политического и экономического развития.

Заключение: от ответов на одни вопросы – к постановке других

Хотя ответы на исследовательские вопросы, поставленные в самом начале главы, уже предложены в ее тексте, сформулируем основной вывод еще раз. *В ходе реализации «индо-тихоокеанской инициативы» США, направленной на демонтаж проекта АТР и ослабление Китая, среди главных пострадавших оказалась АСЕАН. Центральная роль, закрепленная за ней в последние 30 лет в структурах регионального сотрудничества и безопасности, сведена к сугубо формальным процедурам и не может быть воссоздана в прежнем виде, как и сами эти структуры.*

В таком случае, что же дальше? Какова вероятность того, что представители правящих элит «десятки» сумеют не просто «пересобрать» и «перезагрузить» свою Ассоциацию, а выполнить это в обстановке острейшего кризиса мировых, региональных и национальных устоев? Кризиса тем более ошеломляющего, что за ним во многих отношениях стоит сила, обязанная, по идее, всемерно укреплять, а не крушить эти устои.

В борьбе с Китаем и Россией Соединенные Штаты доходят до действий в режиме саморазрушения – в частности, до использования доллара и инструментов, обеспечивающих трансграничные платежи в мировой резервной валюте, как оружия в гибридной войне с РФ.

С началом СВО на Украине инстинкт самосохранения, слабеющий у США, пробуждается у тех, кто не связан с ними накрепко. Стремление к уходу от доллара практически одновременно заявляет о себе в самых разных уголках незападного мира – от

¹⁵⁵ См.: *Ефремова К.А.* Поствыборный кризис в Мьянме // Пути к миру и безопасности. 2021. №1(60). С.89-98.; *Murphy E.* Burmese Haze: US Policy and Myanmar's Opening – and closing // Ann Arbor. Asia Shorts. 2022. 215 p.

¹⁵⁶ Судя по сообщениям в СМИ, действия Тамадо подвергаются наиболее жесткой критике со стороны Малайзии и Сингапура. Индонезия, первоначально выступавшая в том же духе, в качестве председателя АСЕАН в 2023 г. несколько смягчает свою позицию, и в этом смысле сдвигается ближе к странам Индокитая, избегающим открыто осуждать Нейпидо. См.: *Anthony Toh Han Yang.* Indonesia Pushes for Peace in Myanmar // East Asia Forum, 02.06.2023 / <https://www.eastasiaforum.org/2023/06/02/indonesia-pushes-for-peace-in-myanmar/#more-1870258> (дата обращения: 11.06.2023)

Латинской Америки до Африки, от Ближнего и Среднего Востока до Евразии и собственно Азии¹⁵⁷.

С точки зрения тезисов, вокруг которых выстроена эта глава, особенно важными представляются три момента.

Во-первых, укрепление национально-государственной субъектности через региональное сотрудничество в финансовой сфере и совместная защита от волатильности на мировых валютных рынках оформляются как магистральные направления в деятельности АСЕАН. Именно этому посвящена декларация лидеров «О продвижении региональной платежной взаимосвязанности и содействии транзакциям в национальных валютах», обнародованная 11 мая 2023 года на 42-м саммите Ассоциации¹⁵⁸.

Во-вторых, в кругу партнеров, с которыми предполагается искать возможности для перехода к расчетам в национальных валютах, к развитию и внедрению региональных цифровых валют центральных банков и других альтернативных платежных средств, присутствуют Китай и Индия, другие страны БРИКС и ШОС. В той мере, в которой эти возможности будут реализованы, АСЕАН получит шанс внести свой вклад в консолидацию того, что уже не только в российской, но и в зарубежной медиасфере именуется Мировым большинством.

В-третьих, прикасаться публично к теме дедолларизации было всегда небезопасно. Поэтому позицию, заявленную лидерами АСЕАН на их недавнем саммите, нельзя не оценить как проявление политической воли и стойкости. Тем более в условиях обостряющегося противостояния между США и Китаем, когда расчеты в юанях (а эта опция популярна в асеановских кругах) могут быть интерпретированы как знак предпочтения, оказываемого Ассоциацией Пекину перед Вашингтоном.

Как в дальнейшем будет развиваться ситуация в Юго-Восточной Азии – вопрос открытый. Очевидно одно: система взаимодействий, складывавшаяся 30 лет в рамках проекта азиатско-тихоокеанского регионального сотрудничества, канула в Лету безвозвратно. Осознание этого стало бы первым шагом к соучастию АСЕАН в создании новой региональной архитектуры.

¹⁵⁷ См.: *Столяров А.* Зеленая эпоха уходит // Эксперт, 10-16.04.2023. №15 (1293). С.13-17; *Jamrisko M., Carson R.* Suddenly Everyone Is Hunting for Alternatives to the US Dollar // Bloomberg, 22.12.2022 / <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-12-21/fx-weaponization-supercharges-de-dollarization-drive> (дата обращения: 11.06.2023); *Jamrisko M.* Southeast Asia, Too, Is Losing Patience With King Dollar's Clout // Bloomberg, 11.01. 2023 / <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-01-11/southeast-asia-too-is-losing-patience-with-king-dollar-s-clout> (дата обращения: 11.06.2023).

¹⁵⁸ См. подробнее: ASEAN leaders' declaration on advancing regional payment connectivity and promoting local currency transaction // ASEAN Secretariat, https://asean.org/wp-content/uploads/2023/05/08-ASEAN-Leaders-Declaration-on-Regional-Payment-Connectivity-and-LCT_adopted.pdf (дата обращения: 12.06.2023)

Глава 10. Южная Азия и инициатива «Пояс и путь»: от конфронтации к кооперации и обратно

Предпосылки и реализация китайской инициативы в Пакистане и Бангладеш

Южная Азия как составная часть ИТР, несмотря на доминирование Индии с точки зрения территории, численности населения, размера экономики и военной мощи, не является «закрытым» регионом. Пакистан, находящийся в постоянной конфронтации с региональным гегемоном, заинтересован в поддержке внерегиональных акторов. Хотя Бангладеш исторически имела дружественные отношения с Индией, Дакка также стремится диверсифицировать свои внешнеполитические связи.

Обе страны на протяжении большей части своей истории стремились развивать отношения с Китаем – единственным региональным игроком, сопоставимым с Индией по совокупной мощи. В этом контексте неудивительно их повышенное внимание к китайским инициативам последних десятилетий.

Инициатива «Пояс и путь» (ИПП, Belt and Road Initiative, BRI) является самым амбициозным проектом КНР. Ее целью провозглашается не только развитие китайской экономики, но и устойчивое развитие и процветание всех стран евразийского континента «на благо народов всего мира». С политической точки зрения руководство КНР предлагает развивающимся странам ИТР собственную модель сотрудничества, альтернативную западным практикам, с экономической – создает дополнительный спрос на прежнюю китайскую продукцию, производимую с помощью избыточных мощностей внутри страны, а также стимулирует работу новых высокотехнологичных отраслей китайской промышленности¹⁵⁹.

За годы независимого развития Пакистану так и не удалось перейти из группы стран с менее развитой экономикой в разряд государств со среднеразвитым национальным хозяйством. Наряду с объективными факторами – аграрно-сырьевой специализацией в колониальном хозяйстве Британской Индии, диспропорциями в социально-экономическом развитии регионов страны и уроном от стихийных бедствий – этому мешало неэффективное управление со стороны правительства (коррупция, низкая собираемость налогов, традиционно высокие расходы на проблемы обороны и безопасности), частая смена правительств и политических режимов, усугубляющийся энергетический кризис при растущем населении¹⁶⁰.

Интеграция в мировую экономику по итогам либерализации, начатой в конце 80-х гг. прошлого века, не дала Пакистану результатов, сопоставимых с индийскими – стране нужен был не только капитал, но и квалифицированная рабочая сила, готовая работать «на земле». «Всепогодный партнер» Исламабада – Пекин – оказался готов запустить пилотный проект ИПП именно в Пакистане – он получил название Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК, China-Pakistan Economic Corridor, СПЕС).

КПЭК является первым запущенным комплексом проектов в рамках ИПП. Пакет соглашений о старте инициативы был подписан сторонами в апреле 2015 г. Он включал в себя 51 проект общей стоимостью в 65 млрд долл. и подразумевал создание 27 особых

¹⁵⁹ Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / Под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2020. – С. 23–25.

¹⁶⁰ Каменев С. Н. Экономическое развитие Пакистана (1947–2012): макроэкономический анализ. — М.: ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры, 2014. — С. 107–110.

экономических зон (Special Economic Zones). Из этого числа 8 зон планировалось создать в провинции Хайбер-Пахтунхва, по 7 – в Панджабе и Белуджистане, 3 зоны в провинции Синд и по одной зоне в Гилгит-Балтистане и Исламабаде¹⁶¹.

Две трети экономических проектов нацелены на развитие энергетического сектора Пакистана, в основном – на строительство угольных теплоэлектростанций¹⁶². Вторым направлением работы является развитие инфраструктуры – она должна замыкаться на порте Гвадар в провинции Белуджистан.

Посредством КПЭК и Гвадара руководство КНР рассчитывало провести диверсификацию используемых морских путей, сократив время и стоимость доставки товаров. Гвадар находится в 2500 км от города Кашгар в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Кашгар, в свою очередь, находится в 4500 км от восточного побережья КНР, где сосредоточены основные китайские порты. И если для доставки углеводородов из стран Персидского залива (а это 60% импортируемых КНР энергоресурсов) судам по морю приходится преодолевать 16000 км, то при реализации проектов КПЭК доставляемые товары будут преодолевать лишь несколько тысяч километров.

Правительство Пакистана обратило внимание на возможность строительства глубоководного порта Гвадар еще в 1964 г., но открыто о желании построить порт было объявлено лишь в 1993 г. Первая фаза строительства была начата в 2002 г. и закончена в 2005 г. Стоимость проекта составила около 250 млн долл., 50 млн из которых пришлось на Пакистан. В рамках второй фазы строительства в 2007 г. контракт на развитие и обеспечение функционирования порта на 40 лет был заключен с частной сингапурской компанией PSA Gwadar Private Limited, но неспособность освоить средства и привлечь торговые суда обусловила передачу прав на эксплуатацию китайским компаниям¹⁶³.

Стратегия КНР в отношении Бангладеш в рамках реализации ИПП в целом выстроена по той же схеме, что для Пакистана и других стран Южной Азии – создание экономического коридора, инвестиции в инфраструктуру и строительство портов. Несмотря на сохранение высоких темпов роста экономики Бангладеш (7–7,5% прироста в год)¹⁶⁴, страна по-прежнему нуждается в развитой инфраструктуре. ИПП, к которой Бангладеш решила присоединиться в 2016 г., долгое время рассматривалась Даккой как важнейший инструмент дальнейшего развития страны.

Начало реализации ИПП в Бангладеш положил государственный визит Си Цзиньпина в Дакку в октябре 2016 г. Это было первое посещение страны китайским лидером за 30 лет. Его приезд окрестили исторической вехой в развитии бангладешско-китайских отношений и по другой причине: стороны подписали более 20 соглашений по реализации китайских инвестиционных проектов в Бангладеш на сумму около 40 млрд долл.¹⁶⁵ Кроме того, КНР согласилась предоставить южноазиатской стране кредиты на 24 млрд долл. Тем самым стороны повысили уровень двусторонних отношений до стратегического партнерства. Сам Си Цзиньпин отметил, что перед двумя странами открываются новые возможности сотрудничества¹⁶⁶.

Упомянутые соглашения были подписаны сразу после заключения нескольких крупных бангладешско-китайских инвестиционных контрактов: в 2016 г. Бангладеш подписала соглашение с китайской Jiangsu Etern Co., специализирующейся на производстве электрооборудования, о модернизации и расширении электросети страны на 1,1 млрд долл., а

¹⁶¹ *Shahzad S.M.* СПЕС: a Game Changer // Hilal. 2016.No. 8. Pp. 35–37

¹⁶² *Mascood T.* СПЕС – a Defining Project // Hilal. 2017. No. 10. Pp. 4–6

¹⁶³ *Jahjua R.W.* Gwadar – The Race to the Swift // Hilal. 2014. No. 5. Pp. 48–54.

¹⁶⁴ Bangladesh Economic Review 2022. Executive Summary, P. 33.

¹⁶⁵ Belt and Road Initiative: Perspective from Bangladesh // The Daily Star. August 7, 2019 / <https://www.thedailystar.net/round-tables/news/belt-and-road-initiative-perspective-bangladesh-1782928> (дата обращения: 02.04.2023).

¹⁶⁶ Xi Jinping's visit to Bangladesh of historic significance // People's Daily. 13.10.2016 / <http://en.people.cn/n3/2016/1013/c90000-9126474.html> (дата обращения: 06.04.2023).

также контракт с Китайской железнодорожной группой на 3,1 млрд долл. об инвестициях в строительство 170 км железных дорог, которые должны были соединить Дакку с городами в юго-западных районах страны.

Помимо выделения Экспортно-импортным банком Китая (Эксимбанк Китая, China Exim Bank) кредита на строительство авто- и железнодорожного моста через р. Падма (длина моста составляет около 6,5 км), Дакка и Пекин договорились о реализации и других инфраструктурных инициатив совокупной стоимостью 10 млрд долл., а именно – проектов создания промышленного парка в Читтагонге, строительства автомобильного туннеля на юго-востоке страны, а также сооружения порта Пайра.

На вопросе глубоководных портов ИПП в Южной Азии стоит остановиться отдельно. В случае с Бангладеш интересны соглашения с китайской стороной о двух глубоководных портах: договоренность 2009 г. о строительстве на территории Бангладеш порта Сонадия и о модернизации Читтагонгского порта, а также подписанное в 2016 г. соглашение о строительстве порта Пайра – особенности реализации этого проекта будут освещены в следующих разделах .

К 2016 г. реализация договоренностей 2009 г. о строительстве глубоководного порта в Сонадии и модернизации Читтагонгского порта так и не началась – со стороны Индии и других стран высказывались опасения по поводу так называемой «дипломатии долговых ловушек» Китая (англ. *debt-trap diplomacy*). Правительство Бангладеш, не делая публичных заявлений, постепенно реструктурировало упомянутые проекты, «растворив» их в ряде других инициатив – весьма схожих, но фактически изменявших условия договоренностей в пользу самой Бангладеш.

В случае Читтагонгского порта к 2015 г. бангладешское правительство утвердило спонсируемое Японией строительство недалеко от Читтагонга порта Матарбари, включая угольный терминал для обслуживания новой электростанции, портовую инфраструктуру для контейнерных судов и отдельный объект для импорта СПГ¹⁶⁷.

Кроме того, Бангладеш вела переговоры об изменении первоначального плана финансирования проекта по строительству порта Сонадия, с тем чтобы главным инвестором выступал не Китай, а консорциум, в который наряду с китайскими входили бы инвесторы из государств Европы, Японии, Индии и других стран. Но бангладешским элитам не удалось договориться с инвесторами из ряда государств о приемлемых для них условиях – проект был фактически свернут.

Вопрос о его финансировании не фигурировал в повестке дня на переговорах во время визита Си Цзиньпина, хотя официально правительство Бангладеш и не торопилось объявлять о приостановке проекта: формально Закон об управлении глубоководным морским портом Сонадия от 2012 г. прекратил действовать только в октябре 2020 г.¹⁶⁸ В качестве официальной причины сворачивания строительства Бангладеш назвала отсутствие коммерческой выгоды, поскольку всего в 25 км от места, где планировалось построить порт Сонадия, на средства японских инвесторов уже строился порт Матарбари.

Иными словами, Дакка стремилась к тому, чтобы китайские компании и банки участвовали в финансировании строительства портов, но не могли в дальнейшем претендовать на руководство их эксплуатацией. Вероятно, Бангладеш таким образом пыталась обезопасить себя от проблем, с которыми к 2016–2017 гг. столкнулась Шри-Ланка

¹⁶⁷ *Kibria, ASMG. Bangladesh Juggles Chinese, Japanese Interest // The Diplomat, January 05, 2015 / <https://thediplomat.com/2015/01/bangladesh-juggles-chinese-japanese-interest/> (дата обращения: 04.04.2023).*

¹⁶⁸ *Plans for a deep seaport at Sonadia nixed // The Daily Star. September 1, 2020 / https://www.thedailystar.net/business/news/plans-deep-seaport-sonadia-nixed-1953857_ (дата обращения: 12.04.2023).*

с выплатой долговых обязательств перед китайской стороной за строительство последней порта Хамбантога¹⁶⁹.

«Секьюритизация» проектов ИПП в Южной Азии

Долговыми обязательствами перед КНР обеспокоены не только в Бангладеш. Элиты вовлеченных в ИПП стран осознают, что участие в проекте не является безвозмездным и повышает их зависимость от Пекина¹⁷⁰.

Пакистанские элиты не являются исключением. Более того, во время предвыборной кампании 2018 г. лидер партии «Движение за справедливость» (Pakistan Tehreek-e-Insaaf, PTI) и будущий премьер-министр страны Имран Хан обвинял правительство партии «Пакистанская мусульманская лига Наваза Шарифа» (Pakistan Muslim League Nawaz, PML-N) в использовании КПЭК для проведения коррупционных схем, а общие условия проекта, по тогдашним заявлениям политика, служат скорее интересам КНР, чем Пакистана¹⁷¹. Уже в бытность премьером Имран Хан изменил свою точку зрения: критику КПЭК он назвал «абсурдной», а также отверг спекуляции о КПЭК в качестве «долговой ямы» для Пакистана¹⁷².

По всей видимости, желание развить второй крупный портовый город и «замкнуть» на себе внешнюю торговлю стран Центральной Азии¹⁷³ в глазах пакистанских элит оправдывает риски долговых обязательств перед Китаем. Готовность Исламабада к таким шагам вызвала однозначную интерпретацию в Нью-Дели – в понимании индийских элит Пакистан превращался в полноценного сателлита КНР, а сам КПЭК служил средством окончательного подчинения Исламабада Пекину.

Однако процесс трансформации затянулся. В ходе реализации проекта стороны на первом же этапе столкнулись с недостатком финансовых ресурсов в Пакистане¹⁷⁴ и традиционными для страны угрозами терроризма, которые подвергают опасности в том числе и китайских рабочих и инженеров. Повышенное внимание к безопасности в зоне КПЭК стимулировало и усиленное военное строительство в регионе¹⁷⁵, что стало еще одним поводом для беспокойства индийцев.

В защите КПЭК участвуют все виды вооруженных сил страны. Федеральная армия Пакистана создала особое подразделение сил специальных операций (Special Security Force, SSD) с личным составом в 15 тыс. человек. Среди задач подразделения – отражение террористической угрозы, а также конвоирование грузов на всем протяжении коридора. Военно-воздушные силы Пакистана призваны осуществлять разведку, наблюдение и рекогносцировку (Intelligence, Surveillance and Reconnaissance, ISR).

Привлечены и ВМС Пакистана. Кроме военно-морской базы «Акрам» (PNS Akram), которую называют «ушами и глазами пакистанских ВМС», а также базы «Макран» (PNS Makran), в последние годы была построена база военно-морской авиации «Сиддик» (PNS

¹⁶⁹ В 2017 г. правительство Шри-Ланки, оказавшееся не в состоянии погасить свой долг Экспортно-импортному банку Китая (Эксимбанку КНР), передало порт Хамбантога, обустроенный на китайские инвестиции, в аренду Китаю на 99 лет.

¹⁷⁰ Куреева А.А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели, значение // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. №3. С. 61–74.

¹⁷¹ Tanvir A. CPEC and the PTI: A Complicated Relationship // South Asian Voices. 13.01.2021 <https://southasianvoices.org/cpec-and-the-pti-a-complicated-relationship/>

¹⁷² PM Imran terms CPEC criticism «nonsense». The Express Tribune. 24.01.2020. <https://tribune.com.pk/story/2143397/pm-imran-terms-cpec-criticism-nonsense>

¹⁷³ Замараева Н.А. Китайско-пакистанский экономический коридор — первый этап реализации // Китай в мировой и региональной политике // История и современность. 2017. Т. 22. № 22. С. 289–307.

¹⁷⁴ Замараева Н.А. Проект Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) – первые вызовы реализации // Востоковедение: история и методология. 2019. №. 1. С. 45-55.

¹⁷⁵ Khan M. One Belt, One Road and Geopolitics in the Indian Ocean // Hilal. 2016. No. 6. Pp. 4–10.

Siddiq) в Турбате. Особый интерес вызывает военно-морская база в Дживани, вызывающая обеспокоенность индийских экспертов, предполагающих, что база будет использоваться для размещения кораблей китайских ВМС с целью продолжения «внешней экспансии Китая»¹⁷⁶. При этом пакистанцы настаивают, что целью базы остается мониторинг акватории порта Гвадар и координация действий с командованием в Карачи¹⁷⁷.

Вовлеченность военных элит Пакистана в работу вокруг порта Гвадар и прочих объектов КПЭК способствовали еще большей секьюритизации дискуссии вокруг китайских проектов. Сюжет мог развиваться в том же направлении и в последующие годы, если бы КНР не начала пересмотр своих приоритетов.

Дакка в отношениях с Пекином с самого начала была вынуждена принимать во внимание реакцию Нью-Дели. Осторожную позицию Бангладеш можно объяснить традиционным стремлением руководства страны балансировать между Индией и КНР.

Показателен пример Форума Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма (БКИМ), известного также как Куньминская инициатива 1999 г. – проекта создания экономического коридора из Калькутты в индийском штате Западная Бенгалия через столицу Бангладеш Дакку и Мьянму до Куньмина в китайской провинции Юньнань. В 2015 г. Китай официально стал считать проект экономического коридора БКИМ частью ИПП¹⁷⁸. Пекин, вероятно, рассматривал проект в одном ряду с КПЭК в Пакистане, экономическим коридором Китай–Мьянма (СМЕС) или Трансгималайской многомерной соединительной сети между Китаем и Непалом.

Однако в случае БКИМ Пекин явно недооценил фактор Нью-Дели как непосредственного участника этого формата. Вопросы развития взаимодействия в рамках БКИМ обсуждались председателем КНР Си Цзиньпином и премьер-министром Индии Нарендрой Модии во время их первой официальной встречи в Форталезе (Бразилия) на саммите БРИКС в июле 2014 г., а также в ходе встреч лидеров двух стран в сентябре 2014 г. в Нью-Дели и в мае 2015 г. в Пекине.

Однако официальные планы Пекина по включению этого проекта в ИПП вызвали возражения со стороны Нью-Дели¹⁷⁹. С 2015 г. Индия практически перестала упоминать БКИМ среди основных региональных форматов сотрудничества с ее участием¹⁸⁰.

Несколько позже Китай исключил проект экономического коридора БКИМ из ИПП¹⁸¹ и сфокусировался на двусторонних коридорах со странами Южной Азии без индийского участия. Вероятно, КНР по-прежнему рассматривала возможность провести в Бангладеш особый коридор, но уже не в рамках БКИМ, а путем продления коридора Китай–Мьянма до бангладешских портов. Но после приостановки реализации ИПП в Мьянме из-за военного переворота в этой стране 1 февраля 2021 г. вопрос о создании экономического коридора в Бангладеш не рассматривается в Пекине.

¹⁷⁶ *Rajagopalan R.P.* A New China Military Base in Pakistan? // *The Diplomat*. 09.02.2018 / <https://thediplomat.com/2018/02/a-new-china-military-base-in-pakistan/> (дата обращения: 03.04.2023).

¹⁷⁷ *Hali S. M.* Armed Force's Support to CPEC // *Hilal*. 2017. No.11, Pp. 14–19.

¹⁷⁸ *Datta S.* Bangladesh and Belt Road Initiative: Unfolding Possibilities // *National Security Vol. IV Issue III* (July–September 2021). Pp. 256–257.

¹⁷⁹ *Aneja A.* Bangladesh-China-India-Myanmar (BCIM) Economic Corridor no longer listed under BRI umbrella // *The Hindu*. April, 2019 / <https://www.thehindu.com/news/international/bangladesh-china-india-myanmar-bcim-economic-corridor-no-longer-listed-under-bri-umbrella/article26971613.ece> (дата обращения: 08.04.2023).

¹⁸⁰ Another failed India-China platform // *The Kathmandu Post*. July, 28, 2020 / <https://kathmandupost.com/columns/2020/07/28/another-failed-india-china-platform> (дата обращения: 12.04.2023).

¹⁸¹ *Datta S.* Bangladesh and Belt Road Initiative: Unfolding Possibilities // *National Security Vol. IV Issue III* (July–September 2021), p. 257.

Две траектории трансформации восприятия ИПП в Южной Азии

К началу 2020-х гг. стало очевидно, что проекты ИПП в Южной Азии нуждаются в пересмотре. Как в Пакистане, так и в Бангладеш значительную роль в восприятии и реализации китайских инициатив оказывает внешнее влияние.

Спустя восемь лет после подписания соглашений о КПЭК многие проекты так и остались на бумаге. Можно выделить два блока причин, объясняющих такое положение дел. Первый блок касается непосредственно пакистанских проблем – дефицит финансовых ресурсов, низкая квалификация управляющих проектами и рабочих, политические кризисы на самом высоком уровне, протесты населения в районах КПЭК и неспособность обеспечить безопасность проектов значительно снизили темпы строительства. Второй блок связан с переориентацией китайских интересов – КПЭК перестает играть роль ведущего проекта ИПП, Китай пытается наладить отношения с альтернативными партнерами, в первую очередь с Ираном¹⁸².

В январе 2016 г. по итогам визита Си Цзиньпина в Тегеран стороны опубликовали совместное заявление о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между ИРИ и КНР. В нем объявлялось о присоединении Ирана к ИПП – стороны заявляли о сотрудничестве в сферах транспорта, строительстве железных дорог и портов, энергетике, промышленном развитии, торговле и сфере услуг. Документ подчеркивал конкурентные преимущества каждой из сторон: КНР проявляла заинтересованность в доступе к иранским углеводородам и выражала готовность в содействии развитию необходимой инфраструктуры¹⁸³. Спустя пять лет, во время очередного визита китайского лидера в Тегеран в марте 2021 г., были подписаны первые соглашения – всеобъемлющее стратегическое партнерство вступало в силу.

В Индии поначалу такое развитие событий восприняли с опасением. Ситуацию усугубили сообщения о том, что Тегеран отстранил Нью-Дели от строительства железнодорожного пути Чабахар–Захедан, которая должна была соединить порт с шоссе Деларам–Зарандж, построенным Индией в Афганистане¹⁸⁴. Хотя позднее министерство иностранных дел опровергло эту информацию¹⁸⁵, в индийском экспертном сообществе стали обсуждаться перспективы «выталкивания» Индии из иранских проектов ввиду усиливающейся роли Китая¹⁸⁶.

Такой сценарий виделся крайне маловероятным и в 2021 г., а после начала специальной военной операции ВС РФ на Украине вопрос о сворачивании индийского участия в развитии иранского порта Чабахар и строительстве МТК «Север-Юг» даже не обсуждается. Заинтересованность России в развитии торговых связей с глобальным Югом обусловила оживление коридора – заинтересованность в его работе проявляют не только Иран и Индия, но и Пакистан.

Таким образом, можно предположить, что индийские и пакистанские политические элиты смогут воспринимать Макранское побережье в качестве единого хозяйственного комплекса с двумя функционирующими портами. Индийские элиты заинтересованы в

¹⁸²Замараева Н.А. Международные вызовы и пакистано-китайские отношения (2021–2022). // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Т. 27, №. 27. С. 193–209.

¹⁸³ Full text of Joint Statement on Comprehensive Strategic Partnership between I.R. Iran, P.R. China. Official website of the President of the Islamic Republic of Iran / <https://www.president.ir/EN/91435> (дата обращения: 03.04.2023).

¹⁸⁴ Haidar S. Iran drops India from Chabahar rail project, cites funding delay // The Hindu. 14.07.2020 / <https://www.thehindu.com/news/national/iran-drops-india-from-chabahar-rail-project-cites-funding-delay/article32072428.ece> (дата обращения: 03.04.2023).

¹⁸⁵ MEA says India has engaged with Iran on Chabahar-Zahedan railway project // Hindustan Times. 03.02.2021 / <https://www.hindustantimes.com/india-news/mea-says-india-has-engaged-with-iran-on-chabahar-zahedan-railway-project-101612369672590.html> (дата обращения: 03.04.2023).

¹⁸⁶ Chatterjee K. All Bets Are Off: How Tehran Looks at Impending Political Vacuum in Middle East. Evolving Security Dynamic in West Asia and India's Challenges. Ed. by Trigunayat A. New Delhi: Pentagon Press LPP, 2022. Pp. 106–108.

сохранении присутствия в Чабахаре и прочих иранских проектах, даже если они имеют отношение к ИПП. Участие в них принесет не только экономические дивиденды, но может снизить противоречия и затормозит раскручивание спирали секьюритизации¹⁸⁷.

Активизация пакистанской внешней политики на иранском направлении после усиления позиций КНР в Тегеране и предложения о присоединении к МТК «Север-Юг»¹⁸⁸ позволяют предположить, что Исламабад и Нью-Дели могут отказаться от конфронтации в вопросе развития инфраструктурных проектов. Пакистан не сможет изменить приоритеты Пекина, а потому будет пытаться интегрировать работу двух портов на Макранском побережье. В этом же, по мнению индийских аналитиков, заинтересован и Иран.¹⁸⁹

Если Пакистан пытается найти способы подтвердить свою значимость в ИПП и даже готов пойти на снижение конфронтации с Индией, то Бангладеш демонстрирует иную тенденцию.

В августе 2022 г. министр финансов Бангладеш А.Х.М. Мустафа Камал заявил, что «развивающиеся страны должны дважды подумать перед тем как согласиться на участие в Инициативе»¹⁹⁰, а в марте 2023 г. в интервью CNN премьер-министр Народной Республики Бангладеш шейх Хасина подчеркнула, что страна «очень осторожно» относится к ИПП, принимая во внимание опыт Шри-Ланки и Пакистана¹⁹¹.

Подписывая соглашения с китайской стороной в 2016 г., Бангладеш имплицитно стремилась найти в лице Китая противовес для Индии, с мнением которой страна не могла не считаться в силу географических и исторических факторов. При этом в 2016–2017 гг. Дакка всячески пыталась заверить Дели, что ни один из этих проектов в рамках ИПП не представляет прямую угрозу индийским геостратегическим интересам в регионе. Так, на пресс-конференции по итогам визита Си Цзиньпина в Дакку в октябре 2016 г. министр иностранных дел Бангладеш Абул Хассан Махмуд Али подчеркнул, что визит и достигнутые договоренности не окажут существенного влияния на бангладешско-индийские отношения¹⁹².

Кроме того, за визитом Си Цзиньпина в Дакку последовал визит шейха Хасины в Индию, в ходе которого с открытым намеком на статус бангладешско-китайских отношений говорилось: «Два премьер-министра подтвердили, что уровень отношений между Индией и Бангладеш, которые основываются на исторической, культурной и языковой близости, выходит далеко за рамки стратегического партнерства»¹⁹³.

Особое развитие в 2017 г. получило бангладешско-индийское сотрудничество в области обороны: во время четырехдневного визита шейха Хасины в Дели в апреле Бангладеш и Индия подписали два соглашения – фактически первые соглашения об обороне такого рода между Индией и какой-либо южноазиатской страной. В соответствии с

¹⁸⁷ Janardhan N. India's Counter to China's West Asia Strategy. Evolving Security Dynamic in West Asia and India's Challenges. Ed. by Trigunayat A. New Delhi: Pentagon Press LPP, 2022. P. 43.

¹⁸⁸ Khan M. A. International North South Trade Corridor // The Nation. 01.06.2022 / <https://www.nation.com.pk/01-Aug-2022/international-north-south-trade-corridor> (дата обращения: 03.04.2023).

¹⁸⁹ Mitra R. India's Persian desire – analysing India's maritime trade strategy vis-à-vis the Port of Chabahar // Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India. 2019. Volume 15, Issue 1. Pp. 41–50.

¹⁹⁰ Bangladesh's finance minister warns on Belt and Road loans from China // Financial Times. August 9, 2022 / <https://www.ft.com/content/65632129-dd75-4f23-b9c4-9c0496840a54> (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁹¹ Bangladesh's PM talks economy amid fast growth // CNN Business. Video Interview. 22.04.2023 / <https://www.cnn.com/videos/business/2023/03/21/exp-bangladesh-economy-sheikh-hasina-fst-032104pseg1-cnni-business.cnn> (дата обращения: 20.04.2023).

¹⁹² Notun itihash Bangladesh-Chin, Bangladesh Protidin, 25 oktobor, 2016 (бенг.) [Индия и Бангладеш в новую эпоху. Бангладеш Протидин. 15 октября 2016 г.] / <https://www.bd-pratidin.com/first-page/2016/10/15/176912> (дата обращения: 22.04.2023).

¹⁹³ Chowdhury, S.M. Bangladesh and the geo-politics of the Bay of Bengal, Multipolarism in Asia – issues and challenges. New Delhi. IDSA. 2019.

договоренностями военные двух стран должны были проводить совместные учения. Неслучайно Нью-Дели охарактеризовал их как «очень-очень особенные»¹⁹⁴.

Индия также должна была предоставить Бангладеш кредит на сумму 500 млн долл. на закупку «необходимого для обороны снаряжения» индийского производства, помочь в создании специальных совместных производственных и сервисных центров для обеспечения «самодостаточности оборонного производства» Бангладеш, реализовывать программы повышения квалификации и подготовки бангладешских военных, а также на оказание Бангладеш материально-технической поддержки в области обороны¹⁹⁵.

Такие «особенные» шаги Нью-Дели в отношении Дакки можно объяснить желанием Индии снизить зависимость Дакки от импорта вооружений и военной техники из Китая¹⁹⁶, который остается их основным поставщиком для вооруженных сил Бангладеш¹⁹⁷.

Соответственно, Бангладеш, в отличие от Пакистана, на протяжении всего периода реализации проектов ИПП стремилась не оказаться в зависимости от КНР и поддерживала доброжелательные отношения с Индией. Подобная тактика была характерна и в случае договоренности о китайском участии в финансировании строительства порта Пайра: китайские компании получили лишь незначительное большинство контрактов на строительство этого нового глубоководного порта.

Кроме того, географическое положение порта Пайра принципиально отличается от Сонадии или Читтагонга: Пайра находится не в открытом море, а глубоко в дельте Ганга – к ней ведет 75-километровый канал, прорытый через илистые отмели. По оценке экспертов из Бангладеш, такие обстоятельства не способствуют использованию порта в качестве потенциальной военно-морской базы¹⁹⁸, что должно было снизить опасения Нью-Дели по поводу возможности присутствия там китайских ВМС.

Бангладеш учла опыт других стран Южной Азии относительно участия в китайских проектах и полностью изменила принципы соглашений с Китаем о глубоководных портах, тем самым обезопасив себя от рисков попадания в «долговую ловушку» ИПП.

В настоящий момент реализация ИПП в Бангладеш идет без двух ключевых составляющих иных проектов Китая в регионе. Во-первых, между КНР и Бангладеш не был создан полноценный экономический коридор по типу КПЭК в Пакистане. Во-вторых, Китай не смог получить возможность использования глубоководных портов на бангладешском побережье Бенгальского залива.

Вместе с тем Бангладеш не стремится отказываться от ИПП и сотрудничества с КНР, поскольку, несмотря на все противоречия между Даккой и Пекином, Китай остается важным балансиром в Южной Азии для малых и средних государств, найти альтернативу которому в кратко- и среднесрочной перспективе не представляется возможным.

Выводы

На современном этапе ИПП одновременно задает в Южной Азии несколько различных трендов. Во-первых, Инициатива остается поводом для прямой и косвенной конфронтации между «гигантами» ИТР – Индией и Китаем. Это укладывается в общую повестку озабоченности индийской стороны деятельностью КНР в Южной Азии по

¹⁹⁴ India to sign two major defence deals with Bangladesh // The Economic Times. April 7, 2017 / <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/india-to-sign-two-major-defence-deals-with-bangladesh/articleshow/58068508.cms> (дата обращения: 26.04.2023).

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Wahed M. S. Chinese OFDI to Bangladesh // Strategic Change, December 2018, 27(5). Pp. 455–467.

¹⁹⁸ Chaulia, S. Victory strengthens Hasina's foreign policy hand // Nikkei Asian Review. January 8, 2019 / <https://asia.nikkei.com/Opinion/Victory-strengthensHasina-s-foreign-policy-hand> (дата обращения: 22.04.2023).

соображениям национальной безопасности. Пока что предпосылок для изменения этого тренда нет.

Во-вторых, под воздействием субъективных факторов (изменений во внешнеполитических приоритетах КНР) оказался возможен переход к кооперационной форме взаимодействия на субрегиональном уровне: Индия демонстрирует сдержанное отношение к вовлечению Ирана в ИПП, а Пакистан выражает готовность присоединиться к МТК «Север–Юг» – проекту, который изначально рассматривался Индией как способ «обойти» Пакистан на пути в Центральную Азию и Россию. В настоящее время существует возможность превращения Макранского побережья в единый хозяйственный комплекс с сосуществующими макрорегиональными инициативами КНР, Индии и их партнеров.

В-третьих, хотя на страновом уровне и Пакистан, и Бангладеш не стремятся отказываться от ИПП и сотрудничества с КНР, Инициатива все чаще становится поводом для роста настороженности в отношениях с КНР малых и средних южноазиатских государств, которые учитывают опыт своих соседей в отношении реализации ИПП и стремятся минимизировать риски. Наиболее наглядно этот тренд демонстрирует постепенно дистанцирующаяся от Пекина Дакка.

Глава 11. Индо-тихоокеанская стратегия США и перспективы региональной безопасности

Анализ целей и приоритетов американской региональной стратегии в новых условиях

Стратегическая линия в отношении стран и территорий индо-тихоокеанского пространства является важнейшим компонентом американской стратегии национальной безопасности США. Ее содержание, основные положения и цели, равно как и ее реализация, затрагивают интересы большинства стран региона, включая Россию и Китай, а также влияют на динамику и перспективы их развития.

После прихода к власти в США президента Джо Байдена в начале марта 2021 г. на сайте Белого дома было опубликовано «Временное стратегическое руководство по национальной безопасности» (Interim National Security Strategic Guidance), в котором были определены главные направления внешнеполитического курса новой администрации. В документе центральное место заняло противостояние США и Китая, которое было названо «стратегическим соревнованием». Особо подчеркнуто, что Китай является главной угрозой и единственным соперником США, который может бросить вызов «стабильной и открытой международной системе». Одновременно там же прозвучало признание, что победить Китай в одиночку США не в состоянии и поэтому должны объединить усилия с союзниками и ближайшими партнерами и сформировать под флагом борьбы за демократию единый фронт, направленный против КНР¹⁹⁹. Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) в этом документе обозначен как самый перспективный, наиболее динамично развивающийся и определяющий будущее развитие глобальной экономики, от которого зависит сохранение на длительную перспективу лидирующих позиций США в мире во многих областях.

В разработанной американским Советом национальной безопасности и опубликованной в начале февраля 2022 г. «Индо-Тихоокеанской стратегии» (Indo-Pacific Strategy of the United States) американские власти четко заявили о принадлежности своей страны к ИТР²⁰⁰. В документе особо отмечено, что этот регион является жизненно важным для обеспечения безопасности и развития США, поскольку там проживает более половины населения планеты, на него приходится более двух третей мировой экономики и там же находятся семь обладающих значительными военными потенциалами государств, а также самый крупный американский военный контингент за пределами страны. Подчеркнуто, что в условиях быстро меняющейся стратегической ситуации в ИТР американские интересы могут быть обеспечены лишь при условии «твердого» присутствия там США и его укрепления вместе с ближайшими союзниками и партнерами. При этом указано на стремление укреплять американские позиции в регионе повсеместно – от Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии до Южной Азии и Океании, включая тихоокеанские островные государства.

Столь пристальное внимание к региону и принятие специальной стратегии следует рассматривать в рамках нарастания и обострения геополитической конкуренции между США и КНР. Американская администрация заявила в документе, что ИТР сталкивается с растущими вызовами прежде всего со стороны Китая, который использует свои экономические, дипломатические, военные и технологические возможности для создания там

¹⁹⁹ Interim National Security Strategic Guidance, March 2021 / <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 26.04.2023).

²⁰⁰ Indo-Pacific Strategy of the United States, February 2022 / <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 26.05.2023).

сферы своего влияния и благодаря этому стремится стать самой влиятельной силой в мире. Однако вслед за этим сделана оговорка, что целью ИТС является не изменение Китая, а формирование вокруг него «стратегической экосистемы», в которой он действует, «с тем чтобы обеспечить в мире баланс интересов, который максимально благоприятствует США, их союзникам и партнерам при одновременном стремлении сотрудничать с КНР в таких областях как изменение климата и нераспространение ядерного оружия».

Кроме роли Китая, в числе других важнейших проблем, которые могут дестабилизировать вступивший в «решающее десятилетие» ИТР названы изменение климата, пандемия COVID-19, наращивание ядерного потенциала КНДР, природные катастрофы, недостаток ресурсов, внутренние конфликты и проблемы управления. В их разрешении США намерены играть более эффективную роль, и для этого американская администрация намерена модернизировать существующие в регионе союзы, укреплять «возникающие партнерства» и направлять финансовые средства на развитие региональных коллективных структур.

Главной задачей стратегии заявлено формирование «свободного, открытого, взаимосвязанного, процветающего, безопасного и устойчивого» ИТР через укрепление там роли и влияния США. При этом важной особенностью нового подхода американской администрации стало подтверждение признания, что он не может быть реализован ею в одиночку из-за быстро меняющейся ситуации в регионе, требующей «беспрецедентного уровня сотрудничества с теми, кто разделяет американское видение мира». В качестве основных американских партнеров в ИТР в документе названы (в порядке убывания значимости) Япония, Индия, Австралия, Южная Корея, АСЕАН, Новая Зеландия, Великобритания, Франция и ЕС. Во взаимодействии с этими странами США намерены добиваться реализации пяти главных целей стратегии, которыми названы: 1) создание свободного и открытого ИТР; 2) формирование связей внутри и вне региона; 3) содействие его развитию; 4) укрепление безопасности; 5) создание устойчивости к транснациональным угрозам.

Основной задачей для достижения первой цели ИТС, которая одновременно названа конечной, американская администрация считает формирование внутренней стабильности в государствах региона. Для этого США будут направлять средства на поддержку в них «демократических организаций, свободной прессы и активного гражданского общества». Одновременно они намерены тесно сотрудничать с партнерами-единомышленниками в создании гарантий, чтобы регион оставался свободным и доступным, а его водное и воздушное пространство, включая Южно-Китайское (ЮКМ) и Восточно-Китайское (ВКМ) моря использовались на основе международного права.

Реализация второй цели, дополняющей главную, должна происходить в формате совместных действий, которые США считают «стратегической необходимостью». При этом подчеркнуто, что союзы, организации и правила, которые США создали в регионе в предыдущие годы, должны быть усовершенствованы путем формирования «сети сильных и поддерживающих друг друга коалиций». В этом направлении США будут углублять отношения с пятью своими союзниками в ИТР – Австралией, Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Таиландом. Одновременно в документе к числу «важных партнеров» в регионе также отнесены Индия, Индонезия, Малайзия, Монголия, Новая Зеландия, Сингапур, Тайвань, Вьетнам и островные государства Тихого океана. При этом США будут содействовать укреплению взаимодействия своих союзников и партнеров друг с другом.

Отдельно в документе содержится признание центральной роли в ЮВА «сильной и независимой» Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Заявлено о стремлении американской администрации укреплять сотрудничество с этой организацией в таких областях, как здравоохранение, климат и окружающая среда, энергия, транспорт и гендерное равенство. Работая над формированием устойчивости АСЕАН в качестве основной региональной структуры, США также заявили о намерении предусмотреть варианты ее

взаимодействия с другими странами ЮВА. Приоритетными областями работы в этом направлении названы: создание механизмов реагирования на гуманитарные и природные катастрофы, нехватку воды и пандемии; обеспечение безопасности на море.

Достижение третьей цели планируется посредством создания в регионе прочной основы тесной экономической интеграции дружественных стран в формате «многостороннего партнерства XXI века». Для этого США вместе с партнерами создают «Индо-тихоокеанское экономическое рамочное соглашение» (Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity). Эта структура должна содействовать проведению быстрой технологической трансформации в странах региона, включающей цифровизацию их экономик и подготовку к предстоящим изменениям в области энергии и климата. Для продвижения в этом направлении США намерены использовать новые формы торговли и формировать в регионе новую структуру цифровой экономики, а также управлять трансграничными потоками данных на основе декларируемого ими принципа открытости. К этому примыкает создание устойчивых и надежных цепочек поставок, а также готовность вместе с партнерами по G7 активизировать работу по развитию инфраструктуры ИТР.

Достижение четвертой цели американские власти связывают с наращиванием в ИТР своих возможностей по защите интересов США в отражении агрессии и противодействии давлению на свою территорию, а также на союзников и партнеров. Обеспечить это призвано названное «краеугольным камнем» так называемое интегрированное сдерживание, в рамках которого США намерены тесно взаимодействовать с союзниками и партнерами в районах боевых действий и потенциальных конфликтов для «совместного предотвращения и отражения агрессии в любой форме и в любом месте». При этом ставка делается на разработку и применение инновационных мер, которые должны позволить американским войскам эффективно действовать в условиях быстро возникающих угроз, в том числе в космосе, киберпространстве и в сфере критических и новейших технологий. Для этого США намерены создавать новые концепции операций, применять более гибкое управление и использовать различные силовые варианты, которые увеличат их возможности совместно с союзниками и партнерами реагировать на возникающие в регионе проблемы.

В соответствии с новым «расширенным» стратегическим подходом к ИТР американская администрация будет продвигать там создание союзов и партнерств безопасности, которые призваны стать для США важнейшей «асимметричной силой». Американские власти будут работать с союзниками и партнерами «во всех уголках региона» над углублением функциональной совместимости, а также подготовкой и размещением там передовых средств ведения боевых действий. В частности, заявлено о продолжении работы по модернизации союзов на основе имеющихся договоров США с Австралией, Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Таиландом, постепенном продвижении к заключению соглашения об оборонном партнерстве (Major Defense Partnership) с Индией и поддержке ее роли в качестве важного «сетевого элемента безопасности», а также укреплении военных потенциалов американских партнеров в Южной, Юго-Восточной Азии и Океании. Там же указано на необходимость работы с партнерами внутри и вне ИТР по «обеспечению мира и стабильности» в Тайваньском проливе, включая поддержку вооруженных сил Тайваня в качестве условия для мирного решения будущего острова. В сфере безопасности американские власти также будут поддерживать развитие связей между союзниками и партнерами в ИТР и вне его, в том числе через активизацию взаимодействия предприятий ВПК, объединение цепочек поставок для военных нужд и совместное создание ключевых технологий. Также будет продолжено сближение индо-тихоокеанских и европейских партнеров с использованием новых форматов, к числу которых отнесено соглашение AUKUS.

Продвижение американской ИТС по всем указанным в документе позициям происходит в соответствии с двухлетним «планом действий» на 2023-2024 гг., который реализуется как ее составная часть. Содержание, основные положения и планы ИТС указывают на стремление американских властей закрепить и усилить свой вес и влияние в

ИТР, который рассматривается ими как важнейший регион мира, от развития которого в предстоящее десятилетие в решающей степени будет зависеть будущее мировой экономики и самих США. При этом для достижения заявленных в документе целей американская администрация делает ставку на поступательное наращивание военного, экономического и технологического взаимодействия со странами региона, направленного на сдерживание Китая.

В сентябре 2022 г. американская администрация в дополнение к ИТС опубликовала отдельную стратегию сотрудничества США в южной части Тихого океана (Pacific Partnership Strategy of the United States), направленную на усиление своих позиций в этой части мира в рамках противодействия растущему влиянию Китая²⁰¹. Появление отдельной стратегии для этого региона связано с резким повышением его стратегической значимости для реализации соглашения AUKUS. В документе подчеркнуто, что США являются государством Тихого океана, где расположены принадлежащие им Северные Марианские Острова, Гуам, Северное Самоа и Гавайи. Однако и там растет «давление и экономическое принуждение» со стороны Китая, которое «может подрвать мир, стабильность и безопасность региона». В этой связи, кроме широкого и подробного перечня планируемых экономических, торговых, финансовых и гуманитарных мер с привлечением американских союзников и партнеров, в документе содержится заявление об увеличении присутствия в регионе кораблей береговой охраны, министерства обороны и других федеральных ведомств США для установления более тесных отношений с местными правоохранительными органами и подготовки их персонала.

Отношения с КНР и диалог по вопросам безопасности

В ИТР неуклонно растет влияние Китая, который США рассматривают в качестве своего «стратегического конкурента». В этой связи американские власти под лозунгом защиты своих национальных интересов разработали и используют широкий набор средств, призванных сдержать или замедлить развитие Китая, в том числе путем подрыва его отношений и сформировавшихся связей со странами региона. При этом важнейшим элементом реализации американской стратегии является «интегрированное сдерживание» с упором на военно-политическую и военно-технологическую составляющие с вовлечением в него своих союзников и «стран-единомышленников».

Основные положения ИТС получили развитие и полностью вошли в появившуюся вслед за ней в середине октября 2022 г. новую американскую Стратегию национальной безопасности (National Security Strategy 2022)²⁰². В ней подчеркнуто, что США вступают в «решающее десятилетие» противостояния с Китаем и он поставлен на первое место в качестве главного американского конкурента в ИТР. В документе заявлено, что Стратегия национальной безопасности (СНБ) в отношении КНР будет реализовываться на трех уровнях: 1) внутреннем (наращивание инвестиций в США в основные компоненты американской мощи, которыми названы «конкурентоспособность, инновации, устойчивость и демократия»); 2) внешнем (объединение усилий с союзниками и партнерами в достижении общих целей и интересов); 3) глобальном (конкуренция с Китаем по всему миру в отстаивании американских интересов и видения будущего). При этом особо подчеркнуто, что первые два направления являются наиболее важными для достижения превосходства над КНР прежде всего в таких областях, как технологии, экономика, политика, армия, разведка и глобальное управление.

Американская СНБ в отношении Китая носит глобальный характер и реализуется по многим направлениям и в разных формах, однако к числу наиболее важных администрация

²⁰¹ Pacific Partnership Strategy of the United States, September 2022 / <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/09/Pacific-Partnership-Strategy.pdf> (дата обращения: 13.07.2023).

²⁰² National Security Strategy 2022. The White House. Washington / <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2022/> (дата обращения: 08.08.2023).

США относит «объединение своих усилий с союзниками и партнерами на основе общих целей и интересов». В качестве конкретных областей противодействия Китаю в документе названы цифровая инфраструктура, цепочки поставок и «незаконный рыбный промысел». Для противодействия «потенциальной агрессии против союзников и партнеров в регионе» США обязуются существенно увеличить финансирование и оснащение расположенных там американских вооруженных сил.

В документе отдельно заявлено о «постоянном интересе» к «поддержанию мира и стабильности в Тайваньском проливе», который назван критически важным для безопасности и развития ИТР и самих США. Американская администрация выступает против «односторонних изменений статус-кво любой из сторон» и формально не поддерживает идею независимости Тайваня. Однако, одновременно, в соответствии с Законом об отношениях с Тайванем американские власти заявили, что продолжают поддерживать «самооборону» острова и укреплять его возможности противостоять любому применению силы или принуждения.

Американская ИТС в полном объеме вошла в четвертый раздел СНБ, посвященный стратегии США в регионе, который объявлен «центром геополитики XXI века». В качестве реакции на политику Китая подтверждается признание центральной роли АСЕАН в ИТР. Там же заявляется о стремлении США к установлению более тесных связей с пятью союзниками и ближайшими партнерами, а также о необходимости расширить дипломатические и экономические связи со странами ЮВА и тихоокеанскими островными государствами. В решении региональных проблем особо выделена важная роль таких структур, как Quad и AUKUS. При этом США намерены и дальше усиливать свою «коллективную мощь» через объединение и сближение союзников и партнеров на основе более тесного взаимодействия между «странами-единомышленниками» как в ИТР, так и в Европе.

Китай считает американские ИТС и СНБ свидетельством устаревшего менталитета холодной войны, который усиливает геополитическое противостояние и соперничество между крупными державами и идет вразрез с реальной ситуацией в мире. В конце мая 2022 г. министр иностранных дел КНР Ван И оперативно отреагировал на появление ИТС, заявив, что США разработали и стремятся реализовать ее для сдерживания Китая. При этом он отметил, что американская стратегия показывает истинные намерения ее разработчиков, которые заключаются в стремлении не только отойти и отказаться от названия «Азиатско-Тихоокеанский регион» (АТР) и сложившуюся там эффективную структуру сотрудничества, но и перечеркнуть достигнутые успехи и динамику его мирного развития, ставшие результатом совместных усилий находящихся там стран в последние десятилетия. В этой связи министр особо подчеркнул, что основными направлениями развития АТР являются дальнейшее продвижение региональной интеграции и формирование «Азиатско-Тихоокеанского сообщества единой судьбы». Он также раскритиковал США за стремление под прикрытием выдвигаемого ими лозунга «свободы и открытости» ИТР создавать в регионе противостоящие Китаю группировки и блоки, особо подчеркнув опасность попыток американской администрации создать в регионе хаос, разыгрывая «тайваньскую карту» и «карту Южно-Китайского моря». Поэтому Китай считает американскую ИТС, так же как и ее японский вариант, стратегией раскола, разжигания конфронтации и подрыва мира в регионе.

За прошедшее после принятия ИТС и СНБ время американская администрация предприняла активные усилия по реализации их основных положений, направленных на усиление позиций и влияния США в регионе. Однако поскольку все предпринятые ими действия и конкретные меры были направлены на обеспечение своего лидерства и конфронтации с Китаем, они ожидаемо привели к обострению двусторонних отношений и снижению их уровня до самого низкого за десятилетия, прошедшие с момента нормализации и установления дипломатических отношений между двумя странами. В качестве последних наиболее ярких примеров раскручивания спирали напряженности следует назвать скандальный визит на Тайвань в августе 2022 г. вице-спикера нижней палаты американского Конгресса Нэнси Пелоси и последовавшие за этим поездки туда высокопоставленных

американских политиков; продолжающиеся продажи властям острова, выступающим за его независимость, американских вооружений, а также уничтожение китайского метеорологического стратосферного зонда над территорией США в феврале 2023 г., что вызвало острую негативную реакцию Китая и его жесткие ответные меры.

Состоявшаяся в начале июня 2023 г. в Сингапуре Международная конференция по вопросам безопасности «Диалоги Шангри-Ла» продемонстрировала растущую напряженность в отношениях США и Китая при одновременно заявленном желании двух стран вернуться к диалогу в интересах ослабления конфронтации между ними. Однако каждая из сторон понимает содержание и цели диалога по-разному. Если Китай стремится к развитию взаимовыгодного и долгосрочного сотрудничества с Вашингтоном, то для США главным мотивом в отношении него является «стратегическая конкуренция» по всем направлениям, и «диалог» нужен им лишь для контроля за ситуацией в отношениях между странами, чтобы не дать им перейти в острую фазу.

Министр обороны США Ллойд Остин в своем выступлении в присутствии более 600 участников и гостей из 40 стран упрекнул Китай в отказе от переговоров с США и назвал диалог «необходимостью», чтобы избежать недопонимания. Одновременно он обвинил Китай в «агрессивном» и «непрофессиональном» перехвате американских военных самолетов в международном воздушном пространстве. При этом он подчеркнул, что США сохраняют «энергичное и ответственное присутствие» в ИТР и продолжат работу со своими союзниками и партнерами по «обеспечению свободы мореплавания и воздушного пространства в ЮКМ» чтобы «никакая страна не могла установить контроль над общими морскими путями».

Самой острой и болезненной темой в отношениях двух стран на протяжении многих лет остается проблема Тайваня, по которой они занимают диаметрально противоположные позиции. Принципиальная разница в подходах и многочисленные конкретные действия США по продвижению своей ИТС в регионе привели двусторонние отношения между странами к самой низкой точке. Это признал и американский министр обороны на конференции в Сингапуре, заявив, что он «глубоко обеспокоен» нежеланием Китая «участвовать более серьезно в улучшении механизма управления кризисами в отношениях между военными двух стран». В то же время в отношении Тайваньского пролива он вновь заявил, что США сохраняют глубокую приверженность поддержанию там статус-кво в соответствии с долгосрочной американской политикой «одного Китая», но при одновременном выполнении обязательств по американскому закону об отношениях с Тайванем (Taiwan Relations Act), который обязывает Вашингтон обеспечивать остров средствами самообороны. Соответственно, США, как заявляется, будут выступать против односторонних попыток «любой из сторон Тайваньского пролива» изменить это положение. При этом американский министр особо отметил, что важность мира и стабильности в Тайваньском проливе крайне важна для поддержания безопасности международных морских торговых маршрутов и глобальных цепочек поставок.

Китайский министр обороны Ли Шанфу выступил в последний день работы конференции в Сингапуре и заявил, что его страна стремится к диалогу с США, а не конфронтации. При этом он отметил, что у обеих стран различные системы и много других отличий, однако это не должно удерживать их от поиска общих основ и общих интересов по развитию двусторонних связей и углублению сотрудничества. Китайский министр также проявил сдержанность и, не называя США, обвинил «некоторые страны» в усилении гонки вооружений и умышленном вмешательстве во внутренние дела других государств. Выступление китайского министра по времени совпало с американскими обвинениями Китая в небезопасном сближении китайского эсминца с американским военным кораблем в ЮКМ, который проводил там совместное «патрулирование» вместе с военным кораблем Канады. По этому поводу Ли Шанфу заявил, что Китай не позволит проводить такое патрулирование под предлогом свободы навигации, которое он назвал проявлением и демонстрацией гегемонии. Там же китайский министр заявил, что КНР в своем подходе к США стремится к

установлению «нового типа отношений между крупными странами». Однако для этого США должны действовать «искренне», подкреплять слова делами и вместе с Китаем предпринимать конкретные действия для стабилизации двусторонних отношений, прекратив их дальнейшее ухудшение. При этом особо было подчеркнуто, что «взаимное уважение должно быть выше запугивания и гегемонии».

ИТС и СНБ являются основополагающими документами, определяющими приоритеты, направления и главные форматы реализации политики США в ИТР, прежде всего в отношении Китая, на ближайшие десять лет. Однако следует учитывать, что каждая новая американская администрация готовит или обновляет СНБ в зависимости от многих внутренних и внешних факторов. Поэтому содержание и акценты действующих стратегий могут быть скорректированы в зависимости от итогов президентских выборов в США в 2024 г. Однако даже в случае смены власти доминирующий в Вашингтоне антикитайский вектор американской внешней и внутренней политики, поддерживаемый и продвигаемый двумя главными партиями страны, вряд ли претерпит существенные изменения.

Роль двустороннего военно-политического сотрудничества с союзниками (региональный аспект)

Главным элементом реализации направленной против Китая американской стратегии «интегрированного сдерживания» в регионе является активизация двустороннего военного сотрудничества США со своими ближайшими союзниками – Австралией, Японией, Таиландом, Филиппинами и Южной Кореей на основе подписанных с ними после окончания Корейской войны соглашений о совместной обороне и безопасности. Американская активность и конкретные шаги по укреплению связей с ними в этой области после принятия ИТС и СНБ демонстрируют стремление США реформировать двусторонние отношения и перевести их в многосторонний формат, который в перспективе может стать ядром или основой для формирования более широких военно-политических союзов или блоков, противостоящих Китаю.

Австралия является давним и одним из основных союзников США в ИТР на основе подписанного в 1951 г. соглашения о военном сотрудничестве. Роль и значение этой страны из-за ее географического расположения в южной части Тихого океана в последние годы неуклонно возрастает в связи с принятием и реализацией американской стратегии «интегрированного сдерживания» Китая. Заметная активизация военного сотрудничества США с этой страной происходит в связи с ростом напряженности вокруг Тайваня.

В течение последних десяти лет, когда у власти в Австралии находились консерваторы, она быстрыми темпами наращивала военные расходы и активно подключилась к реализации американской ИТС. Страна является четвертым в мире импортером вооружений, около 70% которых закупается в США. Самым значимым и долгоиграющим «достижением» консервативного правительства стало участие Австралии в трехстороннем «оборонном» соглашении AUKUS и решение о создании своего флота атомных подводных лодок.

Сформировавшийся и закрепленный многочисленными соглашениями курс на активизацию и углубление военного сотрудничества с США теперь вынуждено продолжать пришедшее к власти по итогам майских выборов 2022 г. новое лейбористское правительство, которое, однако, попыталось внести в него некоторые коррективы. В июне 2022 г. в Сингапуре на полях Международной конференции по безопасности новый министр обороны Австралии Ричард Малс (Richard Marles) провел переговоры с китайским коллегой Вэй Фэнхэ. Их итогом стало заявление сторон о стремлении к улучшению двусторонних отношений и их возврату в конструктивное русло через диалог. При этом австралийский министр особо отметил желание нового правительства играть более активную роль в решении

стоящих перед всем миром главных вопросов – изменения климата и помощи странам региона в реагировании на глобальное потепление.

Однако в ноябре 2022 г. стало известно, что Австралия и США достигли секретного соглашения о расширении и использовании военно-воздушной базы на севере страны для постоянного размещения там шести американских стратегических бомбардировщиков В-52, способных нести ядерное оружие. Данный шаг свидетельствует о дальнейшем и все более глубоком втягивании Австралии в реализацию ИТС в рамках «интегрированного сдерживания» Китая. В то же время он идет вразрез с принятыми страной в рамках подписанных ею международных договоров обязательствами не размещать на своей территории ядерного оружия. Это также противоречит постоянным заявлениям властей страны об их приверженности нераспространению ядерного оружия и поддержанию стабильности на Тихом океане. В этой связи приобретение Австралией атомных подводных лодок и размещение на ее территории американских вооружений, способных нести ядерное оружие, следует рассматривать как постепенный отход от своих обязательств.

На состоявшихся в Вашингтоне в начале декабря 2022 г. переговорах в формате «два плюс два» министры иностранных дел и обороны двух стран договорились о более тесном военном сотрудничестве, в рамках которого будет усилен американский воинский контингент, размещенный в Австралии на основе ротации, и расширено присутствие кораблей и подводных лодок США в портах этой страны. В совместном заявлении министры также подтвердили готовность приступить к сотрудничеству по налаживанию в Австралии производства управляемых ракет большой дальности с участием ведущих американских компаний.

Одновременно было заявлено о стремлении приступить к более тесному сотрудничеству в трехстороннем формате с Японией, которая чуть ранее уже сделала важный шаг в этом направлении в ходе состоявшегося в октябре знакового визита в Австралию японского премьер-министра. По его итогам страны приняли декларацию о стратегическом партнерстве, подчеркнув особую важность активизации военного сотрудничества и обеспечения экономической безопасности. Со ссылкой на рост экономического потенциала и влияния Китая в ИТР американские союзники также продекларировали стремление к укреплению и расширению экономических и торговых связей и готовность снизить «одностороннюю зависимость» от Пекина.

Однако при этом Японии придется столкнуться с конкуренцией со стороны Китая, который является одним из главных торговых партнеров Австралии. Восстановление и дальнейшее поступательное развитие экономических и торговых связей с Китаем может стать весомым сдерживающим фактором дальнейшего наращивания военного сотрудничества этой страны с США.

В апреле 2023 г. министр иностранных дел Австралии Пенни Вонг заявила, что лейбористское правительство Австралии стремится к стабилизации отношений с Китаем и снижению градуса любого потенциального конфликта вокруг Тайваня. При этом она раскритиковала «бинарное» мнение о соперничестве США и Китая, заявив о «стратегическом равновесии» в Азии, где «нет стран доминирующих и нет стран, над которыми доминируют». Она также заявила, что Австралия ничем не обязана великим державам и может играть активную роль в формировании мирного АТР. И хотя премьер-министр Австралии на Международной конференции по вопросам безопасности в Сингапуре в июне 2023 г. заявил о «твердой поддержке» США в их стремлении восстановить диалог с Китаем, в ходе состоявшегося затем визита в Индонезию он заявил, что приоритетом нового правительства является углубление сотрудничества со странами ЮВА, а АСЕАН и его структуры являются «абсолютным центром» видения ИТР.

Япония рассматривается США в качестве главного союзника в ИТР. По мере нарастания напряженности вокруг Тайваня рост интереса и вовлеченность Японии в решение вопросов безопасности в Восточной Азии стали играть для нее все большую роль. Однако эта

страна не является участником многосторонних военных соглашений по типу НАТО и традиционно ориентируется на двустороннее военное сотрудничество. Большинство японских политиков и экспертов считают, что в условиях растущей международной напряженности страна должна прежде всего полагаться на заключение формальных соглашений, укрепляющих ее безопасность. Для этого в январе 2022 г. она подписала с Австралией соглашение о взаимном обеспечении доступа военнослужащих двух стран на территории сторон для проведения совместных учений и участия в спасательных операциях. В январе 2023 г. такое же соглашение было подписано с Великобританией.

В конце 2022 г. правительство приняло и приступило к реализации подготовленной новой версии японской Стратегии национальной безопасности Японии, а также связанных с ней Стратегии национальной обороны²⁰³ и плане закупок продукции для министерства обороны, в которых Китай назван «беспрецедентным стратегическим вызовом» для Японии. Их стержнем является наращивание военных расходов страны в течение предстоящих пяти лет до уровня 2% ВВП, укрепление и модернизация Сил самообороны Японии (ССЯ) на основе расширения и углубления двустороннего сотрудничества с США и повышения их роли в рамках американской стратегии «интегрированного сдерживания».

В середине января 2023 г. японский премьер в ходе своего первого официального визита в Вашингтон на встрече с американским президентом подтвердил, что изложенные в японских доктринальных документах подходы совпадают с американской СНБ. В опубликованном по итогам переговоров совместном заявлении указано, что союз двух стран в вопросах безопасности «никогда не был так прочен, как сейчас». Там же было отмечено, что «ИТР сталкивается с растущими вызовами – от действий Китая, несовместимых с международным порядком, основанном на правилах, до провокаций Северной Кореи». В отношении КНР лидеры также заявили о неприятии любых односторонних попыток изменить статус-кво в районе контролируемых Японией островов Сэнкаку (китайское название – Дяоюйдао) и о необходимости обеспечения стабильности в Тайваньском проливе.

Одним из главных итогов саммита лидеров США и Японии следует считать заявленное стремление повысить уровень сотрудничества в таких новых областях, как космос и кибербезопасность, а также создать новую структуру для укрепления взаимодействия и управления вооруженными силами двух стран. США приветствовали создание Японией объединенного командования и выделение в его составе должности высокопоставленного военного, отвечающего за координацию и взаимодействие с 7-м флотом США, расквартированными в Японии американскими военнослужащими и командующим армией США в ИТР, которому также подчинены американские войска в Южной Корее. Повышение уровня оперативного взаимодействия между ССЯ и американскими военными следует рассматривать в рамках подготовки обеих стран к возможному реагированию на острую фазу конфликта вокруг Тайваня.

Принятие правительством новой СНБ и ее активная реализация свидетельствуют об отходе властей от политики ограничений в сфере военного строительства и постепенного принятия на себя роли главного американского союзника США в ИТР, активно участвующего в реализации американских ИТС и СНБ не только в Восточной Азии, но и за ее пределами.

Вооруженные силы Южной Кореи насчитывают 600 тысяч человек, и страна по военным расходам занимает 10-е место в мире. На постоянной основе там находится более 28500 американских военнослужащих. В январе 2023 г. в ходе визита министра обороны США Ллойда Остина в Сеул стороны договорились об увеличении совместных военных учений и размещении на территории Южной Кореи американских стратегических вооружений, включая авианосцы и бомбардировщики. В рамках усиления «интегрированного сдерживания» и активизации военного сотрудничества США с Южной Кореей следует рассматривать принятое в начале 2023 г. решение о заходах американских подводных лодок с

²⁰³ National Security Strategy of Japan, October 2022 / <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf>

ядерным оружием на борту в порты этой страны, а также размещением на ее территории и вблизи Корейского полуострова стратегических бомбардировщиков.

Наращивание военных бюджетов и приготовлений Японии и Южной Кореи, являющихся важнейшими союзниками США в Восточной Азии, происходит в полном соответствии с основными положениями американских ИТС и СНБ с опорой на двусторонние договоры о безопасности и совместной обороне, которые администрация Байдена использует для дальнейшего расширения и углубления военного сотрудничества и его перевода сначала в трехсторонний, а затем в перспективе и в более широкий многосторонний формат. В качестве главного фактора сближения своих союзников США последовательно и целенаправленно разыгрывают сохраняющуюся напряженную ситуацию на Корейском полуострове, используя для этого противостояние двух находящихся там государств и развитие ядерных и ракетных программ в КНДР.

Япония и Южная Корея формально не состоят в союзе, и военное сотрудничество между ними значительно снизилось в период нахождения у власти в Южной Корее президента Мун Чжэ Ина (Moon Jae-in). Однако пришедший ему на смену в мае 2022 г. президент Юн Сок Ёль (Yoon Suk-yeol) проводит политику активизации сотрудничества с США и Японией в военной области. В ноябре 2022 г. во время встречи в Пномпене лидеры Японии и Южной Кореи договорились об обмене информацией о запусках северокорейских ракет в режиме реального времени. Во время саммита «семерки» в Хиросиме в мае 2023 г. они продолжили обсуждение плана уже в трехстороннем формате с участием США, а затем в июне в Сингапуре в рамках Международной конференции по безопасности министры обороны трех стран договорились о подписании соответствующего соглашения.

После знакового визита президента Южной Кореи в Японию в начале марта 2023 г. страны восстановили действие заключенного ими ранее соглашения о режиме обмена военной информацией (General Security of Military Information Agreement), которое позволяет им обмениваться данными военной разведки. В рамках продвижения союзников к трехстороннему формату сотрудничества следует рассматривать и заявленное в новой японской СНБ решение о создании в 2023 г. Объединенного командования японских «сил самообороны». По заявлениям японских политиков, эта мера направлена на укрепление взаимодействия с расквартированными в стране американскими войсками. Однако с учетом того, что ранее США создали в Южной Корее аналогичное «командование объединенными силами» (Combined Forces Command), следующим шагом по углублению военного сотрудничества союзников следует ожидать оперативное взаимодействие уже трех структур под единым американским командованием.

В начале июня 2023 г. власти Южной Кореи приняли новую «Стратегию национальной безопасности», в которой заявлено о стремлении Сеула укреплять сотрудничество с Токио на основе «общих универсальных ценностей». В документе Япония рассматривается как важный для Кореи сосед; подчеркивается стремление развивать с ней сотрудничество в области безопасности и экономики, совместно формируя «общее будущее». Новая администрация также ужесточила свой подход к КНДР, назвав реализацию ее ядерной программы самой большой угрозой для Южной Кореи. В этой связи в документе содержится призыв к участию страны в создании глобального союза с США на основе все тех же универсальных ценностей. Однако там же указано на важность стратегических связей с соседним Китаем для формирования «зрелых отношений» на основе национальных интересов. В отношении России заявлено о необходимости пересмотра дипломатических отношений, осуждается СВО и подчеркивается важность участия Южной Кореи в международном сотрудничестве по восстановлению мира на Украине. В то же время власти намерены продолжать поддерживать устойчивые отношения с Москвой.

Китай внимательно следит за ситуацией на Корейском полуострове и отношениями между двумя расположенными там государствами. В начале июня 2023 г. на открытом заседании Совета Безопасности ООН по ядерной проблеме Корейского полуострова

представитель КНР указал, что рост напряженности и конфронтации на полуострове вызывают серьезную озабоченность Китая. При этом особо отмечена деструктивная роль США, которые включили полуостров в свою ИТС и значительно увеличили военное присутствие на полуострове и в прилегающих к нему районах, что является серьезной угрозой стратегической безопасности соседних стран и СВА в целом.

Согласно проведенным в Южной Корее американским опросам общественного мнения, 55% граждан полагают, что Китай в течение предстоящих 10 лет станет для страны самой большой угрозой. Однако при этом Китай в течение многих лет является самым крупным торговым партнером Южной Кореи, и власти страны должны это учитывать при принятии крупных политических решений. С учетом географической близости и тесных экономических связей Южной Кореи и Китая, а также стремления нового президента укрепить самостоятельную роль своей страны в мире, США вряд ли удастся добиться полномасштабного и весомого включения Сеула в интегрированное противостояние с КНР. Новый южнокорейский президент и его администрация будут стремиться сохранить баланс в отношениях с США и Китаем, проводя взвешенную и осторожную политику.

Стремление США к сближению и объединению своих союзников в регионе на основе расширения и углубления военного сотрудничества также хорошо просматривается на примере Филиппин, где американская администрация активно разыгрывает тему китайской угрозы в ЮКМ. При этом следует учитывать, что в результате многолетнего сотрудничества на основе подписанного в 1951 г. Договора о совместной обороне с США военное руководство и многие политики на Филиппинах рассматривают эту страну в качестве противовеса Китаю, который в 2012 г. взял под контроль акваторию Скарборо в ЮКМ и ведет там строительство военных объектов на искусственно создаваемых островах.

После прихода к власти президента Маркоса в мае 2022 г. и его заявления о приверженности «независимой внешней политике» в середине ноября министерство обороны Филиппин сообщило о готовности ускорить реализацию заключенного с США в 2014 г. дополнительного двустороннего соглашения о сотрудничестве в области обороны (Enhanced Defense Cooperation Agreement, EDCA), в соответствии с которым американские военные на ротационной основе используют пять баз для хранения боеприпасов, топлива и медикаментов на случай природных катастроф. Вслед за этим президент в феврале 2023 г. дал согласие на использование четырех новых мест для использования американскими военными, которые были названы месяц спустя. Примечательно, что три из них находятся на севере главного острова Лусон с выходом на Тайвань, а одна – неподалеку от спорных островов Спратли в ЮКМ. При этом президент обещает развивать экономические связи с Китаем и неоднократно заявлял, что стремление Филиппин укрепить свои оборонные возможности не направлены против этой страны.

Китай является главным торговым партнером Филиппин и в последние годы стал одним из ключевых инвесторов в реализации ряда важных инфраструктурных проектов. Визит президента Маркоса в начале 2023 г. в Пекин, где он встретился и провел переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпином принес стране неплохие результаты и согласие Китая направить в страну в течение предстоящих пяти лет инвестиции на общую сумму 22,8 млрд долл. Однако после Китая Маркос в начале февраля в сопровождении 240 представителей бизнеса посетил с пятидневным официальным визитом Японию, которая является крупнейшим для Филиппин донором официальной помощи развитию. Итогом состоявшихся там встреч и переговоров стали договоренности о выделении Маниле инвестиций и финансовой помощи на сумму 13 млрд долл. В совместном заявлении по итогам переговоров президента с японским премьером оба лидера, не называя Китая напрямую, выразили «серьезное беспокойство» ситуацией в ВКМ и ЮКМ, осудив «одностороннюю экспансию» на море. Стороны также договорились об упрощении процедур при направлении японских военнослужащих на Филиппины для выполнения гуманитарных миссий и помощи в случае природных катастроф. Следующим шагом может стать заключение между странами

Соглашения о военных визитах (Visiting Forces Agreement), которое Филиппины уже имеют с США и Австралией, что позволяет военным кораблям этих стран заходить в порты и проводить совместные учения на их территории. На основе этих соглашений страны также смогут проводить совместные учения в ЮКМ.

На состоявшихся в начале мая 2023 г. в Вашингтоне переговорах с американским президентом Маркос заявил, что перед лицом растущей напряженности в ЮКМ, а также в АТР и ИТР для его правительства «совершенно естественно» укреплять и пересматривать свои отношения, в том числе с США. В совместном заявлении по итогам переговоров была подчеркнута важность поддержания мира и стабильности в Тайваньском проливе как составной части глобальной безопасности. США и Филиппины также договорились об основных направлениях развития военного сотрудничества на земле, на море и в воздухе, а также в киберпространстве и в космосе.

Достигнутое согласие лидеров двух стран также открывает дорогу для многостороннего сотрудничества. В совместном заявлении подчеркнуто, что стороны нацелены на создание двух вариантов трехсторонних моделей сотрудничества – между Филиппинами, Японией и США, а также между Филиппинами, Австралией и США. И хотя в документе прямо об этом не сказано, развитие такого трехстороннего сотрудничества будет нацелено на противодействие Китаю. При этом географическое положение Филиппин и их близость к Тайваню имеют для США все большее значение в условиях нарастания противостояния с Китаем. Новым важным шагом в этом направлении стало проведение в начале июня 2023 г. на полях 20-й Международной конференции по вопросам безопасности в Сингапуре первой четырехсторонней встречи министров обороны США, Японии, Австралии и Филиппин. На переговорах главной темой стало обсуждение вопросов и планов организации совместных проходов кораблей участников через ЮКМ, включая проведение там совместных военно-морских учений. Вскоре вслед за этим в конце июня в ЮКМ прошли первые совместные учения кораблей береговой охраны США, Японии и Филиппин.

Важным объединяющим фактором, по замыслу американской администрации, должно стать общее восприятие США, Японией, Австралией и Филиппинами места и роли Китая в ИТР и угроз, якобы исходящих от этой страны в привязке к потенциальному кризису вокруг Тайваня. С декабря 2022 г. США провели с каждым из трех участников детальные переговоры в формате «два плюс два», главной темой которых было обеспечение мира и стабильности в Тайваньском проливе. Однако следует учитывать, что оценки и подходы к развитию отношений с Китаем у четырех стран существенно разнятся, и в их основе лежат собственные экономические интересы, достигнутый уровень и перспективы сотрудничества с КНР в этой области. Китай активно и умело использует экономические связи и дипломатические возможности для отстаивания своих интересов и укрепления влияния в двусторонних отношениях со всеми участниками четверки.

Потенциальным кандидатом на подключение к многостороннему сотрудничеству в рамках интегрированного сдерживания Китая в ИТР следует также рассматривать Таиланд, который является союзником США на основе двусторонних договоров между странами. Однако после военного переворота 2014 г. США приостановили военную помощь этой стране, включая предоставление кредитов и грантов на покупку американского оружия и финансирование совместной подготовки военных. Пришедшее при поддержке военных к власти правительство Таиланда установило более тесные отношения с Китаем, отодвинув военное сотрудничество с США на второй план. В течение 2017–2021 гг. страна стала крупнейшим покупателем китайского оружия, включая артиллерийские орудия, танки и военные корабли среднего класса.

В середине ноября 2022 г. после саммита G20 в Индонезии Председатель КНР Си Цзиньпин посетил с официальным визитом Таиланд, где был принят королем страны и провел переговоры с премьер-министром, в ходе которых стороны отметили 10-летие установления отношений «всеобъемлющего стратегического партнерства». По итогам

переговоров был подписан совместный план действий по «стратегическому партнерству» на 2022–2026 гг., а также ряд документов по торгово-экономическим вопросам, а также по сотрудничеству в сфере электронной коммерции и научно-технических инноваций. Тогда же была достигнута договоренность об укреплении трехстороннего сотрудничества Китая, Таиланда и Лаоса. По итогам переговоров стороны заявили о стремлении к построению стабильного, процветающего и устойчивого китайско-таиландского сообщества «единой судьбы». В 2022 г. Китай стал главным зарубежным торговым партнером Таиланда с объемом товарооборота свыше 100 млрд долл. Одновременно Китай стал о крупнейшим иностранным инвестором страны, вложив в ее экономику более 20 млрд долл.

Такое сближение с Китаем американского союзника никак не могло устроить США, которые в соответствии с ИТС направили значительные усилия и средства на поддержку оппозиционных властям сил. Прошедшие в середине мая 2023 г. всеобщие выборы в нижнюю палату парламента и победа на них оппозиционной партии «Движение вперед» (Move Forward Party) привели к политической нестабильности в стране и росту опасений бизнес-сообщества о возможности продолжения прежней политики в случае смены власти. Две основные оппозиционные партии и еще шесть мелких партий объединились в коалицию и намерены сформировать новое правительство. Однако внутренние противоречия и борьба внутри коалиции, а также сильное противодействие со стороны влиятельных консервативных сил, включая часть военных, предвещают непростой и длительный переходный период, который негативно скажется на экономике страны из-за роста неопределенности и снижения инвестиционной активности.

Молодой лидер победившей на выборах оппозиционной партии получил второе образование в США, участвовал там в предвыборной президентской кампании в 2008 г. и активно использовал перед выборами принадлежащую ему медиакомпанию. Все это позволяет предположить, что США приложили определенные усилия, направленные на замену неугодного им правительства. Примечательно также, что накануне выборов в конце февраля – начале марта 2023 г. в Таиланде прошли крупнейшие за последние десять лет многосторонние военные учения «Золотая Кобра» (Cobra Gold), которые проводятся там ежегодно по инициативе США. В них приняли участие более шести тысяч американских и 3800 таиландских военнослужащих, а также три тысячи приглашенных военных из 30 стран региона.

В то же время можно ожидать, что находящееся у власти и опирающееся на поддержку военных правительство вряд ли уступит свои позиции и властные полномочия оппозиции. При этом нельзя сбрасывать со счетов фактор Китая, который заинтересован в сохранении и дальнейшем укреплении своих позиций и влияния в Таиланде и сохранении его нейтрального статуса. Неслучайно в начале июня 2023 г. командующий Королевской армией Таиланда в Пекине встретился и провел переговоры с министром обороны КНР, который заявил, что Китай готов сотрудничать с Таиландом и содействовать дальнейшему развитию «прагматического сотрудничества» между армиями двух стран. С учетом стоящих в регионе АТР вызовов Китай намерен вместе с Таиландом поддерживать региональную стабильность, обеспечивать порядок и долгосрочную безопасность в регионе. С учетом этого можно ожидать, что достигнутый высокий уровень экономического и военного сотрудничества Таиланда с Китаем станет для США главным препятствием на пути вовлечения этой страны в американское «интегрированное сдерживание» как на двусторонней, так и многосторонней основе.

Особое место в структуре двусторонних союзов США занимает Новая Зеландия. После принятия властями в 1987 г. Закона о безъядерной зоне, разоружении и контроле над вооружениями, который запретил заходы в территориальные воды и воздушное пространство страны кораблям и самолетам с ядерным оружием, США понизили отношения со своим давним союзником по тройственному военно-политическому блоку АНЗЮС до уровня «дружественных». Однако затем в 1996 г. американские власти подняли статус Новой

Зеландии до категории «основного союзника, не входящего в НАТО». В ноябре 2010 г. между странами была пописана Веллингтонская декларация, зафиксировавшая укрепление отношений между ними до уровня «стратегического партнерства». В ней подчеркнуто, что оно должно базироваться на двух главных принципах: практическом сотрудничестве в Тихоокеанском регионе и расширенном политическом диалоге по конкретным вопросам. В июне 2012 г. министры обороны двух стран подписали Вашингтонскую декларацию, которая заложила основы для активизации сотрудничества в военной области. После этого США сняли действовавший долгие годы запрет на посещение военными кораблями Новой Зеландии американских баз по всему миру; последняя стала участвовать в регулярно проводимых США в Тихом океане крупнейших международных военно-морских учениях Rim of the Pacific Exercise (RIMPAC).

В начале июня 2022 г. на переговорах в Вашингтоне премьер-министр Новой Зеландии и президент США подробно обсудили двусторонние отношения между странами. В совместном заявлении по их итогам стороны подтвердили общность позиций и готовность к укреплению взаимодействия в ИТР, в том числе по таким затрагивающим интересы Китая острым вопросам, как ситуация в ЮКМ, напряженность вокруг Тайваня, нарушения прав человека в Гонконге и Синьцзяне. Примечательно, что после поездки в Вашингтон в том же месяце премьер-министры Австралии и Новой Зеландии договорились об активизации сотрудничества в вопросах региональной безопасности и изменения климата. При этом австралийский премьер заявил, что обе страны разделяют озабоченность ситуацией в акватории Тихого океана в связи с действиями Китая, направленными на расширения своего влияния в регионе. Рост «озабоченности» лидеров двух стран, которые десятилетиями считали тихоокеанские островные государства сферой своего влияния, был явно инициирован США и стал ответом на подписание двустороннего соглашения о сотрудничестве в области безопасности между Китаем и Соломоновыми островами.

Китай в течение многих лет является крупнейшим торговым партнером Новой Зеландии, которая ежегодно экспортирует в КНР товары на сумму более 12 млрд долл. Благодаря этому страна, которая является членом разведывательного сообщества Five Eyes и формально не вышла из военного соглашения АНЗЮС, традиционно проводит осторожную и взвешенную политику в отношении Китая. В то же время будучи союзником США, власти Новой Зеландии вынуждены играть по американским правилам, зафиксированным в ИТС. Несмотря на это новый премьер-министр страны в середине июня 2023 г. посетил с недельным официальным визитом Китай во главе представительной торговой делегации, где заявил, что Новая Зеландия очень гордится своими торговыми связями с Китаем. В Пекине он встретился и провел переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпином, который заявил о важности отношений между двумя странами и необходимости их дальнейшего развития и углубления на основе «всеобъемлющего стратегического партнерства». В ходе визита достигнуты договоренности и подписан ряд соглашений о дальнейшем расширении сотрудничества как в традиционных секторах (молочная продукция и древесина), так и по ряду новых направлений, в числе которых электронная коммерция, торговля услугами, инновации и культурные обмены. Важным итогом переговоров следует считать полученную Китаем поддержку Новой Зеландией его присоединения к Соглашению о всеобъемлющем, прогрессивном Транстихоокеанском партнерстве и участия в ведущихся углубленных обсуждениях рабочей группы Соглашения о партнерстве в цифровой экономике (Digital Economy Partnership Agreement), присоединения к которым добивается Пекин.

Китай высоко оценил итоги визита и достигнутые результаты, которые послужат дальнейшему укреплению двустороннего сотрудничества по многим направлениям. При этом особо подчеркивается, что пример Новой Зеландии демонстрирует преимущества взаимовыгодных экономических связей с Китаем, которому могут и должны последовать другие страны ИТР, и прежде всего Австралия, которая внимательно следила за визитом делегации своего соседа и также демонстрирует заинтересованность в восстановлении

нормальных отношений с КНР. Однако такому поступательному развитию связей своего союзника с Китаем будут противодействовать США, стремящиеся к дальнейшей активизации и углублению военных и политических связей с Новой Зеландией с перспективой их продвижения в сторону возможной реанимации активности блока АНЗЮС либо привлечения этой страны к сотрудничеству в рамках соглашения AUKUS.

Участие США в многосторонних военно-политических структурах и блоках

В соответствии с ИТС в рамках формирования «интегрированного сдерживания» Китая американская администрация активно развивает созданные ранее и формирует новые многосторонние форматы военно-политического сотрудничества. К числу наиболее известных структур, целенаправленно продвигаемых США в направлении их расширения, относятся разведывательное сообщество Five Eyes, Quad и AUKUS. Основными цементирующими блоками дальнейшего укрепления, а в перспективе – и расширения этих многосторонних структур лежит военное и технологическое сотрудничество, активно продвигаемое США для сохранения своего лидерства и преимуществ в этих областях как в ИТР, так и за его пределами.

Созданное во время «холодной войны» разведывательное сообщество Five Eyes («Пять глаз») для ведения радиоэлектронной разведки и обмена разведывательной информацией в составе США, Великобритании, Австралии, Канады и Новой Зеландии пережило за долгие годы несколько волн расширения. Вначале к нему на основе двусторонних соглашений подключились входящие в НАТО Дания, Франция, Нидерланды и Норвегия. Затем в 1982 г. их примеру последовали Германия, Бельгия, Италия и Испания. Однако формально его участниками пока остаются пять стран-основателей. В последние годы на волне роста вовлеченности и активности США в ИТР американские власти поддерживают присоединение к соглашению своих наиболее важных союзников, прежде всего Японии и Южной Кореи, разведслужбы которых в рабочем порядке давно обмениваются информацией с его участниками. В 2020 г. японский министр обороны выразил желание начать более тесное сотрудничество с альянсом и сделать Японию «шестым глазом». На готовность и стремление властей Японии стать его полноправным членом также указывают достигнутые договоренности с отдельными членами сообщества о заключении двусторонних соглашений об обмене разведывательной информацией.

После принятия ИТС нынешняя американская администрация резко активизировала свою деятельность в рамках созданного по инициативе американских властей более десяти лет назад Четырехстороннего диалога по безопасности (Quadrilateral Security Dialogue, Quad) с участием высокопоставленных представителей США, Австралии, Индии и Японии. Первый саммит на уровне лидеров Quad состоялся в разгар пандемии и прошел в марте 2021 г. в виртуальном формате. По его итогам главы четырех государств договорились о создании рабочих групп по вопросам изменения климата, разработки вакцин от коронавируса и по теме критических и новейших технологий. В сентябре 2021 г. по инициативе США в Вашингтоне состоялся второй саммит с личным участием лидеров четырех стран, в результате которого к созданным ранее рабочим группам были добавлены еще три новых – по вопросам кибербезопасности, инфраструктуры и космосу. Цели и задачи этой созданной США группировки были озвучены в мае 2022 г. в ходе саммита в Токио: обсуждение вопросов стратегической безопасности в регионе и формирование на ее основе направленной против Китая широкой коалиции союзников и партнеров.

Его итогом стало принятие совместного заявления, в котором лидеры четырех стран выступили против «принудительных, провокационных и односторонних действий», направленных на изменение статус-кво в регионе. В их числе названы милитаризация разрешения спорных вопросов; опасное использование судов береговой охраны и морской

полиции; попытки нарушить работы по добыче ресурсов в прибрежных водах других стран. Примечательно, что документ содержал только общие формулировки и в нем не упоминаются конкретные страны, включая Китай и Россию, что стало отражением сдержанной оценки ситуации в ИТР Австралией и Индией.

Важное место в итоговом документе уделено критическим и перспективным технологиям, которые по замыслу американской администрации должны обеспечить развитие и безопасность региона. Лидеры также отметили уязвимость глобальных цепочек поставок и заявили о готовности сотрудничать по созданию «многообразного и конкурентного рынка полупроводников», а также взаимодействовать в развитии биотехнологий и квантовых технологий. Для решения заявленных целей и привлечения необходимых для этого средств выражена готовность провести четырехсторонний Форум бизнеса и инвестиций.

Конкретным итогом саммита в Токио стал запуск стипендиальной программы Quad, которая начнет действовать в третьем квартале 2023 г. Она предусматривает ежегодное обучение в вузах США 100 студентов из четырех стран по четырем направлениям – наука, технологии, инженерное дело и математика. Их набор и обучение будут вестись в рамках американской программы обучения зарубежной талантливой молодежи Schmidt Future для подготовки кадров, которые могут быть использованы в ходе дальнейшей активизации и расширения деятельности Quad в регионе.

Стремление США повысить роль Quad в ИТР нашло свое отражение в обещании участников активизировать сотрудничество с островными государствами Тихого океана как на двусторонней, так и коллективной основе в экономике, создании инфраструктуры и реагировании на изменение климата. Вовлеченность группировки в решение проблем этого района Тихого океана, который является важной транспортной артерией для США и Австралии, рассматривается американской администрацией как важное направление противодействия планам Китая расширить там свое военное присутствие и влияние.

Сразу вслед за саммитом в Токио в середине июля 2022 г. в Австралии прошла первая встреча созданной ранее рабочей группы Quad по вопросам использования энергии на уровне министров, на которой были обсуждены меры по развитию технологий чистого сжигания водорода и аммиака. Участники подтвердили важность развития цепочек поставок «чистой» энергии и обеспечения их безопасности. При этом США и Австралия на встрече активно продвигали свои крупные проекты по производству водорода и его поставкам в Индию и Японию. Реализация этих проектов направлена на укрепление экономической составляющей сотрудничества в рамках «четверки», а также на привлечение к участию в ней на этой основе других заинтересованных стран региона.

Активность администрации США по укреплению практического сотрудничества и координации действий всех членов «четверки», двое из которых являются важными американскими союзниками, направлена прежде всего на Индию. США считают эту страну своим «партнером-единомышленником» и лидером в Южной Азии и Индийском океане, локомотивом роста и развития региона, тесно связанным с ЮВА, и движущей силой Quad. При этом главной целью является более активное вовлечение Индии в реализацию ИТС и подключение ее к «интегрированному сдерживанию» Китая в регионе. В стратегическом плане США считают, что в случае острой фазы конфликта вокруг Тайваня эта страна может сыграть роль потенциального «второго фронта» для Китая. Для этого они используют формат Quad и своих союзников в группировке для вовлечения Индии в различные форматы практического сотрудничества, делая при этом упор на его военную и технологическую составляющие.

В начале июня 2023 г. после завершения конференции в Сингапуре американский министр обороны в Дели провел переговоры со своим индийским коллегой. Их итогом стало подписание «дорожной карты» сотрудничества ВПК двух стран в течение предстоящих нескольких лет для совместной разработки и производства военной продукции. После переговоров Остин заявил, что США считают сотрудничество с Индией краеугольным

камнем «свободного и открытого» ИТР. В более сдержанном заявлении правительства Индии по итогам переговоров указано, что стороны обсудили широкий круг вопросов двустороннего военного сотрудничества, уделив особое внимание активизации укрепления взаимодействия промышленности двух стран. Индия и США «определяют возможности» совместного развития передовых технологий и совместного производства существующих и новых оборонных систем, а также будут способствовать расширению взаимодействия между оборонными стартапами двух стран.

Индия традиционно придерживается политики неприсоединения и «стратегической автономии». Министр иностранных дел Индии в октябре 2022 г. в Дели на совместной пресс-конференции с партнером из Австралии подчеркнул, что взаимодействие в рамках Quad касается прежде всего ИТР, где переплетение интересов партнеров особенно сильно. Его поддержала австралийская коллега Пенни Вонг, которая заявила, что «степень стратегического доверия и стратегической последовательности между партнерами являются глубокими и крепкими». При этом Индия рассматривает сотрудничество с Японией и США в качестве средства противодействия расширению активности Китая на море. Япония, в свою очередь, надеется использовать формат Quad для активизации сотрудничества с Индией не только в вопросах безопасности, но и в таких приоритетных для нее областях, как инвестиции и передовые технологии.

Подписанное в середине 2021 г. соглашение Австралии, Англии и США о создании в ИТР «оборонного» союза трех стран AUKUS является новым форматом многостороннего сотрудничества в военной и военно-технологической областях в рамках реализации ИТС. Главной целью соглашения заявлено сотрудничество его участников в создании атомного подводного флота Австралии на основе использования американских и британских военных ядерных технологий. Однако уже в апреле 2022 г. оно было дополнено совместным решением о начале широкого сотрудничества в области разработки новейших и перспективных технологий, в числе которых выделены гиперзвуковое оружие и защита от него, радиоэлектронная борьба, киберпространство, искусственный интеллект, квантовые и новейшие подводные технологии.

В середине марта 2023 г. лидеры США, Великобритании и Австралии объявили о плане поэтапной реализации главной цели соглашения. План носит общий характер и его следует рассматривать как «дорожную карту», в соответствии с которой созданные и построенные на верфях Великобритании и Австралии с использованием американских ядерных технологий и английского дизайна новейшие подводные лодки класса SSN-AUKUS поступят на вооружение ВМФ двух стран соответственно в конце 2030-х и начале 2040-х годов. Примечательно, что до этого США в рамках политики «интегрированного сдерживания» продадут Австралии в начале 2030-х годов три своих атомных подводных лодки и затем еще две «по мере необходимости».

На состоявшейся в начале июня 2023 г. Сингапуре Международной конференции по вопросам безопасности министр обороны США Ллойд Остин назвал трехстороннее соглашение AUKUS «первопроходцем», способным в будущем снизить барьеры, ограничивающие военное сотрудничество с другими союзниками и партнерами. Это заявление указывает на планы американских властей по дальнейшему расширению этой новой структуры за счет привлечения к реализации заявленных целей новых членов на основе развития и углубления военных и технологических связей. При этом в качестве потенциальных кандидатов на присоединение к соглашению политики США называют Японию, Южную Корею и Новую Зеландию.

В качестве наиболее перспективного кандидата на присоединение к соглашению следует считать Японию, где в последние годы также активно ведется модернизация подводного флота страны. В начале апреля 2023 г. начальник штаба военно-морских «сил самообороны» Японии в течение шести дней находился в Австралии и посетил базу Стерлинг (Stirling), реконструируемую в рамках соглашения AUKUS под размещение там атомных

подводных лодок. По итогам своей ознакомительной поездки японский адмирал заявил, что считает обретение Австралией атомных подводных лодок «чрезвычайно позитивным» фактом, и японские «Морские силы самообороны» будут стремиться к углублению взаимодействия и сотрудничества с Австралией.

Другим потенциальным кандидатом на присоединение к соглашению является Новая Зеландия. На полях конференции в Сингапуре министр обороны этой страны заявил, что его страна заинтересована в сотрудничестве в рамках соглашения AUKUS для использования в своей обороне передовых технологий, связанных с кибербезопасностью, искусственным интеллектом и квантовыми компьютерами. При этом уточнил, что основатели AUKUS формально не приглашали Новую Зеландию к участию в соглашении, однако сослался на имевшиеся «признаки», что они хотели бы предоставить ей возможности для взаимодействия по ряду направлений. В то же время он подчеркнул, что страна в соответствии со своим законодательством не будет сотрудничать с инициаторами соглашения в вопросах, связанных с атомными подводными лодками.

Китай справедливо считает, что соглашение AUKUS по строительству и передаче атомных подводных лодок Австралии усиливает риск распространения ядерного оружия в регионе и подрывает международную систему его нераспространения. Его реализация подорвет региональную безопасность, вызовет новый виток гонки вооружений и может спровоцировать военную конфронтацию в ИТР. Особо подчеркивается, что сотрудничество трех стран в рамках соглашения служит геополитическим интересам США, которые с помощью военного сдерживания стремятся продвигать в регионе блоковую политику и ведут дело к созданию «копии НАТО в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Создание AUKUS и поэтапная реализация этого соглашения, а также реальная перспектива подключения к нему других стран региона на основе военного и технологического сотрудничества неизбежно приведут к росту напряженности в ИТР и усилению конфронтации между Китаем и США, а также к новому витку гонки вооружений в регионе.

В соответствии с ИТС новым важным и перспективным направлением по формированию многостороннего сотрудничества в ИТР должно стать уже упомянутое «Индо-тихоокеанское экономическое рамочное соглашение». США приступили к разработке этого плана в конце 2021 г. чтобы восстановить свои позиции в регионе после выхода страны из соглашения о Транстихоокеанском партнерстве. Новая американская инициатива должна стать ответом Китаю на его растущее экономическое влияние в регионе и нацелена на снижение зависимости от него по многим направлениям, в числе которых цепочки поставок и усиление контроля над экспортом во избежание утечки перспективных и критических технологий. Инициатива администрации нацелена на создание и продвижение общих правил, касающихся передачи информации и искусственного интеллекта, а также продвижение сотрудничества в области инфраструктуры. При этом ее отличительной особенностью является отсутствие традиционно важного для многих стран региона положения о свободной торговле.

Новый план американской администрации был озвучен президентом Байденом в мае 2022 г. на саммите в Токио, а в конце июля США провели первую виртуальную встречу министров экономики 14 стран, заявивших о намерении присоединиться к соглашению, с помощью которого Вашингтон стремится расширить свое участие в решении вопросов экономического сотрудничества со странами ИТР. В ней, кроме хозяев, приняли участие представители Австралии, Брунея, Фиджи, Индии, Индонезии, Японии, Южной Кореи, Малайзии, Новой Зеландии, Филиппин, Сингапура, Таиланда и Вьетнама. На встрече были обсуждены в общем виде вопросы торговли, цепочек поставок, «зеленой» энергии, инфраструктуры, налогов и борьбы с коррупцией и озвучены подходы администрации США к их решению.

В начале сентября 2022 г. в Лос-Анджелесе прошла очная встреча министров торговли 14 стран. Ее организаторами стали министр торговли и торговый представитель США. По их

предложению участники обсудили четыре основные блока тем, которые должны войти в будущее соглашение: «честная и стабильная торговля»; устойчивость цепочек поставок; «чистая» энергия, декарбонизация и инфраструктура; налоги и борьба с коррупцией. Примечательно, что в ходе переговоров американская сторона заявляет, что новое соглашение не ставит целью отделить США от Китая из-за большого веса этой страны в глобальной торговле и мировой экономике. Однако при подготовке итогового документа для его принятия всеми участниками США неизбежно придется показать и доказать участникам преимущества нового соглашения перед уже действующими в ИТР двумя крупнейшими договорами о свободной торговле – «Всеобъемлющим, прогрессивном соглашении о Транстихоокеанском партнерстве (Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, CPTPP) и вступившим в силу в середине июня 2023 г. соглашении о Всестороннем региональном экономическом партнерстве (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP), в котором участвует 15 стран региона, включая КНР.

К структурам многостороннего сотрудничества в ИТР по итогам состоявшегося в середине мая 2023 г. в Хиросиме последнего саммита следует также отнести «семерку» участников группы G7, где США играют роль лидера, отводя ей важное место в ИТС. В этом неформальном объединении Япония является единственным представителем Азии, и американская администрация отводит ей особую роль проводника и локомотива реализации согласованной политики наиболее развитых и влиятельных глобальных «единомышленников» США в регионе. В этой связи не случайно последний саммит был впервые проведен в ИТР, и председательствовавшая в «семерке» в течение года Япония внесла весомый вклад в организацию, подготовку и принятие его итоговых документов.

Итогом двухдневного мероприятия стало принятие самого объемного в истории группы коммюнике, в котором одно из центральных мест занял Китай. В разделе, посвященном региональным проблемам перечислены согласованные членами G7 общие принципы, которыми каждый из участников будет руководствоваться в отношениях с КНР. В их числе: готовность к конструктивным и стабильным отношениям с Китаем и необходимость сотрудничества с ним в решении глобальных вызовов; призыв к взаимодействию с семеркой на международных форумах; заверение, что политика участников не направлена на нанесение ущерба Китаю и не определяется стремлением помешать его развитию и прогрессу экономики; стремление к устойчивости экономических связей с Китаем однако при одновременном противодействии его «нерыночной» политике, а также экономическому давлению и «незаконной» передаче технологий и информации. Там же выражена «озабоченность» ситуацией с правами человека в Китае, включая Тибет и Синьцзян, и призыв уважать обязательства и положения китайско-британской совместной декларации и Основного закона Гонконга; призыв к соблюдению Венской конвенции о дипломатических связях и недопущению «вмешательства, направленного на подрыв безопасности обществ, единства демократических структур и процветания экономик» стран-участников. Отдельным пунктом заявлено об отсутствии законных оснований для «экспансионистских морских претензий Китая» в ЮКМ и осуждении военной активности в этом регионе.

После завершения саммита американский президент заявил, что целью G7 является не отделение от Китая, а «снижение рисков» и «диверсификация» отношений с ним. Однако содержание документа и заверения о стремлении к снижению рисков, изложенные в предложенных Японией обтекаемых формулировках, не смогли скрыть сохраняющийся конфронтационный характер политики ведущих стран Запада, нацеленных на противостояние с Китаем.

Отношение США к участию европейских союзников в обеспечении региональной безопасности

В рамках борьбы со своим главным геополитическим конкурентом США все более активно подключают к противостоянию с Китаем в ИТР своих европейских союзников. При этом наряду с использованием экономических рычагов и потенциала ЕС активно продвигается и реализуется на практике тезис об усилении глобальной роли НАТО и расширении присутствия и активности этого военного блока в регионе, что неизбежно ведет к обострению там напряженности и усилению военного противостояния с Китаем.

В апреле 2021 г. Евросоюз одобрил Стратегию ЕС по сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе (EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific)²⁰⁴. В документе заявлено, что благодаря росту экономики, демографическим факторам и политическому весу регион становится все более важным для ЕС из-за его превращения в ключевого игрока в формировании мирового порядка. Особо подчеркнуто, что ЕС и ИТР тесно взаимосвязаны поскольку сообщество является крупным инвестором и одним из крупнейших торговых партнеров региона и активно вовлечено в его развитие. В то же время там возрастают геополитическая конкуренция, торговые трения, нестабильность цепочек поставок и конфликты в области технологий, а также в сфере политики и безопасности. Все эти моменты стали обоснованием для принятия решения повысить уровень стратегического взаимодействия ЕС с ИТР. Основными областями сотрудничества в документе определены семь направлений – устойчивое и инклюзивное развитие; переход к «зеленой» экономике; управление океаном; цифровое управление и партнерство; взаимосвязь; оборона и безопасность; личная безопасность.

В сфере безопасности и обороны ЕС намерен проводить политику формирования «открытой и базирующейся на правилах региональной архитектуры», включающей обеспечение надежности морских маршрутов и усиление военно-морского присутствия сообщества в ИТР. Для этого страны ЕС будут стремиться к увеличению числа совместных учений с партнерами, включая многосторонние учения для борьбы с пиратством и защиты свободы мореплавания в регионе. Также заявлено о намерении активизировать обсуждение со странами региона вопросов безопасности и обороны, включая борьбу с терроризмом и кибербезопасность. При этом подчеркнуто, что политика ЕС в отношении стран ИТР ориентирована на сотрудничество, а не конфронтацию. Однако обязательства Евросоюза там являются инклюзивными для всех стран, желающих с ним сотрудничать в конкретных областях, если партнеры разделяют «принципы, ценности или общие интересы». При этом ЕС намерен развивать многостороннее сотрудничество с Китаем, стремясь совместно находить решения для общих вызовов, взаимодействуя в вопросах общих интересов и поощряя Китай играть позитивную роль в развитии региона.

Следует отметить, что индо-тихоокеанская стратегия ЕС была принята раньше американской ИТС. Однако содержание и основные положения европейского документа, несмотря на общие и расплывчатые формулировки, совпадают с соответствующими установочными документами США. При этом некоторая мягкость и обтекаемость формулировок связана отражает высокую заинтересованность ЕС в сохранении и расширении достигнутого за последние годы уровня экономических связей с Китаем в условиях обостряющейся конкуренции в регионе, в том числе со своими союзниками и единомышленниками. Однако как по содержанию, так и по заявленным целям стратегия ЕС в долгосрочном плане также является одним из важных составных блоков противостояния с Китаем в рамках реализуемого под руководством США курса на его «интегрированное сдерживание» с использованием потенциала и возможностей своих союзников не только в

²⁰⁴ Joint Communication to the European Parliament and the Council. European Commission. High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Brussels, 16.9.2021 / https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/jointcommunication_2021_24_1_en.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

регионе, но и в Европе. В этой связи примечательно, что вслед за появлением этого документа ЕС свои национальные стратегии в ИТР приняли многие страны-члены сообщества, в числе которых Великобритания, Франция, Германия и Нидерланды. Последней стала Литва, которая в начале июля 2023 г. накануне саммита НАТО в Вильнюсе также приняла свою стратегию в ИТР с острой критикой Китая.

В условиях нарастания геополитической конкуренции между США и Китаем в регионе и в соответствии с решениями последнего саммита «семерки» G7 Еврокомиссия в конце июня 2023 г. подготовила и направила странам-членам новый документ о повышении экономической безопасности сообщества (An EU approach to enhance economic security), нацеленный на снижение рисков и формирование устойчивости их экономик²⁰⁵. Хотя в документе Китай не упоминается, его содержание и формулировки ориентируют страны-члены на «снижение односторонней зависимости», прежде всего в области критических технологий. Документ также призывает к усилению скрининга прямых иностранных инвестиций, использованию экспортного контроля для противодействия «экономическому давлению» и устранению рисков в отраслях, производящих продукцию военного применения – квантовые компьютеры, передовые компьютеры и искусственный интеллект. Новая стратегия ЕС также призывает страны-члены усилить контроль над экспортом оборудования, которое может быть использовано в военных целях, а также ужесточить контроль за зарубежными инвестициями. Документ был представлен главам государств на саммите ЕС в последних числах июня и показал различие мнений в отношении сотрудничества с Китаем, который является важным торговым партнером для большинства стран сообщества, заинтересованных в дальнейшем развитии и углублении связей с этой страной в условиях нарастающих в них экономических трудностей.

В связи с событиями на Украине политика ЕС и входящих в него стран демонстрирует быстрое превращение сообщества в экономическую структуру возглавляемого США военно-политического блока НАТО. На состоявшемся в Мадриде в июне 2022 г. саммите блока под влиянием США была принята новая стратегия (NATO 2022 Strategic Concept), в которой впервые в числе главных угроз безопасности его членам наряду с Россией назван Китай²⁰⁶. В документе заявлено, что в современном непредсказуемом мире с его нестабильностью и растущей стратегической конкуренцией, которые вместе с продвижением авторитаризма угрожают интересам и ценностям альянса, он намерен сохранить и продвигать свою «глобальную перспективу». Подтверждением этого стало приглашение на саммит в качестве гостей лидеров главных американских союзников в ИТР – Японии, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии, лидеры которых заявили там о своей заинтересованности в укреплении отношений с западными союзниками. На полях саммита лидеры Японии и Южной Кореи провели в трехстороннем формате встречу с участием США и договорились об активизации сотрудничества в области безопасности на Корейском полуострове. Там же впервые была проведена четырехсторонняя встреча с участием лидеров Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи и Японии. Проведение встреч и переговоров в расширенном формате стало очередным подтверждением реализации курса администрации США не только на расширение многостороннего сотрудничества союзников в ИТР, но также на их вовлеченность в более расширенный формат взаимодействия с европейскими «единомышленниками».

Новая стратегия НАТО, в которую также вошли все основные положения американской ИТС, носит конфронтационный характер и отражает втягивание этого «оборонительного» евроатлантического блока в продвижение интересов США под флагом «глобализации» не только в Европе, но и в ИТР на основе более широкой вовлеченности

²⁰⁵ An EU Approach to Enhance Economic Security / https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_23_3358 (дата обращения: 13.07.2023).

²⁰⁶ NATO 2022 Strategic Concept, 29 June 2023 / https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (дата обращения: 09.04.2023).

американских союзников в многостороннее военно-политическое сотрудничество. Подтверждением этого стало регулярное направление военных кораблей стран блока в регион и размещение некоторых из них там на постоянной основе, участие в многочисленных совместных многосторонних и двусторонних военных учениях на море, в воздухе и на земле. Наибольшую активность на этих направлениях проявляют главные европейские союзники США.

В опубликованном в марте 2021 г. объемном документе правительства Великобритании о роли страны в мире в течение предстоящих 10 лет и действиях до 2025 г. ИТР назван критически важным регионом. Там же Китай назван «системным вызовом» и заявлено, что Великобритания стремится к 2030 г. стать для региона «европейским партнером с самым широким и наиболее интегрированным присутствием», которое необходимо для поддержки «взаимовыгодной торговли, совместной безопасности и ценностей». Вслед за этим в ИТР была направлена ударная эскадра военных кораблей во главе с авианосцем, а в сентябре 2021 г. правительство приняло решение о размещении там военных кораблей на постоянной основе в течение пяти лет. В настоящее время два британских патрульных корабля находятся там, регулярно совершая заходы в порты стран региона.

Активное проникновение Великобритании в ИТР происходит как на многосторонней, так и на двусторонней основе. При этом вслед за Вашингтоном основным партнером в регионе Лондон видит Японию, с которой он активно развивает военное сотрудничество. В декабре 2022 г. Великобритания и Япония подписали соглашение о совместной разработке истребителя шестого поколения с участием в нем Италии. В середине января 2023 г. в Лондоне лидеры двух стран подписали Соглашение о взаимном доступе (Japan–UK Reciprocal Access Agreement), позволяющее их военным находиться на территории друг друга при проведении совместных учений и спасательных операций во время стихийных бедствий. После подписания этого соглашения японский премьер заявил, что оно станет основой дальнейшего сотрудничества между странами в военной области.

В середине мая 2023 г. до начала саммита G7 премьер-министры Великобритании и Японии подписали соглашение о глобальном стратегическом партнерстве, которое получило название «Договор Хиросимы» (Hiroshima Accord)²⁰⁷. В нем заявлено, что две страны являются «самыми близкими партнерами», а безопасность и развитие Евроатлантики и ИТР неразделимы. Документ предусматривает увеличение в два раза численности британских военных, участвующих в военных учениях на территории Японии, размещение в ИТР в 2025 г. английской авианосной эскадры, которая вместе с Японией и другими партнерами будет «защищать» в регионе мир и стабильность.

Одновременно Великобритания стремится укрепить свои экономические позиции в регионе. В «Договоре Хиросимы» особо подчеркнута важность углубления двусторонних экономических связей для укрепления безопасности. Страны намерены совместно обеспечивать стратегическое преимущество в области таких новейших технологий, как искусственный интеллект и квантовые компьютеры. С учетом особой важности полупроводников для критических секторов экономики они усилят сотрудничество в этом секторе, а также в сфере промышленной науки, инноваций и технологий. Там же заявлено о стремлении укрепить взаимодействие между секторами военно-промышленного комплекса двух стран. Содержание документа и заявленные в нем цели свидетельствуют об усилении вовлеченности Великобритании и Японии в американское «интегрированное сдерживание» Китая в регионе по двум взаимосвязанным направлениям – военном и экономическом. Можно ожидать, что примеру Великобритании могут последовать и другие европейские союзники по НАТО, что еще больше укрепит «глобальную роль» блока в регионе.

Правительство Германии еще осенью 2020 г. утвердило новые принципы политики в отношении ИТР, направленные на постепенный отход от Китая и углубление связей с

²⁰⁷ The Hiroshima Accord: an Enhanced Japan-UK Global Strategic Partnership / <https://www.mofa.go.jp/files/100505906.pdf> (дата обращения: 29.09.2023).

другими партнерами, принадлежащими к «демократическому лагерю». Новое левоцентристское правительство пришло к власти в декабре 2021 г. на основе коалиционного соглашения, в котором заявлено, что оно будет расширять связи в ИТР с важными партнерами, к которым в полном соответствии с американской ИТС отнесены Австралия, Япония, Новая Зеландия и Южная Корея. При этом в документе особо зафиксировано стремление новых властей наладить регулярные межправительственные консультации с Японией. В том же году состоялась первая встреча министров иностранных дел и обороны Германии и Японии в формате «два плюс два», на которой обсуждались ситуация и перспективы сотрудничества двух стран в ИТР.

Летом 2021 г. Германия впервые за последние 20 лет направила свой военный фрегат «Гессен» в регион с заходами в порты Австралии, Южной Кореи и Японии. В середине августа 2022 г. в разгар кризиса вокруг Тайваня правительство Германии в соответствии с новой стратегией НАТО направило в ИТР эскадрилью из шести истребителей Eurofighter, четырех транспортных самолетов A400M и трех топливных заправщиков A330 с посещением Австралии, Сингапура, Японии и Южной Кореи. Министерство обороны тогда заявило, что немецкие самолеты должны продемонстрировать единство Германии с партнерами в ИТР. В конце сентября 2022 г. три немецких истребителя совершили беспосадочный перелет из Сингапура в Токио и приняли участие в совместных учениях с тремя истребителями F-2 военно-воздушных сил Японии. После учений начальник штаба японских ВВС заявил, что они продемонстрировали возможность Германии во время кризиса перемещать свои воздушные силы по воздуху быстрее, чем по морю, и это является «мощным предупреждением Китаю». В конце июля – начале августа 2023 г. власти Германии впервые направили в Австралию около 240 немецких военных, включая 170 десантников и 40 морских пехотинцев, которые приняли участие в крупных многосторонних учениях Talisman Sabre, которые организуются там один раз в два года США. Всего в учениях приняли участие около 300 тысяч военных из 12 стран, в том числе из Великобритании, Индонезии, Южной Кореи и Японии. Германия также подтвердила, что примет участие в этих учениях и в 2025 г. Столь представительное участие в них немецких военных указывает на готовность властей Германии к наращиванию военного сотрудничества с Австралией, где на заводе немецкой фирмы Rheinmetall производятся бронетранспортеры Boxer для армий двух стран.

Китай в течение последних лет является ведущим торговым партнером Германии. В 2022 г. общий товарооборот между странами вырос на 21% и составил 297,9 млрд евро (315,8 млрд долл.). Несмотря на это, правящая левоцентристская коалиция в рамках заявленного курса на развитие связей с ключевыми союзниками в ИТР стремится проводить политику снижения «чрезмерной зависимости» от Китая. В условиях нарастания экономических проблем в стране канцлер Германии в середине марта 2023 г. в сопровождении шести федеральных министров и большой делегации руководителей крупных немецких компаний посетил Японию, где были проведены первые межправительственные консультации в расширенном формате и многочисленные встречи и переговоры, направленные на активизацию сотрудничества между странами под лозунгом обеспечения экономической безопасности. В совместном заявлении по итогам визита обе страны подтвердили готовность укреплять экономическое сотрудничество, а также работать над созданием законодательной базы для активизации двустороннего взаимодействия в вопросах обороны и безопасности. После переговоров японский премьер заявил, что обе страны укрепят взаимодействие в стратегически важных областях, к которым он отнес минеральное сырье, полупроводники и батареи, а также будут делиться лучшим опытом и практиками по противодействию рискам и формированию устойчивых, надежных и безопасных цепочек поставок. Однако следует учитывать, что хотя Япония является вторым по значению торговым партнером Германии в Азии, объем двусторонней торговли с ней значительно уступает Китаю, и странам вряд ли удастся быстро сократить разрыв.

В ИТР находится значительная часть принадлежащих Франции территорий, экономическая зона которых составляет около девяти миллионов квадратных километров. В их числе Французская Полинезия, Новая Каледония, Реюньон и ряд других крупных и мелких островов, на которых проживает около двух миллионов французских граждан. Там же на постоянной основе находятся различные по численности и составу французские воинские подразделения, общая численность которых составляет около семи тысяч человек. По этой причине власти страны в соответствии с утвержденными в 2020 г. новыми принципами политики в ИТР постоянно проявляют «беспокойство» по поводу усиления роли и влияния Китая в регионе и также предпринимают меры по демонстрации там своего присутствия.

В сентябре 2022 г. в рамках третьего этапа крупных воздушных учений Mission Pegase Франция вслед за Германией направила в ИТР эскадрилью из трех истребителей Dassault Rafale, двух топливозаправщиков Аэробус А330 и двух транспортных самолетов А400М Atlas. Во время перелета они сделали остановки в Индии, Австралии и Сингапуре, а затем провели в Новой Каледонии учения по отражению «захвата» принадлежащих Франции территорий в южной части Тихого океана. При подготовке учений Франция и Сингапур на полях Международной конференции по безопасности подписали соглашение о сотрудничестве в вопросах логистики. Несмотря на скандальный разрыв контракта на поставки подводных лодок с подписавшей соглашение АUKUS Австралией, Франция активно продвигает продажи своих вооружений в ряд стран ЮВА.

В соответствии с американской ИТС и принятой в 2022 г. новой стратегией НАТО приступило к активному наращиванию сотрудничества в ИТР с главными союзниками США – Австралией, Японией, Новой Зеландией и Южной Кореей, которые в документах блока отнесены к категории «глобальных партнеров» и именуются в них как «азиатско-тихоокеанские партнеры» (Asian-Pacific partners, AP4). В последних числах января – начале февраля 2023 г. генеральный секретарь НАТО посетил Южную Корею и Японию, где сделал немало громких заявлений, направленных против Китая. Одним из конкретных результатов его визита в Токио стало заявление об открытии там в 2024 г. офиса по связям с блоком. Это предложение поддерживают власти Токио, однако после резко негативной реакции Китая японский премьер-министр заявил, что окончательное решение все еще не принято.

Вслед за визитом НАТО приступило к подготовке индивидуальных программ связанного партнерства (Individually Tailored Partnership Program, ИТПП) с четырьмя главными американскими союзниками в ИТР, которые определяют высший уровень сотрудничества блока с внешними игроками. Их подписание с лидерами этих стран было запланировано на саммите альянса в середине июня 2023 г. в Вильнюсе. Для подготовки программ директор отдела совместной безопасности НАТО в феврале посетил Южную Корею, в марте Австралию и Новую Зеландию и в мае Японию, где провел соответствующие переговоры. Наибольший прогресс в согласовании содержания документа был достигнут с Австралией, Южной Кореей и Японией, лидеры которых на саммите в Вильнюсе подписали индивидуальные программы партнерства с НАТО в 2023–2026 гг. Новая Зеландия также заявила о готовности подписать программу после завершения согласований.

Примечательно, что документ о сотрудничестве с блоком, который подписал японский премьер, стал самым объемным и подробным²⁰⁸. В отличие от программы НАТО с Южной Кореей по 11-ти направлениям, японский документ затрагивает 16 областей сотрудничества. Одной из наиболее важных следует считать «эффективное сотрудничество по развитию возможностей и функциональной совместимости, а также стандартизации» между войсками НАТО и японскими «силами самообороны». Взаимодействие на этих направлениях ставит целью формирование общего понимания арсеналов каждой их сторон и расширение количества совместных учений. Другими областями сотрудничества названы совместное участие в операциях по эвакуации, безопасность на море, кибербезопасность, гибридные

²⁰⁸ Individually Tailored Partnership Programme between NATO and Japan for 2023 – 2026, 12 June 2023 / <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100527274.pdf> (дата обращения: 25.07.2023).

угрозы, стратегические линии связи, космос, изменение климата, а также новейшие и разрушительные технологии. К последним отнесены искусственный интеллект, автономные системы и квантовые технологии, которые изменят в будущем ситуацию на поле боя. Также заявлено, что НАТО и Япония начнут переговоры о разработке правил, регулирующих применение автономных систем оружия, известных как «роботы-убийцы». Содержание документа свидетельствует о дальнейшем расширении стратегического и военного сотрудничества Японии с альянсом.

Однако предложение об открытии в 2024 г. офиса по связям в Японии вызвало возражения со стороны ряда членов альянса, и прежде всего Франции, которая опасается, что его реализация вызовет неприятие и резкую критику Китая, а также негативную реакцию стран АСЕАН. Поскольку создание зарубежной структуры блока требует одобрения всех его членов, в качестве альтернативы был предложен вариант позиционировать офис в Токио как представительство по реализации четырех программ индивидуальных партнерств с союзниками АР4 в ИТР. Однако смена названия не сможет скрыть истинного предназначения и задач новой структуры, направленных на активизацию присутствия НАТО в регионе. В связи с разногласиями тема открытия офиса в Токио не вошла в итоговое коммюнике саммита. Несмотря на это генеральный секретарь блока заявил, что она остается актуальной и вопрос будет рассмотрен «в будущем». В этой связи подписание соглашения о глобальном партнерстве с Великобританией, принятие программы сотрудничества с НАТО и предстоящее открытие в Токио офиса альянса следует рассматривать как новые звенья поэтапного вовлечения Японии в военно-политическую инфраструктуру альянса, возглавляемого США.

Китай резко отреагировал на итоги саммита в Вильнюсе, назвав АР4 «квази-альянсом». Особо отметил, что в итоговом коммюнике Китай упоминается чаще, чем в стратегии блока, принятой в 2022 г. в Мадриде. При этом подчеркнул, что это демонстрирует более высокий уровень враждебности НАТО в отношении КНР. Миссия КНР при ЕС после принятия документа заявила, что Китай твердо выступает против «восточной экспансии» НАТО в АТР. В заявлении содержится предупреждение блоку, что Китай будет решительно отстаивать свой суверенитет, безопасность и развитие и решительно противостоять продвижению НАТО в АТР, а любая попытка нарушить законные права и интересы КНР встретит решительный отпор. Китайский МИД также призвал НАТО прекратить безосновательные обвинения и провокационные заявления в отношении КНР и «отказаться от ошибочного стремления к абсолютной безопасности, обмана Европы и попыток дестабилизировать АТР и весь остальной мир».

Политика и действия НАТО в ИТР определяются уровнем отношений между КНР и США, которые этот блок создали, возглавляют и контролируют. Поэтому с учетом заявленных в американских ИТС и СНБ целей и задач блок продолжит под руководством США наращивать свое присутствие в регионе в различных вариантах и формах на основе двусторонних соглашений с основными американскими союзниками из числа АР4. Однако следует учитывать, что стремление и действия Вашингтона глубже вовлечь НАТО в реализацию военной составляющей своих стратегий неизбежно столкнется с противодействием как со стороны Китая и России, так и со стороны ряда влиятельных членов альянса, чьи планы в ИТР ориентированы на развитие и укрепление экономических связей со странами региона, включая Китай.

Вместо заключения

Как было обещано нами в предисловии, в завершающей части работы излагаются представления участников проекта о ближайшем будущем региона, представленные ими в рамках обсуждения в режиме «круглого стола». Их основные выводы выглядят следующим образом.

Первое. В ближайшие годы на пространстве от Индийского до Тихого океана произойдет формирование новой динамичной геополитической и геоэкономической платформы. *Регион сохранит мировое лидерство* по темпам экономического роста, которые будут выше среднемирового уровня. Китай усилит свою структурообразующую роль в региональной, равно как и в мировой экономике, прежде всего в тех высокотехнологических сферах, где его не блокируют американские ограничения (например, производство литиевых батарей, электромобилей, рынки «зеленых» и космических технологий и т.п.). Вклад Китая в прирост мирового ВВП сохранится на уровне 30%, региона в целом – на уровне 60–70%.

Второе. Главным событием предстоящего времени – если Китаю удастся выполнить поставленные перед собой цели – станет намеченное КПК к середине столетия превращение КНР в полноценную мировую сверхдержаву, сравнимую или почти сравнимую с США по совокупной мощи. Это изменит характер отношений сотрудничества и конкуренции Пекина с региональными и мировыми лидерами. Китай станет практически незаменим в роли организатора огромной части мировых высокотехнологичных и «зеленых» интеграционных цепочек производства и поставок.

Третье. Ни Европа, ни США, ни «азиатский Запад» (Япония, Южная Корея, Австралия и др.) не смогут безболезненно для себя осуществить полный «декаплинг» в отношении китайской экономики. Китай, в свою очередь, не сможет создать отдельную от Запада «параллельную» глобализованную экономическую систему, безболезненно переварив полный «декаплинг» со странами-лидерами западной экономики. Соответственно, можно ожидать оживления идей «рекаплинга» Китая и США, Западной Европы и «азиатского Запада», а также очередного витка практической глобализации на основе осовремененных принципов отношений Китая как новой сверхдержавы и «разбавленного» китайской экономикой коллективного Запада.

Четвертое. В формировании нового миропорядка усилится роль китайского фактора в результате формирования вокруг инициативы «Пояс и путь» новых геополитических конфигураций. Прежде всего, это относится к Центральной Азии, но затронет также Африку, Латинскую Америку и Южную Пацифику.

Пятое. В зависимости от того, какие тенденции волнообразного процесса декаплинга-рекаплинга будут преобладать, будет усиливаться или ослабевать активность НАТО в АТР.

Шестое. Япония и Южная Корея продолжают играть роль главных стабилизаторов и инновационных лидеров регионального развития, равно как и основных конкурентов Китая. Углубление многостороннего сотрудничества на пространстве «АСЕАН плюс...» в двусторонних («АСЕАН+Китай», «АСЕАН+Япония» и т.д.) и многосторонних («АСЕАН плюс Китай, Япония, Южная Корея») форматах может обеспечить дополнительно 0,5–1,0 п.п. прироста регионального ВВП, одновременно усиливая конкуренцию региональных лидеров за рынки стран ЮВА.

Седьмое. Отношения Китая и России будут характеризоваться волнообразностью. В случае рекаплинга, который объективно отдаляет Китай от России, сохранение стратегического партнерства двух стран будет требовать дополнительных личных усилий их лидеров. В ситуации декаплинга Россия не сможет полностью взять на себя роль, которую

Запад сегодня играет для китайской экономики, и Китай будет искать варианты реконфигурации на новых условиях.

Отдалению Китая от России может способствовать глобалистское видение Китаем мира и себя в мире (китайские концепции «мира с единой судьбой», «глобальной цивилизации», где Китай выступает как лидер глобализации), а также видение Запада в качестве конкурента, но не врага, а в некоторых случаях и партнера в решении актуальных проблем. Способствовать же сближению России и Китая будет общая антизападная, антиамериканская платформа, а также заинтересованность Китая в использовании российского фактора в противоборстве с США и прагматические экономические интересы обеих стран.

Восьмое. Экономическая конкуренция в регионе будет носить тройкий характер. Во-первых, конкуренция и сотрудничество между странами в рамках существующих многосторонних форматов (АТЭС, ТТП–11, «АСЕАН плюс...»), а также нового формата «Китай плюс ЦА–5». Данный формат будет иметь для Пекина приоритетное значение, поскольку в китайском восприятии здесь нет, в отличие от ШОС, «слишком антиамериканских» России и Ирана и «слишком проамериканской» Индии.

Во-вторых, это конкуренция между транснациональными корпорациями внутри региона. В-третьих, конкуренция между региональными и внерегиональными игроками, прежде всего из ЕС и США, в первую очередь на быстрорастущих высокотехнологических рынках.

Все это создаст мозаичную конструкцию с периодической сменой лидеров и, параллельно, с тенденцией к выравниванию условий и правил ведения бизнеса в целях оптимизации конкурентной борьбы.

Девятое. Экономическая конкуренция будет развиваться на фоне конкуренции политической вокруг китайско-американской «оси соперничества». Можно ожидать расширения формата AUKUS за счет подключения к нему Японии и Южной Кореи, а также европейских держав с глобальными амбициями (Франция). Формат Quad, скорее всего, ожидает вялая динамика вследствие переменчивой позиции Индии.

Китай в ответ, вероятно, будет фокусироваться на «раскручивании» форматов «Китай плюс ЦА–5» и «Китай плюс АСЕАН», на расширении и углублении китайско-российского военно-политического партнерства и развитии двусторонних связей с «проблемными», с точки зрения Запада, странами – Пакистаном, Афганистаном, Мьянмой, Северной Кореей.

Десятое. В случае превращения Китая в новую мировую державу и имплементации идеи «рекаплинга», новая архитектура в регионе будет строиться на двух «китах»: (1) отстаивания собственных интересов в конкурентной паре США и Китаем, но в нежестком варианте, т.е. с контролируемым допуском оппонента в свои ниши доминирования и (2) расширения пространств их прямого взаимодействия по общим проблемам безопасности и развития.

Альтернативный сценарий военного конфликта Китая и США представляется практически невероятным, поскольку он не только нанесет удар по интересам и мировым позициям США, но и поставит под угрозу безопасность Пекина по цепочке взаимосвязей: война→экономический кризис→социальный кризис→политический кризис→угроза власти КПК и ее лидеров.

Развитие региональных институтов и отдельных стран видится авторам следующим образом.

В перспективе продолжится перезаформатирование региональных институтов под воздействием изменений в иерархии влияния расположенных здесь государств, в первую очередь в связи с ростом экономической и военной мощи КНР. В то же время Пекину придется считаться с усилением региональной роли таких стран, как Индонезия, Вьетнам и Южная Корея. Конфигурация самого региона станет определяться рамками Индо-Пацифики,

чему объективно будет способствовать динамичный рост Индии, ее усиливающееся региональное и глобальное влияние.

Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) будет и далее действовать как механизм содействия региональному деловому взаимодействию и переговорным процессам. Однако эта структура вряд ли будет способна стать локомотивом регионального развития в силу неспособности преодолеть сохраняющиеся торговые и инвестиционные ограничения. Интеграционный потенциал стран-членов АСЕАН будет проявляться не столько в самой этой организации, сколько в развитии отношений с ведущими экономиками АТР в рамках форматов «АСЕАН плюс».

Выход на рынок США для стран АТР будет сопровождаться все большими сложностями. США поступательно идут на создание «ограничительной» линейки региональных институтов, частью – чисто экономических, частью – главным образом военно-политических, но с экономической подоплекой.

В числе последних – Quad и AUKUS. Суть долгосрочной «перезагрузки» Quad связана с переосмыслением понятия безопасности в более широком ракурсе, в частности с учетом новой роли информационных технологий. В США говорят о поддержке производственных цепочек, основанных на поставках из Австралии необходимых редкоземельных металлов, американских и японских технологических наработках, расширении соответствующей производственной базы в Индии. На основе широкой цифровизации в регионе будет введен контроль за экспортом инновационной продукции. При этом в рамках AUKUS США будут готовы пойти навстречу «особо доверенным союзникам» в вопросах передачи современной, в том числе военной технологии.

В 2022 г. была создана новая экономическая структура – Индо-тихоокеанское экономическое рамочное соглашение (Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity, IPEF) в составе тринадцати государств, включая США и Индию. В ее рамках будет осуществляться взаимодействие стран-членов в вопросах цифровизации, поддержки «чистой экономики», «честной экономики» и т.п.

Перспективы региональной интеграции в решающей степени будут определяться процессами, происходящими вокруг и внутри Всеобъемлющего прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ВПТТП). Предполагаемое вступление в эту структуру Великобритании, КНР и Тайваня способно придать новый импульс региональным и глобальным объединительным процессам и побудить США вернуться к вопросу о присоединении к этой организации.

В арсенале экономической дипломатии Вашингтона и Пекина остаются также АТЭС и вариант СВА–3 с участием Пекина, Сеула и Токио. Вопрос о том, чем обернется предстоящая четверть века с точки зрения продвижения и практической реализации интеграционных идей, остается открытым.

Дальнейшему возвышению КНР в региональном масштабе может помешать наложение трех чреватых кризисом факторов. Первый – замедление роста китайской экономики до социально опасного уровня. Второе – неминуемая в той или иной временной перспективе смена лиц в руководстве страны, чреватая дестабилизацией системы жестко централизованной партийно-политической власти. Третье – упоминавшийся выше внешнеполитический аспект проблемы, а именно: отношения КНР с США и Западом. Решение поставленной КПК задачи «превращения Китая к середине столетия в мировую державу» на фоне празднования 100-летия КНР в 2049 г. может сопровождаться активизацией внешнеполитической деятельности Китая, грозящей обострить его отношения с Западом. Дополнительную неопределенность привносит переход Гонконга под полную юрисдикцию КНР после завершения 50-летнего переходного периода.

В экономическом плане Китай сохранит средневысокие темпы роста с тенденцией к их постепенному снижению. До 2030–2035 гг. среднегодовые темпы прироста китайского

ВВП могут составить около 5%. В последующем все явственней будет проявляться тенденция к их снижению при одновременном улучшении качества роста.

Негативное влияние на экономику будет оказывать возможное обострение внутренних проблем КНР (общее снижение эффективности традиционных факторов экономического роста, борьба с долговой нагрузкой, демографический переход, снижение темпов прироста экспорта, уменьшение мультипликативного эффекта государственных инвестиций в инфраструктуру и т.д.).

При этом Китай продолжит ориентироваться на реализацию к 2035 г. и 2050 г. стратегических национальных социально-экономических целей. Для достижения к 2035 г. статуса среднеразвитой экономики темпы прироста китайского ВВП в ближайшие 10–12 лет должны составить в среднем 4,5–4,8% в год. К 2050-му году Пекин постарается сохранить эти показатели на близком к этому уровне.

Руководство КНР не откажется от стимулирования экономического развития посредством государственных инвестиций в инфраструктуру. Однако фокус инвестиционной стратегии постепенно будет смещаться от так называемой традиционной инфраструктуры (ж/д, аэропорты, вокзалы, автодороги и т.д.) в сторону «новой» – умные города, системы управления ЖКХ, системы связи следующих поколений, вычислительные центры или центры обработки больших данных, искусственный интеллект, энергосбережение, зеленая экономика и т.д. Китаю придется повысить расходы на НИОКР с нынешних 2,55% ВВП до уровня мировых лидеров (3%), а расходы на фундаментальную науку – с нынешних 0,16% ВВП до, как минимум, среднемировых показателей (0,45%).

Япония, будучи важнейшей частью «азиатского Запада», будет стремиться повысить свою роль в регионе и в мире. Несмотря на утерянный динамизм и сложные структурные проблемы, Япония остается важнейшей и во многом незаменимой частью мирового хозяйства. Это связано не только с масштабами и технологическим уровнем ее экономики, но и с высокой степенью транснационализации деятельности крупнейших японских корпораций. В результате, даже при сравнительно низких темпах роста ВВП значимость страны для мировой экономики будет оставаться высокой, а возможности сохранения международной конкурентоспособности – широкими. Последние, однако, будут ограничиваться узостью базы человеческого ресурса («старение» демографической структуры населения, негативное отношение к иммиграции), напряженным состоянием государственных финансов и невысокими результатами НИОКР японских компаний в «прорывных» сферах, обеспечивающих глобальное лидерство. Конкуренция с американскими и китайскими корпорациями первого эшелона в инновационных отраслях будет для японского бизнеса жесткой и не всегда успешной.

Тем не менее место Японии в мировой иерархии высокотехнологичных экономик, обеспечивающих высокий уровень жизни населения, останется высоким. В ряде отраслей, связанных с образом «зеленой» и высокоинтеллектуальной «экономики будущего», японские компании будут сохранять передовые позиции, в других – достойное место во втором эшелоне.

На этой основе самооценка японской политической элиты неизбежно будет расти. Отражением этого процесса станет большая дипломатическая активность, повышенные амбиции и стремление встать вровень с другими глобальными игроками во всех сферах мировой политики. Будет расти доля ресурсов, направляемых на военное строительство, включая международную военную инфраструктуру, как и на распространение своего влияния посредством «мягкой силы» и финансово-экономической помощи странам Юга. При этом идентификация себя в качестве важной части условного «коллективного Запада» будет сочетаться с сильными националистическими настроениями и стремлением избавиться от наследия неудачного для японского государства исхода Второй мировой войны.

С другой стороны, адаптация общества к меняющимся политическим и экономическим условиям будет требовать затрат и сдерживать реализацию международных

амбиций политической элиты. Во внутренней экономической и социальной стратегии целевой ориентир сравнительно высоких темпов количественного роста окончательно уступит место обеспечению внутренней устойчивости, безопасности и улучшения международного профиля.

Корейский полуостров в обозримой перспективе останется одним из главных источников нестабильности и напряженности в регионе. КНДР не откажется своих ракетно-ядерных программ ни добровольно, ни в обмен на какие-либо преференции. Их реализация рассматривается нынешней властью не только как условие собственного выживания, но и как мощное средство консолидации населения. С другой стороны, у внешнего мира нет никаких политических, военных или иных инструментов для принуждения Пхеньяна к отказу от его нынешней позиции. Эскалация конфронтации будет иметь волнообразный характер, с затишьями и всплесками, но едва ли выльется в полномасштабный конфликт, поскольку целью руководства КНДР является не внешняя экспансия, а политическое самосохранение.

Политический рекаплинг Китая с США гипотетически может создать предпосылки для включения северокорейской темы в пакет «большой сделки» между Пекином и Вашингтоном. Это будет стимулировать переговорный процесс в трехстороннем (КНР, США, КНДР) или четырехстороннем (те же плюс Республика Корея) форматах. В этих рамках волнообразно могут рождаться или умирать тактические договоренности, нацеленные на замораживание конфликтной ситуации вокруг ядерной проблемы с фиксацией статус-кво.

Вместе с тем всеобъемлющее комплексное урегулирование и обеспечение безопасности всех сторон при полном и необратимом отказе КНДР от ракетно-ядерных вооружений реально только после фундаментальной трансформации политической ситуации. Последняя возможна в случае выхода на политическую сцену более прагматичных элит, ориентирующихся на нормализацию и улучшение отношений, развитие связей между КНДР и всеми потенциальными партнерами. Вызревание условий для этого неизбежно будет длительным процессом, способным растянуться на десятилетия.

Долговременной целью Индии является создание собственной производственной базы и превращение страны в центр разработки и производства высокотехнологичной продукции, совместимой как с западными, так и с китайскими стандартами. Для этого ей необходимо обеспечить приток иностранных инвестиций и гарантировать реальному сектору индийской экономики рынки сбыта в регионе. Государства Восточной Африки рассматриваются как перспективный рынок сбыта индийских товаров; страны Залива, наиболее развитые государства Юго-Восточной Азии, Япония и Тайвань – как источник инвестиций и высоких технологий. При этом индийское руководство продолжает проводить протекционистскую политику в отношении наиболее уязвимых и социально значимых отраслей экономики, избегая участия в многосторонних экономических форматах, подразумевающих снижение тарифных барьеров и обеспечение свободного доступа иностранных участников в эти отрасли. В первую очередь это касается деятельности ВРЭП.

Ключевыми зонами конкуренции с Китаем для Индии остаются Восточная Африка, малые страны Южной Азии и развивающиеся страны ЮВА (в первую очередь Мьянма): индийское руководство пытается не допустить расширения там китайского присутствия, привлекая альтернативных игроков, прежде всего из Японии. При этом средний индийский бизнес охотно взаимодействует с китайскими фирмами, по сути, расширяя сферы китайского влияния и формируя сеть сотрудничества.

В случае «рекаплинга» Китая и США ставка Индии на использование в своих интересах китайско-американского противоборства может смениться акцентом на взаимодействие с противниками Китая – Японией и Южной Кореей. Возможен и альтернативный вариант: Индия попытается улучшить стратегические отношения с Китаем, пойдя на уступки по пограничным вопросам, прекратив противодействие присутствию Китая

в Восточной Африке и странах Залива и ослабив существующие ограничения на ввоз китайских товаров.

Что же касается роли *США* на этом пространстве, то она будет оставаться весомой в силу наличия у них в данном регионе значимых экономических и военно-политических интересов. Так, в американской «Стратегии национальной безопасности» (СНБ) Индо-Тихоокеанский регион выделен как самый динамично развивающийся, определяющий будущее развитие глобальной экономики. Соответственно, важнейшим компонентом СНБ является так называемая *индо-тихоокеанская стратегия*, целью которой является сохранение здесь лидирующих позиций США на длительную перспективу. Важнейшим элементом реализации этой стратегии является «интегрированное сдерживание» КНР на основе формирования военно-политических и экономических объединений с союзниками и «странами-единомышленниками» США; активизация и наращивание двустороннего военного сотрудничества США со своими основными союзниками – Австралией, Японией и Южной Кореей на основе действующих и дополняемых соглашений о совместной обороне и безопасности. Американская активность и развитие связей в этой области указывают на стремление США перейти от двухсторонних связей в формат синхронизированного многостороннего сотрудничества, сделав его ядром, к которому можно в перспективе подтянуть и другие страны ИТР из числа «единомышленников».

* * *

Все перечисленные явления и процессы, безусловно, являются функцией от условий, которые сложатся и получат то или иное развитие в этой части мира в ближайшие годы. Полагая, что мы станем свидетелями формирования и эволюции этих условий, прямо или опосредованно влияющих на описанные в книге новые региональные реалии, мы намерены продолжать наблюдать и изучать их в предстоящий исследовательский период. Итоги этой работы мы планируем представить в виде существующей пока только в наших планах будущей новой монографии. Надеемся, что будущее исследование станет очередным шагом в познании и понимании непростых реалий политической и экономической жизни Азиатско-Тихоокеанского региона, или, учитывая возрастающую роль Индии, Индо-Пацифики как более широкого пространства, пронизанного многочисленными связями и взаимозависимостями.

Список литературы

Официальные документы

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.).

Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы). 28 октября 2021 года

ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. ASEAN Secretariat, 23 June, 2019

ASEAN-U.S. Leaders' Statement on Cooperation on the ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. September 06, 2023

The EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific. Joint Communication to the European Parliament and the Council. European Commission. High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Brussels, 16.9.2021

Fact Sheet: In Asia, President Biden and a Dozen Indo-Pacific Partners Launch the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. The White House, Washington

The Future of the Indo-Pacific – Japan's New Plan for a “Free and Open Indo-Pacific” – “Together with India, as an Indispensable Partner”. Policy Speech by KISHIDA Fumio, Prime Minister of Japan. March 20, 2023 SSB, New Delhi, India

Individually Tailored Partnership Programme between NATO and Japan for 2023–2026, 12 June 2023

Indo-Pacific Strategy of the United States, February 2022. The White House. Washington.

National Security Strategy 2022. The White House. Washington.

National Security Strategy of Japan, October 2022

NATO 2022 Strategic Concept, 29 June 2023

Pacific Partnership Strategy of the United States, September 2022. The White House. Washington

Statement on Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. May 23, 2022

Statement on Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity. 2022.05.24. Press Information Bureau Government of India

Strategy for a Free, Peaceful, and Prosperous Indo-Pacific Region. Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea. 2022, December 28.

United States Strategic Approach to the People's Republic of China. The White House. Washington. 2020.

Монографии, отдельные главы монографий и статьи в сборниках

Борох О.Н., Ломанов А.В. Новое в идеологических подходах КПК // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2022. М.: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. Москва, 2023. С. 26–36.

- Бакулина П.В. Кузьмина К.А.* Политика экономических санкций КНР: правовое регулирование и правоприменительная практика // Финансовый журнал. 2021, т. 13, № 4, С. 24–38.
- Гамза Л. А.* Технологическое противостояние США и Китая в АТР // Россия и АТР. 2020. № 3(109).
- Гамза Л., Ломанов А.* Китай: экономическое восстановление в условиях внешнего давления // Год планеты: ежегодник / Вып. 2021 г.: экономика, политика, безопасность / Под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьева. М.: Идея-Пресс, 2022. С. 147–161.
- Гамза Л., Ломанов А.* Китай: политическая стабильность и торможение экономики // Год планеты: ежегодник / Вып. 2022 г.: экономика, политика, безопасность / Под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьева. М.: Идея-Пресс, 2023. С. 137–151.
- Евсеев В.В.* Торговая и технологическая война США и Китая // Геоэкономика энергетики. 2019. Т. 7, № 3. С. 110–130.
- Ефремова К.А.* Бирма/Мьянма: парадоксы демократического транзита (1987–2017) // М.: МГИМО-Университет. 2018. 187 с.
- Ефремова К.А.* Поствыборный кризис в Мьянме // Пути к миру и безопасности. 2021. №1(60). С.89–98.
- Замараева Н.А.* Проект Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) – первые вызовы реализации // Востоковедение: история и методология. 2019. №1. С. 45–55.
- Замараева Н.А.* Международные вызовы и пакистано-китайские отношения (2021–2022). // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Т. 27. № 27. С. 193–209.
- Киреева А.А.* «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели, значение // Сравнительная политика. 2018. Т.9. №3. С. 61–74.
- Кухаренко Н.В. Кухаренко С.В.* Санкционная политика США в отношении Китая и России // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы XI международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2021. С. 396–400.
- Ломанов А.В.* Циркуляция против изоляции // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 3 (109). С. 8–20.
- Ломанов А.В.* Глобальные последствия американо-китайского противостояния // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 7. С. 635–639.
- Михеев В., Луконин С.* Болевые точки Пекина – 3 (Смена экономической модели и внешнеполитические риски) // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 1. С. 28–37.
- Михеев В., Луконин С.* Кризис-содержащие факторы развития КНР // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 5. С. 24–33.
- Мосяков Д. В.* Индо-Тихоокеанский регион в фокусе мировой политики: тренды развития и Россия. М.: ИВ РАН, 2023. 570 с.
- Национальные и международные стратегии на индо-тихоокеанском пространстве: анализ и прогноз / Под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 182 с.
- Новоселова Л.В.* Китай: есть ли жизнь после санкций? (актуальный ретровзгляд) // Российский экономический журнал. 2014. № 5. С. 59–71.

Переформатирование системы международных отношений в Тихоокеанской Азии: векторы и динамика изменений // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. №1. С. 93–103

Перова М. К. Компании Китая в высокотехнологичных отраслях экономики США // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16. № 3. С. 139–155.

Салицкий А.И. Два контура: Китай ответил на вызовы 2020 года // *Проблемы Дальнего Востока*. 2021, № 3. С. 48–60.

Стрельцов Д.В. Российско-японские отношения после Абэ: новый стресс-тест? // *Японские исследования*. 2022. №2. С. 120–133.

Сумский В.В. Вьетнам: на гребне успеха и в раздумьях о будущем // *Вьетнамские исследования*. М.: 2021, Т.5, №3. С.168–176.

Торкунов А., Стрельцов Д. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // *МЭ и МО*. 2023. Т. 67. № 4. С. 5-16.

Трунов Ф.О. Подход НАТО к выстраиванию сотрудничества с Японией: трудности и перспективы // *Японские исследования*. 2023. №3. С. 88–102.

Тюляндина А.А. Американско-китайские противоречия на современном этапе развития // *Проблемы социальных и гуманитарных наук*. 2020, № 3(24). С. 207–212.

Федоровский А. Южная Корея: трудности адаптации к внутренним и внешним вызовам // *Год планеты: ежегодник / Вып. 2022 г.: экономика, политика, безопасность / Под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьева*. М.: Идея-Пресс, 2023. С. 248–257.

Федоровский А. Влияние Quad и AUKUS на процессы в Индо-Тихоокеанском регионе // *Год планеты: ежегодник / Вып.2021 г.: экономика, политика, безопасность / Под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьева*. М.: Идея-Пресс, 2022. С. 64–73.

Швыдко В.Г. Первый год премьерства Кисида Фумио: конец «абэномики» или ее продолжение? // *Японские исследования*. 2023. №1. С. 80–93.

Швыдко В. Япония: акцент на безопасность в условиях роста внешней турбулентности. *Год планеты: ежегодник / Вып. 2022 г.: экономика, политика, безопасность / Под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьева*. М.: Идея-Пресс, 2023. С. 152–161.

Acharya A. ASEAN and Regional Order: Revisiting Security Community in Southeast Asia. *Routledge*, 2021. 156 pp.

The ASEAN Drama: Half a Century and Still Unfolding / Ed. By Edna E.A. Co, Carlos Tabunda Jr. [Metro Manila]. UP Center for Integrative and Development Studies, Development Academy of the Philippines, 2017, 208 pp.

The Belt and Road Initiative and the Politics of Connectivity (ed. by Chakma B., Dai Xiudian). Springer, 2022.

Campbell K. *The Pivot: The Future of American Statecraft in Asia*. New York: Twelve, 2016. 432 pp.

Dreher A., Fuchs A., Parks B., Strange A., Tierney M.J. *Banking on Beijing: The Aims and Impacts of China's Overseas Development Program*. Cambridge University Press, 2023, 312 pp.

Green M.J. *Line of Advantage: Japan's Grand Strategy in the Era of Abe Shinzo*. Columbia University Press, 2022, 328 pp.

Gu Xueming. Pursuing High-quality Belt and Road Cooperation and Fostering a New Development Paradigm // *Foreign Affairs Journal*, 2022, Spring. P. 38–50.

- Indo-Pacific Strategies: Navigating Geopolitics at the Dawn of a New Age / Ed. by Cannon B.J., Hakata K. Routledge, 2022. 270 pp.
- Janardhan N.* India's Counter to China's West Asia Strategy. Evolving Security Dynamic in West Asia and India's Challenges / Ed. by Trigunayat A. – New Delhi: Pentagon Press LPP, 2022. 300 pp.
- India-China Maritime Competition: The Security Dilemma at Sea / Ed. by Rajesh Basrur, Anit Mukherjee and T.V. Paul. Routledge, 2019. 206 pp.
- Karim M.A.* The Bay of Bengal Geo-Politics and the QUAD. Nova Science Publishers. 2023. 170 pp.
- Kim Yanghee.* Korea's "Economic-Security Strategy" and the Indo-Pacific Economic Framework // IFANS Focus. 2022, August 4, P.14.
- Khan M.* One Belt, One Road and Geopolitics in the Indian Ocean // Hilal. 2016. No. 6. P. 4–10.
- Manning R. A.* Swimming in Uncharted Waters: Ukraine and US Asia-Pacific Policy // Global Asia. 2022, June. <https://globalasia.org/v17no2/>.
- Martel S.* Enacting the Security Community: ASEAN's Never-Ending Story. Stanford University Press, 2022. 240 pp.
- Mazarr M.J., Frederick B.* et al. Understanding Influence in the Strategic Competition with China. Santa Monica, CA, RAND Corporation, 2021. 168 pp.
- Medcalf R.* Indo-Pacific Empire: China, America and the contest for the world's pivotal region Manchester University Press, 2020. 300 pp.
- Murphy E.* Burmese Haze: US Policy and Myanmar's Opening – and closing // Ann Arbor. Asia Shorts. 2022. 215 pp.
- Ohnesorge H.W.* Soft Power and the Future of U.S. Foreign Policy. Manchester University Press, 2023, 280 pp.
- Parks T.* Southeast Asia's Multipolar Future: Averting a New Cold War. Bloomsbury Publishing, 2023. 264 pp.
- Platte J.E., Hyun Ji Rim.* Indo-Pacific Strategies and Foreign Policy Challenges. Taylor & Francis, 2023. 245 pp.
- RCEP: Implications, Challenges and Future Growth of East Asia and ASEAN / Ed. by Kimura F., Thangavelu S., Narjoko D. – Jakarta, ERIA, 2022.
- Sidgel, A.* India in the Era of China's Belt and Road Initiative: How Modi Responds to Xi. Lexington Books, 2020. 234 pp.
- Yoon Suk-yeol.* South Korea Needs to Step Up. The Country's Next President on His Foreign Policy Vision // Foreign Affairs. 2022, February 8.
- Yuan Peng.* Strategic Thinking on the Path of National Security with Chinese Characteristics // Contemporary International Relations. May/June 2022. Vol. 32, No. 3. P. 7–8
- Zhang Wenzong.* Balancing Development and Security in the Context of Containment and Pressure by the United States // Contemporary International Relations. September/October 2022. Vol. 32. No. 5. P. 35–47

Abstract

The vast area extending from India through Northeast Asia to Australia attracts increasing attention as a complex intersection of geopolitical and economic interests of major global powers and their middle-power partners. It was true for a prolonged period of globalization drive, when efforts were made to build a network of agreements to facilitate trade and investment on a global and regional scale, as well as to work out a set rules and standards that would be accepted as common and universal to ensure safety and order. It was equally true in the period of cooling of aspirations to realize those goals against the background of rising international tensions and disruptions caused by COVID-19 pandemic. It is invariably true in the post-globalization era of rethinking security concerns and learning to live with fragmentation and uncertainty.

The book presents a view of a pool of facts and developments that we have been witnessing in the Indo-Pacific over recent several years. It also attempts to interpret and systemize various and often contradicting trends that appeared to dominate political and economic life of key countries in the region. Among those subject to analysis are the cooling of Chinese economy and the ensuing reformatting of relevant government policies; ideological shifts in China and new tasks for its administration. New vision of the future of Japan and its international standing as seen by the Japanese political class. Major shifts in South Korean politics and its external aspects. No signs of either reforms or, conversely, social and economic collapse in the North of Korean Peninsula. Consolidation of power in India and the rise of its ambitions. Turbulence in smaller countries of South and Southeast Asia.

Even more attention is focused on international relations in the Indo-Pacific. Its major issues on the research agenda include Sino-American contradictions in various fields and attempts to decouple their economies for political reasons. Fresh edition of the US Indo-Pacific strategy and its ideological background. Broad picture of great power competition strategy in the region and the buildup of new alliances and security frameworks. Search for new role against this picture by South and Southeast nations. Rising tensions in the Korean Peninsula and the failure of diplomacy to ease them, resulting in new hazards and challenges. India's growing involvement in multilateral alliance diplomacy and attempts to assert this country as a rising great power. Japan's diplomatic maneuvering to help build an international role for its military potential. Fruitless efforts to revive activity of multilateral frameworks to further liberalize foreign trade and investment on a regional scale while value chains disruptions turn into national security problem. These and other issues are scrutinized, and their future prospects assessed by the authors.

Finally, the book lays out ground for discussing numerous possible scenarios of the development of the overall situation in the Indo-Pacific for the coming years. No ready answers are given but attempts are made to offer insights and conclusions which state that dynamics will be high, and profound changes inevitable.

Об авторах

ВАХРУШИН Иван Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и политики Китая Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

ГАМЗА Леонид Анатольевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

ГОЛОВИН Степан Нугзарьевич, научный сотрудник группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

ДАВЫДОВ Олег Владимирович, старший научный сотрудник группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

КАНАЕВ Евгений Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

КУПРИЯНОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель Центра Индоокеанского региона ИМЭМО РАН

ЛОМАНОВ Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, заместитель директора, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

ЛУКОНИН Сергей Александрович, кандидат экономических наук, заведующий сектором экономики и политики Китая Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

МАКАРЕВИЧ Глеб Григорьевич, младший научный сотрудник Центра Индоокеанского региона ИМЭМО РАН

МИТРОХИН Евгений Максимович, соискатель научно-исследовательского центра информатики (НИЦИ) при МИД РФ

МИХЕЕВ Василий Васильевич, академик РАН, доктор экономических наук, член Дирекции, руководитель научного направления ИМЭМО РАН

ПОТАПОВ Максим Александрович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник сектора экономики и политики Китая Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

САВИЩЕВА Мария Дмитриевна, старший лаборант-исследователь Центра Индоокеанского региона ИМЭМО РАН

СУМСКИЙ Виктор Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

ТЕРСКИХ Михаил Андреевич, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра Индоокеанского региона ИМЭМО РАН

ФЕДОРОВСКИЙ Александр Николаевич, доктор экономических наук, руководитель группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

ШВЫДКО Виталий Григорьевич, кандидат экономических наук, руководитель группы экономики и политики Японии Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

About authors

DAVYDOV Oleg, Senior Research Fellow, Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center for Asia Pacific Studies (IMEMO)

FEDOROVSKY Aleksander, Doctor of Science (Economics), Head of Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center for Asia Pacific Studies (IMEMO)

GAMZA Leonid, Cand. of Science (Economics), Senior Research Fellow, Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center for Asia Pacific Studies (IMEMO)

GOLOVIN Stepan, Research Fellow, Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center for Asia Pacific Studies (IMEMO)

KANAEV Evgeny, Doctor of Science (History), Lead Research Fellow, Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center for Asia Pacific Studies (IMEMO)

KUPRIYANOV Alexey, Cand. of Science (History), Head of Center of Indian Ocean Region (IMEMO)

LOMANOV Alexander. Doctor of Science (History), RAS Professor, Deputy Director, Head of Center of Center for Asia Pacific Studies (IMEMO)

LUKONIN Sergey, Cand. of Science (Economics), Head of Sector of Economy and Politics of China, Center for Asia Pacific Studies (IMEMO)

MAKAREVICH Gleb, Junior Research Fellow, Center of Indian Ocean Region (IMEMO)

MIKHEEV Vasily, RAS Academician, Doctor of Science (Economics), Research Director, Center for Asia Pacific Studies (IMEMO)

MITROKHIN Evgeny, Candidate of the Scientific Research Center of Informatics at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

POTAPOV Maxim, Doctor of Science (Economics), Chief Research Fellow, Sector of Economy and Politics of China, Center for Asia Pacific Studies (IMEMO)

SAVISHCHEVA Maria, Senior Research Assistant, Center of Indian Ocean Region (IMEMO)

SHVYDKO Vitaly, Cand. of Science (Economics), Head of Group of Economy and Politics of Japan, Center for Asia Pacific Studies (IMEMO)

SUMSKY Victor, Doctor of Science (History), Chief Research Fellow, Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center for Asia Pacific Studies (IMEMO)

TERSKIKH Mikhail, Cand. of Science (Politics), Research Fellow, Center of Indian Ocean Region (IMEMO)

VAKHRUSHIN Ivan, Cand. of Science (Economics), Senior Research Fellow, Sector of Economy and Politics of China, Center for Asia Pacific Studies (IMEMO)

Научное издание

Новая реальность индо-тихоокеанского пространства

*Под общей редакцией
Михеева Василия Васильевича*

*Ответственные редакторы:
Ломанов Александр Владимирович
Швыдко Виталий Григорьевич*

Монография

ISBN 978-5-9535-0567-3

9 785953 505673

Подписано в печать 08.12.2023.
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем 19,25 п.л., 13,8 а.л. Тираж 300 экз. Заказ № 13/2023

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23